

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра славянской филологии

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
памяти заслуженных профессоров
МГУ им. М. В. Ломоносова
Р. Р. Кузнецовой и А. Г. Широковой

УДК 800
ББК 81.2
М 34

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Электронная версия сборника, опубликованного в 2004 году.
Расположение текста на некоторых страницах электронной версии
может не совпадать с расположением того же текста книжного издания.
При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

М 34 Материалы научных чтений памяти заслуженных про-
фессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под ред.
В.Ф.Васильевой и А.Г. Машковой. – М.: МАКС Пресс. – 116 с.

ISBN 5-317-00983-9

Сборник включает работы по славянскому языкознанию и исто-
рии славянских литератур, написанных по материалам докладов на на-
учных чтениях памяти проф. Р.Р.Кузнецовой и проф. А.Г.Широковой.
Предназначается для преподавателей и научных сотрудников, ас-
пирантов и студентов филологических факультетов и факультетов
иностраных языков.

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 5-317-00983-9

© Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова, 2004

Ананьева Н.Е. (Москва). Оппозиция «ДУША–ТЕЛО» В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Duszy nie słychać,
Duszy nie widać.
Agnieszka Osiecka.
“O przydatności duszy w życiu ptasim”

1. Концептам *душа* и *дух*, *тело* и *плоть*, соотношению их с такими понятиями, как *сердце*, *ум* и *рассудок* посвящена довольно обширная литература (ср., например, [Wierzbicka 1976; Wierzbicka 1990; Wierzbicka 1999; Шмелев 1997; Урысон 2003]). Все эти работы опираются главным образом на материалы русского языка или, как [Wierzbicka 1976], исследуют данные концепты на универсальном метаязыке «семантических примитивов» при использовании конкретных примеров из русского языка в сопоставлении с английским (ср. [Wierzbicka 1999]). Так, сопоставляя русск. *duša* (*duša*₁ и *duša*₂) и англ. *soul* (*soul*₁, *soul*₂, *soul*₃ и *soul*_m – marginalia) с англ. *mind*, А. Вежбицка относит последний концепт в современном английском языке только к интеллектуально-рациональной сфере человека, не соотносящейся с психологическим, трансцендентальным, эмоциональным и этическим аспектами человеческой сущности (в отличие от более раннего периода истории английского языка и общества), и потому не передающим содержания русск. *duša*. С другой стороны, соотнося частотность употребления англ. *soul* и русск. *душа*, соответственно, с англ. *body* и русск. *тело*, А. Вежбицка делает вывод о большей «телесности» английского дискурса и большей «душевности» русского [Wierzbicka 1999].

2. Представляется небезынтересным сопоставить результаты исследований концептов «*душа*, *дух* – *тело*, *плоть*» в русском языке с данными западнославянских языков (в первую очередь польского и чешского). Проведенное сопоставление, с одной стороны, позволяет выявить совпадения в языковой презентации общих для русских и западных славян (а, возможно, общеславянских и даже общехристианских) представлений о душе и теле, а, с другой, – установить своеобразие того фрагмента западнославянской языковой картины мира, которым выражены анализируемые понятия.

Например, душа в оппозиции к телу (составляя с ним несомненно единство – ср. *душой* и *телом* (предан) и т.д., «неестественность» живого тела без души, выраженная в чешск. *chodit jako tělo bez duše* «ходить как в воду опущенный» и др.) представляется как некая нематериальная невидимая сущность, располагающаяся в области сердца человека (от-

сюда нередкая синонимия слов *душа* и *сердце* – *z całego serca // duszy*, а также переносное употребление слова *duše/dusza/душа* по отношению к человеку, находящемуся в центре какого-либо коллектива, или по отношению к неживым предметам в значении «сердцевина» (чего-либо): польск. *dusza* (today, pnia) – сердцевина (стебля, ствола), чешск. *bezová duše* – сердцевина ветки бузины. польск. *dusza od żelazka* – сердечник утюга и др.). Душа представляется одновременно легкой (этимологически, как и *дух*, связана с дыханием), подвижной сущностью и обладающей в качестве вместилища / резервуара (как и сердце) объемом, определенной глубиной (ср. польск. *do dna duszy, w głębi duszy*, чешск. *do hloubi duše, открыть и закрыть* душу, польск. *otworzyć duszę przed kimś*, чешск. *odhalit duši komu* чешск. *chovat v duši, хранить/прятать* в душе, польск. *wchodzić kaloszami do duszy, залезть* кому-либо в душу и мн. др.). Душа может представляться как «целое» и «делимое» на части. Она может изменять свои размеры под воздействием тех или иных эмоций (ср. польск. *dusza gośnie* – от радости, чешск. *była v něm malá dušička* – от страха). Человек может распоряжаться своей душой (*отдать, продать, погубить*, чешск. *dát duši za koho, upsat duši čertu* и др.), и одновременно душа обладает самостоятельностью действий и поступков (желает, горит, страдает и т.д., ср. польск. *ile dusza zapragnie* «сколько душа пожелает»), бывает довольной и недовольной чем-л. (ср. чешск. *tak už má dušička pokoj* – «теперь твоя душенька довольна»). Являясь главной сущностной особенностью человека, она может употребляться в качестве его субститута (ср. обращение «душа моя», польск. *duszko* «душенька», русск. (крепостная) душа, на *душу* населения, *подушный* налог, ср. польск. *na głowę ludności*).

Если обычным местом души является область внутри грудной клетки, в сердце или около него, то под влиянием тех или иных эмоций душа может изменить свое привычное место. Так, от страха во всех трех сопоставляемых языках «душа может уходить *в пятки*», но только в польском она может оказаться «на плече» (*z duszą na ramieniu szłam na egzamin*). У ослабленного болезнью человека, до того как его душа/дух вообще покинет тело (ср. *испустить дух, отдать Богу душу, wyzionąć ducha, wypustit duši*), по представлениям чехов, душа может очутиться «на языке»: *mít duši na jazyku* «дышать на ладан, быть при смерти». Более подробно примеры тождественных с русскими и отличающихся от них польских и чешских языковых формул, содержащих лексемы *dusza/duše, duch*, приводятся в докладе.

3. В польском и чешском языках отсутствует слово *плоть* как номинация материальной сущности человека. Лексемы *pleć* и *pleť*, хотя и относятся к материальным, физическим признакам человека, но не являются языковыми воплощениями концепта «тело» (польск. *pleć* «пол (человека)», чешск. *pleť* «кожа; кожа лица, цвет лица»). В связи с этим второй член оппозиции «дух – плоть», в которой духовное начало противопоставлено материальному, сугубо физическому, в западнославян-

ских языках выражен либо лексемой «тело», либо более конкретными составляющими «тела» (*кости, кровь, мясо* и т. д.). Ср. русск. умерщвление *плоти* – польск. *umartwianie ciała*, облекаться *в плоть* и *кровь* – польск. *stawać się ciałem, oblekać się ciałem (w ciało)*, русск. *плоть от плоти* – польск. *kręć z krwi, kość z kości*, русск. *воплотить(ся)* – польск. *ucieleśnić (się)*, русск. *плотский* – польск. *cielesny, stosunek cielesny* – половая (т.е. плотская) связь, русск. *плотоядный* (букв.) – польск. *mięsożerny*, чешск. *masožravý* (ср. *masožravec* – плотоядное животное), польск. *Polak z krwi i kości* – подлинный, настоящий (т.е. всей своей плотью) поляк, ср. чешск. *jsme jen z masa a kostí // z masa a krve* – мы всего лишь люди (т.е. брeнная плоть), русск. *войти в плоть и кровь* – чешск. *vejít // přejít do krve*, польск. *wejść w krew*.

4. При употреблении в переносном значении «объединение людей» (профессиональное, государственное и т.п.) польск. *ciało* часто соответствует русск. *óрган* (генетически соотносящееся с *частью* материальной субстанции человека – тела), а также другие эквиваленты, номинирующие совокупности людей (коллектив, состав). Ср. также соответствие «корпус», связанное с концептом «тело» (лат. *corpus* «тело, плоть»). Ср. *ciało ustawodawcze* – законодательный *óрган*, *ciało pauczycielskie* – преподавательский *состав*, *ciało dyplomatyczne* – дипломатический *корпус*, *ciało związkowe* – профсоюзный *óрган*, «*Ależ to nie to ciało*» (из устной речи) – «Но это совсем не тот *óрган* (который нужен)».

5. Одно из этимологических значений славянского *tělo* – это «труп» (ср. [Черных 1994 II: 234]). Однако в современном русском языке изолированное употребление лексемы «тело» (без контекста ситуации или определений вроде «тело убитого», «тело покойного» и под.) ассоциируется скорее с плотскими радостями живого организма, нежели со смертью, в отличие от лексемы «труп» (ср. оппозицию заглавий произведений В.Ф. Одоевского «Мертвое тело» и Л.Н. Толстого «Живой труп»). Также не выделяется для слова *tělo / ciało* значение «труп» в словарях современного польского и чешского языков. В чешском одно из значений *tělo* синонимично чешск. *trup*, но имеющему значение «корпус (тела), туловище». Тем не менее старое значение «труп» «проглядывает» в таком польском словосложении, как *cialopalenie* «трупосожжение» (ср. также производный адъектив *cialopalny*: *globy cialopalne* «могильники трупосожжения»).

6. В докладе уделено внимание и словообразовательным связям лексем *dusza, duše* и *ciało, tělo*. Так, для польского и чешского языков характерно отсутствие сложных слов с первым компонентом *душе-*, в отличие от русского языка (ср. *душегуб* и образованные по его модели новообразования «*душелюб*» – «душелюб и сердцевед» Евгений Сазонов из «Литературной газеты», «*душеед*» – у автора христианской поэмы-фэнтэзи «Мои посмертные приключения» Ю.Н. Вознесенской, прилагательные *душеспасительный, душещипательный* и др.). В русском языке отсутствует, в отличие от польского, аугментатив от лексе-

мы «тело» (польск. *cielsko*). Отмечаются различия в словообразовательных средствах, оформляющих тождественные словообразовательные значения. Ср. русск. уменьшит. *тельце*, в том числе и как биол. – кровяные *тельца*, чешск. *těličko* при биол. *tělisko*, польск. биол. *ciałko*; русск. *душенька*, польск. *duszyčka*, чешск. *dušička*; при этом в религиозном значении в русском языке употребляется непроемная лексема *душа*, которой соответствуют польск. и чешск. деминутивы: *duszyčka*, *dušička*, ср. наименование дня поминовения усопших (2 ноября) в польском и чешском языках: *Zaduszki*, *Dušičky*.

Л и т е р а т у р а

- Wierzbicka A.* Mind and body – from the semantical point view // Syntax and semantics. Academic Press. V. 7. 1976.
- Wierzbicka A.* Duša (≈soul), toska (≈yearning), sud'ba (≈fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Pod red. Z. Saloniego. Białystok, 1990.
- Wierzbicka A.* Duša – soul i mind. Dowody językowe na rzecz etnopsychologii i historii kultury // Wierzbicka A. Język – umysł – kultura. Warszawa, 1999. S. 522-544.
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира. Часть I. Языковое представление об устройстве человека («наивная анатомия»). М., 2003. С. 20-81.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Том II. М., 1994.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Глава 4. Дух, душа и тело в свете данных русского языка. М., 1997. С. 523-539.

Ацаркина Т.А. (Москва). ТЕКСТ – ПЕРЕВОДЧИК – ЧИТАТЕЛЬ

Последние два десятилетия, отделяющие доперестроечную Россию и Чехию после «бархатной революции», выдвигают на первый план требование учета переводчиком всесторонней информации об адресате (культурный уровень, социальная принадлежность и т.д.) и делают его едва ли не решающим. Принадлежность читателя к определенному поколению часто значительно затрудняет задачу переводчика осмыслить и выразить содержание и художественное своеобразие текста оригинала и передать его средствами другого языка без значительных смысловых потерь. Жанровое и стилистическое богатство художественных текстов предъявляет самые высокие требования к переводу как к сфере, в которой сталкиваются не только различные, пусть даже близкородственные, языковые системы, но литературы и культуры разных национальных сообществ.

В связи с этим особое значение в литературе по переводоведению приобретает лингвистический аспект. Особенности структуры художественного текста требуют от переводчика, целью которого является создание нового текста, владения приемами, основанными на различных видах трансформаций: лексико-семантических, грамматических, синтаксических, трансформаций в порядке слов и т.д. В.Н. Комиссаров

[1973, 1980], разрабатывая теорию уровней эквивалентности, устанавливает соотношения между понятием эквивалентности и соответствующими уровнями ИЯ и их конкретизацией в переводе, т.е. на уровне знаковом, высказывания, сообщения, описания ситуации и коммуникативных целей, причем эти последние являются решающими для эквивалентности перевода. В этом смысле необходимо разграничить общий, концептуальный принцип перевода художественного текста и частные, конкретные переводческие приемы, реализуемые при переводе отдельных фрагментов текста.

Настоящее сообщение посвящено проблемам перевода, ориентации переводимого текста на определенный круг читателей. Учет переводчиком уровня информированности, культуры, интересов, возраста и т.д. адресата (читателя) во многом определяет подход к тексту оригинала и отражается на характере процесса перевода. Переводчик должен знать что, где, когда и для кого он переводит. Анализ ошибок, связанных с игнорированием осознанного представления об адресате, дает большие возможности как при обучении переводу, так и при решении ключевых вопросов теории и практики перевода.

Кроме ориентации на определенный тип адресата, переводчику следует глубоко проникнуть в различия коммуникативной ситуации, зачастую обусловленные значительным временным разрывом между созданием оригинала и реализацией его перевода. Все это ставит переводчика перед выбором: как дополнить перевод необходимой для читателя информацией, не нарушая при этом «художественного баланса» между исходным и целевым текстом. Однако вопрос о том, какая информация, как, в какой форме и в каком количестве может дополнить перевод по сравнению с оригиналом, является предметом научных дискуссий среди специалистов по теории перевода. Так, Й. Леви [1983, 123–124] пишет: «Значительная разница во времени и расстоянии могут привести к тому, что многое, относящееся к миру оригинального текста, будет не понято в другом языковом сообществе, поэтому средства, обычно используемые для точного перевода, могут быть заменены объяснениями или лишь намеком...»

Вопрос о том, в каком случае, каким образом, в какой форме и в каком объеме переводчик может включить необходимую для адекватного понимания текста перевода поясняющую информацию, часто приходится решать при обучении студентов на семинарах по переводу художественных текстов. М. Грдличка [1997, 30] рассматривает три возможности: 1) внести дополнительную информацию прямо в текст в форме т.н. внутреннего объяснения; 2) дать информацию в примечаниях, пояснениях; 3) поместить соответствующую информацию в предисловие или послесловие. Хотя все три возможности могут быть успешно использованы в различных сочетаниях, предпочтение, безусловно, следует отдать первой.

В заключение приведем пример необходимого отступления от прямого перевода и внесения в текст некоторых дополнительных пояснений. Речь идет о переводе рассказа современного чешского автора на русский язык. Герой в соответствующей ситуации обращается к героине со словами: «Vzpomeň si na gubářovu ženu» – *Вспомни о жене рыбака*. Речь идет, разумеется, о пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Прямой перевод, к которому прибегли некоторые студенты, привел к значительным смысловым потерям. Среди удачных были варианты: «Вспомни сказку о золотой рыбке», «Вспомни старуху из сказки о рыбаке и рыбке» и т.д.

Белуцова В.В. (Москва). «ПОИСКОВЫЕ СЛОВА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Функционирование языковой единицы определяется ее ролью в высказывании, выполняемой задачей и достигнутой целью. Связывая значения и внеязыковые цели общения, функции раскрываются и реализуются в речи [Бондарко 1984].

В работах чешских лингвистов, занимающихся изучением особенностей устной речи ([Čechová 1992], [Müllerová 1994], [Hoffmannová, Schneiderová 1992] и др.), рассматриваются *členicí signály, kontaktná slova, parazitní vsuvky, vyplňková slova, spojovací vsuvky a konektory*, при этом репертуар описываемых языковых единиц во многом идентичен. Так, например, М. Чехова признает, что некоторые из «слов-паразитов» могут помогать устанавливать контакт между говорящим и слушающим, а О. Мюллерова, исследуя особенности синтаксического построения устной речи и различные виды сегментации текста, называет встречающиеся ей в местах потенциальных пределов слова *сигналами членения*, оговаривая, что некоторые из них могут связывать различные сегменты речи (*коннекторы, соединительные слова*). Учитывая, что такое разнообразие названий, вероятнее всего, связано с конкретной направленностью исследований и выявлением отдельных функций, предлагается объединить эти единицы под общим названием «поисковые слова» [Zimek 1979].

Основанием для подобного объединения служит факт обусловленности употребления «поисковых слов» (ПС) особенностями памяти человека. Известно, что в процессе продуцирования высказывания говорящий пользуется наряду с долговременной и оперативной памятью, так же кратковременной и промежуточной. Механизмы порождения высказывания таковы, что в определенных случаях человеку может потребоваться некоторое время на поиск (восстановление) формулировки, ушедшей из кратковременной памяти. Предоставление этого времени и является общей функцией всех ПС.

«Поисковые слова», как правило, не имеют конкретного лексического значения, однако обладают большим функциональным потенциа-

лом, который реализуется в условиях широкого контекста и коммуникативной ситуации, придавая различным коммуникативным типам высказываний и тексту целую шкалу дополнительных оттенков или коннотаций, а также другие функциональные значимости [Широкова 1997].

Можно выделить следующие функции ПС:

Контактная функция – ПС используются говорящим для привлечения к себе внимания остальных участников коммуникации. В зависимости от местоположения ПС могут приобретать дополнительное значение. Так, например, ПС в начале реплики могут означать «я начинаю говорить» и «я начинаю говорить» + «я понял Вас»; внутри реплики на месте потенциального предела – «я продолжаю говорить, слушайте меня» и «я говорю, слушаете ли Вы меня»; кроме того, некоторые ПС могут отражать отношения между участниками коммуникации (формальные/неформальные). В этой функции чаще всего выступает слово *no*, далее следуют *jo, žejo, to viš, ale, nojo, že, ne, hele, co znáte to, chapeš* и *teda* [Реброва 2003].

Функция сигнализации членения – ПС почти всегда находятся в местах потенциальных пределов, возникающих в процессе различных видов сегментации текста, и могут выражать: а) резкую смену темы; б) скачок с одной мысли на другую; в) возврат к предыдущей, ранее не законченной мысли. В качестве сигнала членения чаще всего выступает *no*, иногда оно употребляется в сочетании с *tak*, что увеличивает общее время звучания ПС и предоставляет говорящему дополнительную возможность сформулировать следующую фразу.

Функция соединения – ПС служат для установления отсылок к предыдущей части сообщения. При этом отступление говорящего от основной темы может быть вызвано как необходимостью уточнения, так и вмешательством в его речь других участников коммуникации. В этой функции выступают ПС *no, tak, ale, asi, teda, jo, jako* [Реброва 2003].

Функция уточнения – в процессе спонтанного общения говорящий продуцирует высказывание непосредственно в момент речи, поэтому он часто бывает вынужден изменить ранее выбранную и уже начатую синтаксическую линию текста или «перескочить» с одной конструкции на другую. Ввести исправления в контекст помогают, такие ПС, как *tedy, vlastně, totiž, spíše, raději, nebo*, находящиеся, как правило, перед исправленным словом. При этом выбор ПС связан с конкретным видом исправлений (грамматических или смысловых).

ПС часто называют «словами-паразитами», т.к. иногда появляется привычка употреблять их в речи вне зависимости от того, нужно ли говорящему время для поиска подходящей формулировки. Именно эта группа ПС наиболее изменчива и подвержена влиянию экстралингвистических факторов.

Изучение функционирования ПС представляет интерес не только теоретический (систематизация и классификация ПС, сопоставительный

аспект – репертуар ПС в других языках), но и практический (переводческий, дидактический и др.).

Л и т е р а т у р а

- Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М., 1998.
- Широкова А.Г.* Условия выявления функциональной значимости синсемантических частей речи и определение их межъязыковой эквивалентности (на материале междометий и частиц русского и чешского языков) // Проблемы изучения отношения эквивалентности в славянских языках. М., 1997.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Ленинград, 1984.
- Реброва Н.А.* «Поисковые слова» в обиходно-разговорном чешском языке: Дипломная работа. М., 2003.
- Zimek R.* Odráz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // Otázky slovan-ské syntaxe IV/II. Brno, 1979.
- Čechová M. a kol.* Komplexní jazykové rozbor. Praha, 1992.
- Kořenský J.* Komunikace a čeština. Praha, 1992.
- Müllerová O.* Mluvený text a jeho syntaktická výstavba. Praha, 1994.
- Müllerová O., Hoffmannová J., Schneiderová E.* Mluvená čeština v autentických textech. Praha, 1992.

Васильева В.Ф. (Москва). ЧАСТЕРЕЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

1. В лингвистике, как впрочем, и в каждой науке, есть «вечные темы». К их числу, безусловно, относится проблема классификации частей речи. Не случайно поэтому, начиная с античных грамматик, она не исключается из «повестки дня».

Поступательное развитие научной мысли рождает стремление поновому подойти к трактовке частей речи ([Кубрякова 1997], [Кривоносов 2001]). Однако, как и много лет назад, продолжает оставаться дискуссионным вопрос о критериях классификации частей речи. О неоднозначности подхода к этой проблеме свидетельствует, в частности, и само терминологическое определение этого языкового феномена в национальных грамматиках, в том числе и в грамматиках родственных языков. Так, если в русском языке термин «части речи», т.е. «части речения», или высказывания, является наиболее точным переводом латинского «partes orationis», в свою очередь, кальки древнегреческого «μέγε tu logu», то чешский термин «slovní druhy» дословно означает не типы «речения», а «типы слов».

2. В дискуссионных баталиях о принципах классификации частей речи часто прослеживается стремление установить приоритет того или иного критерия. Наиболее очевидны столкновения мнений сторонников классификации частей речи на семантической основе, с одной стороны, и приверженцев морфолого-синтаксического принципа, – с другой. Во

главу угла при этом обычно ставится вопрос «узнавания» частеречной принадлежности. Абсолютизация значимости тех или иных критериев не может, на наш взгляд, считаться правомерной, ибо неизбежно ведет к нарушению единства функции и формы, которые в языке неотделимы друг от друга. Так, морфологическая форма имени существительного обеспечивает реализацию его семантической функции – репрезентировать в языке субстанцию или любой признак, но в форме субстанции. Однако сам арсенал выразительных средств существует постольку, поскольку он задан функцией. Таким образом, с точки зрения формы и значения «отдельные уровни *не существуют самостоятельно* (выделено нами), а определяются положением внутри системы, своим отношением к остальным уровням» [Широкова 1978: 428].

3. Возросший в последние десятилетия интерес к функциональному изучению языка не без оснований возродил к жизни классификацию частей речи на структурно-функциональной основе. Части речи, согласно этой концепции, с учетом сильных и слабых диагностирующих признаков рассматриваются как классы слов со свойством взаимопроницаемости. Специфические, наиболее существенные признаки свойственны лишь одному классу. Слабые дифференциальные признаки являются наиболее широкими, свойственными многим классам слов. Благодаря им «все классы втянуты в единую систему классов слов» [Кривоносов 2001: 764]. На основе структурно-функциональной модели, в частности, в немецком языке с учетом сильных (уникальных) различительных признаков было выделено 26 изменяемых классов [Кривоносов 2001: 416 и сл.].

Выявление функциональной взаимопроницаемости классов слов имеет несомненную значимость для «портретного» воссоздания представления о части речи. Вместе с тем само диагностирование слабых и сильных признаков во многом зависит от жесткого разграничения каждого критерия, его наполнения строго определенным содержанием. Например, тот факт, что имя существительное, помимо означивания субстанции, может называть статические и динамические признаки («белизна», «жестокость», «ходьба», «чтение» и т.д.), еще не служит доказательством размытости категориальной семантики существительного – значения предметности. Дело в том, что существительные «белизна», «ходьба», «чтение» и т.п. не являются абсолютными смысловыми эквивалентами морфологических форм «белый», «жестокий», «ходить», «читать». Различия между ними кроются в различиях, существующих между понятием и его признаками. Однако поскольку языковые категории не буквальный слепок категорий логических, постольку оказываются возможными «языковые вольности», проявляющиеся в данном случае в наличии общих для тех и иных классов секторов, являющихся точками их пересечения.

4. В новых лингвистических парадигмах, имеются в виду прежде всего когнитивные концепции, часто наблюдается обращение исследо-

вателей к хорошо известным традиционным положениям, но в новом терминологическом обличье. Так, в частности, делается попытка воспроизвести категориальную семантику имени существительного в форме двусоставной модели:

а) перцептивный образ, занимающий некоторую область пространства;

б) основное интерпретационное свойство этого образа.

При этом особо оговаривается, что абстрактные существительные не отвечают этому определению, «поскольку их референты не конструируют областей пространства» [Кошелев 2000: 42]. Не требуется особых усилий, чтобы соотнести предлагаемую семантическую модель с традиционной трактовкой денотативного (а) и сигнификативного (б) значения имени. Подобно тому, как традиционная классификация имен на денотативные и сигнификативные отказывает абстрактным именам в способности иметь денотативное значение, точно так же и в предлагаемой модели, якобы отражающей «когнитивную структуру языкового сознания», абстрактные имена лишаются возможности репрезентировать «образ». В этой связи представляется уместным еще раз подчеркнуть, что категориальная функция имени существительного заключается в языковой интерпретации классов объектов. Классы задаются не только перечислением входящих в них элементов (экстенциональные классы), но и свойствами этих элементов (интенциональные классы). Если в первом случае речь идет о множествах с четко очерченными пространственными границами, то множества интенциональных классов не обладают этим дистинктивным признаком [Васильева 1999: 38 и сл.]. Абстрактные имена, лишенные, по вполне понятным причинам, способности репрезентировать свойство «отдельности», традиционно трактуются как «сигнификативные», т.е. «безобразные». Тем не менее в обоих случаях денотатом имени на уровне системы является класс объектов, будь то сущности конкретные или абстрактные. Их принципиальное различие сводится к исчисляемости (экстенциональные классы) и измеряемости (интенциональные классы) репрезентируемых объектов.

Возражение в указанной выше когнитивной семантической модели вызывает также интерпретация смыслового значения имени как «диахронного пространственного образа... на некотором интервале времени T» (подчеркнуто нами – *В.Ф.*) [Кошелев 2000:45]. Дело в том, что временные качества денотируемого объекта сигнализируют не само имя, а его контекстуальное окружение. Формальная структура имени существительного не способна представлять в языке динамические свойства денотируемых объектов.

5. Подводя итоги сказанному, нельзя не заключить, что познание полноты истины требует учета всего многообразия свойств изучаемого объекта в тесном единстве его составляющих. Нарушение этой взаимосвязи приводит к заблуждению. Однако «новые заблуждения несут нам новые озарения».

Л и т е р а т у р а

- Васильева В.Ф.* Предметная номинация в логико-лингвистическом ракурсе: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1999
- Кошелев А.Д.* Еще раз о значении имени существительного // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000
- Кривоносов А.Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Москва-Нью-Йорк, 2001
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997
- Широкова А.Г.* О некоторых аспектах изучения языка в чехословацкой лингвистике за последние 15-20 лет // Языкознание в Чехословакии. М., 1978

Изотов А.И. (Москва). ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК: НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РАБОТА А.Г. ШИРОКОВОЙ

Пропагандой изучения обиходно-разговорного чешского языка А.Г. Широкова занималась почти полвека. Во многом именно благодаря ее усилиям разгоревшаяся в конце 50-х годов в Чехословакии дискуссия о проблемах соотношения кодифицированного чешского литературного языка (*spisovná čeština*) и собственно-чешского разговорного койне (*obecná čeština*) была перенесена в Москву – на страницы журнала «Вопросы языкознания» (1). Соответствующий грамматический материал был включен в подготовленный под ее руководством учебник чешского языка, ставшим базовым для многих поколений студентов-богемистов (2). А.Г. Широкова читала лекции по обиходно-разговорному чешскому языку (именно так она переводила чешский термин *obecná čeština*) в рамках курса истории и диалектологии чешского языка. На кафедре сложилась традиция, в соответствии с которой специализирующиеся по лингвистике студенты-богемисты на третьем году обучения писали курсовые работы по тем или иным аспектам обиходно-разговорного чешского языка (этим спецсеминаром А.Г. Широкова руководила многие годы). Проблеме современной языковой ситуации в Чехии посвящена и последняя опубликованная А.Г. Широковой работа, написанная совместно с В.Ф. Васильевой (3). К сожалению, осталась не опубликованной монография по обиходно-разговорному чешскому языку, над которой А.Г. Широкова продолжала работать буквально до последних дней своей жизни. Рукопись объемом около 5,5 авторских листов содержит богатейший материал, касающийся фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных особенностей чешского обиходно-разговорного языка. Без всякого сомнения, издание в том или ином виде этого материала представляется весьма желательным.

Л и т е р а т у р а

1. *Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. С. 11-12.

2. Учебник чешского языка (для I и II курсов) / Широкова А.Г. и др. М.: Высшая школа, 1973. С. 468-485; Чешский язык: Учебник для I и II курсов / Широкова А.Г. и др. М.: Высшая школа, 1988. С. 479-498.
3. Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник: Выпуск I / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машиковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 46-69.

Каменькова Ю.А. (Москва). ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА)

1. Абстрактные имена существительные эмоционально-чувственного восприятия, обладая рядом специфических свойств, свою более полную реализацию получают при взаимодействии с глагольными предикатами. Такое «соседство» дает возможность номинациям указанного типа принимать законченную в содержательном плане форму благодаря сочетаемостным функциям слов, образующих ту или иную синтагматическую единицу.

2. В своем исследовании мы исходим из традиционного понимания сочетаемости, которая в лингвистических концепциях определяется как свойство формировать структурные единства, образуя единицы более высокого уровня. Данный параметр отражает синтагматические отношения между словами. Это наиболее индивидуализированная сторона языка, связанная с семантикой слова, с объемом его лексического значения. По мнению В.В. Морковкина, сочетаемость слова представляет собой совокупность словосочетаний с этим словом, в которых актуализируются семы, отражающие специфику его денотата. Сочетаемостная ценность слова определяется его сочетаемостным потенциалом – совокупностью лексических единиц, каждая из которых способна соединяться с данным словом для обозначения определенной ситуации или для выполнения определенного смыслового задания [Морковкин 1984: 6, 11]. Будучи коммуникативной единицей, слово реализует свою сочетательную ценность через синтагматические связи.

3. Сочетаемость – это информация о требованиях, которые предъявляет одно слово к другому, синтаксически связанному с первым, а синтагматические семантические отношения, которые устанавливаются в пределах одного словосочетания, определяются как семантические реляции [Кобозева 2000: 146]. Однако, следует учитывать, что в ряде случаев вопрос о границе между семантикой и синтактикой остается открытым [Апресян 1995: 65].

4. Сочетаемость метафоризаторов с абстрактными именами существительными эмоционально-чувственного восприятия определяется характером образного переосмысления семантики первых. «Сочетае-

мость является важнейшим и наиболее надежным способом установления семантической структуры многозначного слова, как зафиксированного в словарях, так и незафиксированного» [Бродельщикова 1984: 47]. Индивидуальная, окказиональная сочетаемость является фактом языка, поэтому ее следует рассматривать в общем контексте анализа.

5. На смысловом и синтагматическом уровне взаимодействие абстрактных существительных и глаголов конкретной семантики представляет собой метафорическое сплетение. Метафора, по сути, является нарушением прежних связей слов, но это нарушение носит нормативный характер в рамках сегодняшнего состояния языка. Через метафору свойства явлений описываются и видятся через свойства других явлений, предметов и т.д. Оставляя в стороне общепринятые толкования метафоры самого разнообразного плана, следует отметить, что в литературе это понятие трактуется как лексико-семантическая несочетаемость слов, только более приближенная к норме. Метафорическая сочетаемость рассматриваемого типа демонстрирует нарушение принципа логической совместимости понятий, поскольку абстрактные сущности не должны обладать конкретными характеристиками: *láska trhá na kusy* – любовь рвет на части, *zlost se vaří* – злость кипит, *tesknota pláče, neusíná* – тоска/грусть плачет, не засыпает, *strach našeptával* – страх шептал, *hněv po tmě kvasí* – гнев бродит по тьме. Данное взаимодействие семантико-синтаксического плана служит своеобразным пояснением к утверждению того, что «некая семантическая особенность слова может быть интерпретирована либо как особенность его значения, либо как особенность его лексической сочетаемости – ситуация неединственности семантических описаний, ставшая предметом анализа только в последние годы» [Апресян 1995: 64].

6. Метафорические словосочетания имеют ряд характеристик: а) формируются на основе сходства рассматриваемых явлений; б) обладают большим спектром имплицитного смысла; в) обладают определенным объемом прагматического смысла; г) в метафорических словосочетаниях сопрягаются слова с большим количеством согласующихся или сходных сем. Для нашего исследования наиболее значимыми свойствами являются первые два, так как сходство, аналогия лежат в основе образного переосмысления понятий, а наличие имплицитных смыслов обусловлено самим характером лексических единиц, образующих синтагму, а также характером их взаимодействия. Но именно в синтагме имплицитные смыслы преобразуются в эксплицитные.

7. Анализ метафорических сочетаний можно проводить в парадигматическом аспекте (компонентный анализ семем), в синтагматическом аспекте (анализ взаимодействующих сем слов, участвующих в словосочетании), в аспекте расширенного контекста. В метафорических словосочетаниях во взаимодействие вступают не только собственные значения слов, но и «ассоциативные поля», им принадлежащие. Границы этих полей регулируются законами языка об ограниченности лексико-

семантических связей слова с другими словами. Эти связи отражают реальные отношения предметов и явлений объективного мира. Нарушение связей грамматической категории одушевленности/неодушевленности обуславливает создание большого количества метафор. Применительно к аспекту нашего исследования это находит разнообразное отражение: *radost spí – радость спит, nenávist šílí – ненависть безумствует* и т.д. Таким образом, сочетаемость лексем обуславливается отвлечением от ряда грамматических признаков.

8. Метафорическая сочетаемость номинаций рассматриваемого типа характеризует такие сцепления слов, в которых не отражаются реальные отношения между предметами, явлениями. Основой взаимодействия и перекрещивания сем языковых единиц, входящих в синтагму, служат ассоциации. Развитие коннотативных связей приводит к образованию сильной идиоматичности сочетания: одна из лексем приобретает не свойственную ей ранее семему, тяготеющую к определенной семеме другой лексемы. Но не стоит упускать из виду тот факт, что границы между денотативной и коннотативной сочетаемостью лабильны, тем более что абстрактные имена анализируемой семантики характеризуются наличием так называемого «квазиденотата», поскольку эмоции и чувства сами по себе, без носителя, не существуют, их сущность «вскрывается» через языковую номинацию и через поведение этих номинаций в языке.

9. По мнению В.Г. Гака, сочетаемость глаголов представляет собой наибольшую трудность и вместе с тем наибольшую важность, т.к. глагол – это организующий центр высказывания, он наиболее подвижен в своих значениях, хотя семантические сдвиги в нем не всегда заметны. Сочетаемость указывает на возможность соединения глагола с другими словами. Сами предикаты, взаимодействующие с абстрактными именами эмоций и чувств, характеризуются широким тематическим диапазоном. Наиболее часто в синтагмах участвуют глаголы движения, фазисные глаголы, глаголы, характерные для описания объектов из мира флоры, климата, а также для описания человека. Метафорическая сочетаемость свидетельствует и о возможном многообразии в представлении того или иного эмоционально – чувственного концепта:

<i>Smutek</i>	<i>jde mojí žítím/идет сквозь жизнь мою</i>
<i>Печаль/Грусть</i>	<i>mně jal/охватила меня</i>
	<i>hořce pláče ve mně/горько во мне плачет</i>
	<i>z pramenů vyvěrá/течет из источников</i>
	<i>voní/благоухает</i>

Таким образом, через сочетаемость проявляются параметры денотата, т.е. демонстрируется соотношенность средств выражения с объективируемой сущностью. Сочетаемостные резервы черпаются из предметного мира и регулируются лексической сеткой координат, которая задается самим языком, функционируя в качестве своеобразного ограничителя. Метафоризаторы создают необходимый минимальный кон-

текст (иногда распространенный другими членами), в котором абстрактное имя реализуется. Для нашего восприятия это естественное применение метафоры, равно как и естественная сочетаемость абстрактного имени и метафоризатора.

10. Анализ соотношения именного и предикативного в семантике абстрактного имени показал, что оно не является стабильным [Руденко 1991, 140]. Эта неустойчивость «компенсируется» глагольной сочетаемостью. Такой «синтагматический баланс», метафорический по своему характеру, обеспечивает языковую реализацию номинаций рассматриваемого типа, а также представление денотатов этих имен в более наглядной, антропометричной плоскости. Сочетаемость, следовательно, является отражением способа существования в языке абстрактных номинаций эмоционально-чувственного восприятия, которые обладают специфическими свойствами, требующими экспликации с помощью дополнительных средств.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Бессарабова Н.Д.* Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле. РЛЯ // Филологические науки, 1979, №4.
- Бродельщикова О.А.* Сочетаемость как средства установления семантической структуры многозначных слов // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984.
- Гак В.Г.* Глагольная сочетаемость и ее отражение в словарях глагольного управления // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Комарова А.М.* К вопросу о категориальной специфике семантики абстрактных существительных и словосочетаний с ними // Сочетаемость и речевая репрезентация языковых единиц. Новосибирск, 1983.
- Копыленко М.М.* Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
- Курбэйра А.К.* Сочетаемость как объект рассмотрения в курсе лексикологии // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984.
- Морковкин В.В.* Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984.
- Руденко Д.И.* Имя в парадигмах философии языка. Харьков 1991. С. 132 – 147.
- Смирнова Н.С.* К вопросу о метафорическом употреблении слов // Язык художественных произведений. Омск, 1960.
- Шпак И.В., Капранова Л.К.* Нарушение словосочетаемости и метафоризация // Семантика языковых единиц. Доклады VI международной конференции. Т. 1. М., 1998.
- Языкознание. БЭС. М., 1998.

Кулиметьева О. (Москва). К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В работах российских и зарубежных лингвистов неоднократно отмечалась актуальность сопоставительного изучения словообразовательных систем славянских языков и большое значение подобных исследований как в теоретическом, так и в практическо-прикладном плане.

Применение сопоставительного метода способствует установлению эквивалентных отношений между словообразовательными элементами различных языковых систем, предоставляет широкие возможности для выявления тех деривационных особенностей, которые остаются незамеченными при обособленном изучении словообразовательного строя славянских языков, и в ряде случаев позволяет определить причины расхождений между ними. Помимо этого, значительные достижения деривационного описания славянских языков и накопленный в настоящее время фактический материал делают возможным изучение вопросов словообразования в более широком контексте и переход сопоставительных исследований на новый уровень.

Как известно, основной фонд аффиксов, составляющий центр словообразовательных систем, в славянских языках, как в языках генетически родственных, является тождественным. Сопоставительные исследования, посвященные этой группе словообразовательных формантов, имеют довольно большую и непрерывную традицию, и потому многие вопросы, связанные с функционированием данных элементов в соответствующих языках (их продуктивность, дистрибуция, семантика и т.д.) уже в значительной степени изучены. Гораздо реже в сопоставительном аспекте рассматривались аффиксальные формативы, относящиеся к группе т. н. ареально ограниченных словообразовательных средств, и можно констатировать, что лишь в последние годы они стали объектом специальных лингвистических исследований филологов-славистов.

Среди аффиксов, представленных на ограниченной языковой территории, значительное место принадлежит заимствованным словообразовательным формативам.

В южнославянских языках (за исключением словенского) к их числу относятся тюркские по происхождению суффиксы имен существительных: болг. *-джия* / макед. *-џија* / с-х. *-džija*; болг. *-лък* / макед. *-лак* / с-х. *-luk* и болг. *-лия* / макед. *-лија* / с-х. *-lija*. Эти словообразовательные элементы были вторично выделены в болгарском, македонском и сербскохорватском языках в результате массового заимствования турецких слов, и с течением времени их использование стало характерной особенностью южнославянских языковых систем. Лингвистами неоднократно исследовались вопросы адаптации и функционирования турецких морфем в отдельных славянских языках, и существующие на данный момент деривационные описания предоставляют широкие возможности для более детального рассмотрения данной проблематики.

В 2001 г. в Белграде и в 2003 г. в Скопье были опубликованы работы П. Радича и Б. Маркова, посвященные сопоставительному изучению турецких словообразовательных элементов в болгарском, македонском и сербскохорватском языках. Авторами этих исследований дается общий обзор заимствованных тюркских морфем, которые вошли в южнославянский аффиксальный фонд, подробно анализируется их словообразовательное значение, способность сочетаться с основами, относящи-

мися к разным частям речи, степень продуктивности. Значительное место отводится вопросу о гибридных словообразовательных формантах, производных от адаптированных турецких суффиксов на славянской почве, характеристике их свойств и особенностей функционирования. Следует отметить, что исходным пунктом описания в обеих работах являются конкретные словообразовательные средства (болг. *-джия/макед. -џија / с-х. -džija*; болг. *-лък / макед. -лак / с-х. -luk* и болг. *-лия/макед. -лија / с-х. -lija*), которые широко представлены в сопоставляемых языковых системах. Данный подход – от формы к значению – позволяет выявить функциональные сходства и различия родственных по происхождению аффиксальных формантов, особенности их дистрибуции и границы варьирования сразу в нескольких языках-рецепторах.

Результаты сопоставления, проведенного с этих позиций, имеют большое значение для анализа словообразовательного инвентаря южнославянских языков. Вместе с тем, не менее перспективным в решении данной задачи представляется использование альтернативного способа рассмотрения деривационных элементов. В качестве исходной единицы такого исследования выступает не изолированный аффиксальный формант, а словообразовательная категория, к которой относятся слова, образованные как с его помощью, так и с помощью синонимичных ему формантов. Основной акцент здесь делается на принципах семантической организации анализируемых словообразовательных систем. Заимствованные морфемы в этом случае рассматриваются как части парадигматических группировок, и в процессе сопоставления главным объектом исследования становятся характерные особенности их взаимодействия с изофункциональными аффиксами адаптировавшего их языка. Категориальный подход к единицам словообразовательного уровня полностью удовлетворяет требованию системности сопоставления и способствует выявлению важных тенденций в развитии исследуемых языков.

Применительно к турецким словообразовательным аффиксам, заимствованным болгарским, македонским и сербскохорватским языками, подобный способ рассмотрения (от значения к форме) представляется вполне оправданным. Морфемы болг. *-джия/макед. -џија / с-х. -džija*; болг. *-лък / макед. -лак / с-х. -luk* и болг. *-лия/макед. -лија / с-х. -lija*, а также производные от них форманты занимают важное место в системе именного суффиксального словообразования южнославянских языков. Количество лексем, созданных с помощью данных элементов, весьма значительно. Диапазон их деривационных функций охватывает такие словообразовательные категории существительных, как *nomina agentis*, *nomina abstracta*, *nomina loci*, *nomina collectiva* и, в меньшей степени, *nomina singulativa* и *nomina instrumenti*. Анализ суффиксов турецкого происхождения в одном ряду с синонимичными славянскими формантами позволяет более точно охарактеризовать их семантическую специализацию, особенности дистрибуции и степень продуктивности. Это

обстоятельство объясняется тем, что в рамках словообразовательной категории возможна не только структурно-грамматическая, но и лексико-семантическая классификация входящих в нее элементов. Широко распространенное в практике сопоставительных исследований понятие словообразовательного типа в данном случае приобретает особое значение.

С его помощью проводится качественная дифференциация языкового материала и четко структурируется все многообразие производных лексем, имеющих в своем составе общий деривационный показатель. Представляя собой формально-семантические схемы построения слов, словообразовательные типы с заимствованными турецкими суффиксами функционируют в целом ряде именных словообразовательных категорий болгарского, македонского и сербско-хорватского языков. На их дистрибуцию оказывают влияние такие факторы, как семантика и лексико-грамматическая характеристика мотивирующих основ, способность форманта конкурировать с изофункциональными суффиксами, проявляющиеся на словообразовательном уровне стилистические тенденции. Анализ производных лексем, проведенный с данных позиций, не только позволяет определить сходства и различия в использовании адаптированных суффиксов турецкого происхождения, но и предоставляет возможности для изучения различных языковых реализаций словообразовательных категорий имени существительного. Таким образом, можно констатировать, что при определении общих функциональных закономерностей южнославянских деривационных систем одной из важнейших составляющих процесса сопоставления является исследование словообразовательных форматов в рамках определенных словообразовательных категорий.

Л и т е р а т у р а

- Балтова Ю., Шатковски Я.* Сьпоставително описание на словообразуването на близкородствени езици // Сьпоставително езиковедие. София, 1994, № 6.
- Леков И.* Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958.
- Лопатин В.В., Улуканов И.С.* Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языковедие. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 169-194.
- Марков Б.* За застапеноста на именските суфикси од турско потекло во јужнословенските јазици // Реферати на македонските слависти за XIII меѓународен славистички конгрес во Љубљана. Скопје, 2003.
- Радић П.* Турски суфикси у српском језику са освртом на стање у македонском и бугарском. Београд, 2001.
- Сопоставително изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Сопоставително изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Кульпина В.Г. (Москва). К ВОПРОСУ О МЕСТОИМЕНИЯХ КАК СРЕДСТВЕ СУБСТИТУЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Говоря о функциях местоимений и кодируемых в сфере местоименных категориях, в качестве исходного мы принимаем положение о том, что кодируемые в языке категории являются семантически мотивированными. Исследователи могут обращаться к такой функции местоимений, как функция средства субституционной номинации, которая в свою очередь распадается на целый ряд подфункций: 1) анафорическую функцию, 2) катафорическую функцию, 3) дейктическую функцию, 4) функцию скрепления текста, 5) функцию взаимозаменяемости местоимений разных разрядов в речевой цепи, 6) функцию языковой категоризации внелингвистических объектов, и как следствие ее проявления – функции дифференциации и классификации языковых единиц.

В то время как анафорическая, катафорическая, дейктическая функции имеют богатую литературу предмета, а функция скрепления текста также неоднократно являлась объектом анализа, на две последние функции – взаимозаменяемости местоимений разных разрядов и языковой категоризации внелингвистических объектов, исследовательское внимание обычно не обращается.

Относительно функции взаимозаменяемости местоимений разных разрядов следует констатировать, что в дискурсивной цепи она реализуется постоянно и проявляется в постоянной взаимопревращаемости, взаимоперетекании и взаимопереплетении местоименных средств и в конечном счете в их взаимозависимости. Постоянно проявляющимися корреляциями являются здесь корреляции на линии ‘личные местоимения – относительные и вопросительные местоимения’, ‘личные местоимения – наречные местоимения’, ‘указательные местоимения – предметные местоимения’ и т.п. В то же время все разряды местоимений – в силу реализации присущего им свойства полифункциональности, реализации с помощью одного и того же состава местоимений целого ряда функций, вовлечены в систему других полифункциональных средств, обслуживающих сферу отношений внутри предложений, сверхфразовых единств и целых текстов. Их функции могут быть схожи с функциями частиц, выражающих разные модальные и иллокутивные значения. Ср. пример употребления местоимения в дательном падеже в функции такой частицы, указывающей, в частности, на вовлечение собеседника – через местоимение 2-го лица, в процесс диалога: «Так он тебе и пришел! Жди!» В то же время местоимения вовлечены в сферу других средств субституционной номинации – наряду, например, а) с нарицательными существительными, обладающими более обобщенным по сравнению с исходным существительным или более конкретным по сравнению с ним значением, б) словосочетаниями существительных и местоименных (и других) прилагательных, в) с именами собственными,

г) со средствами перифрастической номинации, в том числе ономастическими.

По поводу функции языковой категоризации внелингвистических объектов необходимо отметить, что местоимения не просто заменяют слова (словосочетания, предложения), а производят их категоризацию и дифференциацию. При этом категориальные семы включены в категории дифференциации (дробления), классификации объектов, обозначаемых теми или иными языковыми единицами. Заменяется не слово (или какая-то другая языковая единица), а определенный тип денотата и в конечном счете – определенный тип объекта. Обратимся, например, к польским местоимениям *oni* и *one*, дифференцирующим внелингвистические объекты на те, которые указывают на лиц мужского пола (через словоформу *oni*) в оппозиции к лицам женского пола, другим живым существам и неодушевленным предметам (через словоформу *one*); местоимения *кто* и *что* категоризируют объекты в плане их одушевленности / неодушевленности; местоимение *там* категоризирует обозначаемый им объект как связанный с понятием локативности – и так далее.

В связи с вышесказанным, рассмотрим, что подлежит субституции и что, собственно говоря, заменяется? Не конструкция, в которой употребляется существительное. Замещению подлежит существительное уже в новой конструкции, в той, в которой употреблено местоимение. А иначе невозможно понять, почему в одной конструкции существительное можно заменить местоимением, а в другой – нельзя. Фактически при замещении подразумевается тип объекта, обозначаемый данным существительным. И вот эта способность к категоризации языковых единиц представляет собой интегративную сему, общую для всех типов местоимений.

Таким образом, лексическое объединение класса местоимений зиждется, в частности, на способности местоимений выступать в качестве средства определенной категоризации языковых единиц в зависимости от типа денотата, обозначаемого данным языковым средством. Межчастеречные различия разных типов местоимений при такой объединительной платформе могут нивелироваться и рассматриваться как нерелевантные. При этом включение местоимений в одну часть речи обеспечивается непрерывностью семантического пространства, обеспечиваемого, в частности, высокой степенью обобщенности их словарного значения и наличием у всех местоимений семы языковой категоризации внелингвистических объектов, лексической и психологической обозримостью этого класса, функциональным сходством формирующих его местоименных единиц.

Сема субститутивности, хотя и не распространяется на все местоимения, тем не менее для прономинальных единиц она характерна, поэтому в докладе свойство субститутивности рассматривается в качестве субкатегориальной семы и как дифференциация общекатегориальной семы, представленной выше. Объединение класса местоимений по общ-

ности семантики – указательной, обобщенной, субститутивной и т.п. недостаточно в качестве основания для такого объединения.

Относительно границ класса местоимений необходимо отметить, что ряд исследователей значительно расширяет границы этого класса по сравнению с традиционным пониманием (Ср.: Пипер П. *Заменички прилози у српскохрватском, руском и польском језику (семантичка студија)* / Институт за српскохрватски језик. Београд, 1988. 189 с.). Более того, в современном языкознании имеются и такие точки зрения, что местоимения являются не закрытым классом, а открытым. Такая точка зрения представлена, в частности, в монографии польского исследователя Мирослава Банько „Области пересечения лексикографии и языкознания. Исследования о толковом словаре” (Bańko M. *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa. Studia o słowniku jednojęzycznym* / Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2001. 336 s.), который полагает, что невозможно полностью перечислить все элементы этого открытого класса и вводит внутри класса местоимений деление на типичные местоимения, менее типичные, а также на слова неместоименной природы (например, *факт, вопрос*), которые роднит с местоимениями функциональная общность.

Итак, объединение местоимений в один лексический класс осуществляется на основе общности категориальной семы, признака межчастеречности, на основе феноменологически интенционального признака его выделения (который означает, в частности, и психологическую настроенность на выделение этого класса), определенную ограниченность лексического состава и т.п. Каждое местоимение самоценно и феноменально. На необходимость синтетизирующего подхода к местоимениям указывает, в частности, А. Кречмер (А. Кречмер. *Семантика лица в славянских языках // Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика: Материалы международной научной конференции Вторые Супруновские чтения. Минск, 28-29 сентября 2001 г. Минск: БГУ, 2002. 188 с.*).

Лилич Г.А. (Санкт-Петербург). НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕДУЩЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ БОГЕМИСТЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Время не силах изгладить из памяти жизнерадостный, одухотворенный облик Александры Григорьевны Широковой... С годами же мы все яснее осознаем значимость ее роли в развитии нашей славистики и, в особенности, богемистики. Высоко оценивалось эта роль и чехословацкой научной общественностью. Так, в 1972 г. П. Адамец и Й. Влчек писали: «Ведущей личностью московской и вообще советской богемистики является профессор А.Г. Широкова, доктор филологических наук. Область ее научных интересов – это прежде всего чешский глагол (глагольный вид, категория многократности действий и др.), а также проблемы функциональных стилей чешского языка (соотношение литера-

турной нормы и разговорно-обиходного языка и т.п.). Наряду с теоретическими трудами она создала и целый ряд учебников чешского языка для высшей школы. А.Г. Широкова редактирует чешский язык и чешскую культуру, выступает инициатором плодотворных контактов между «советской и нашей наукой» [1].

Ученые по-разному приходят в науку, и иногда находя «свое место» в ней только после долгих исканий. Научная же судьба А.Г. Широковой была как бы predetermined тем, что в годы аспирантуры (1940–1943) она занималась под руководством выдающегося слависта А.М. Селищева, и ее диссертация «находилась в русле традиций сравнительно-исторического языкознания, которые, не уступая натиску пресловутого «нового учения о языке», отстаивал А.М. Селищев [2].

Вступление А.Г. Широковой в богемистику было ознаменовано выполненным ею переводом первого обобщающего труда по современному чешскому языку – «Грамматика чешского литературного языка» Ф. Травничека [3]. Сделав доступным этот труд широкому кругу лингвистов, А.Г. Широкова несомненно способствовала возрождению в нашей науке активного интереса к общим проблемам славистики. И в дальнейшем А.Г. Широкова много сделала для ознакомления наших ученых с достижениями чехословацкого языкознания, с наследием Пражского лингвистического кружка.

Особого рассмотрения заслуживают учебники чешского языка, созданные ею и учениками. На них, по существу, заложили свое языковое образование все богемисты нашей страны.

А.Г. Широкова продолжительное время, хотя и с перерывами, работала в научных центрах Праги, досконально изучила материалы богатейшей картотеки Института чешского языка Чехословацкой АН, которые стали надежной базой, как для ее докторской диссертации, так и для других исследований, неизменно актуальных и встречаемых с большим интересом.

Особенно хочется подчеркнуть то, что в 60-е годы А.Г. Широкова оказалась в «эпицентре» острой дискуссии о проблемах соотношения кодированного чешского литературного языка и исторически сложившегося своеобразного идиома, известного под трудно переводимым названием «obecná čeština». А.Г. Широкова способствовала тому, что обсуждение чешскими учеными этих вопросов было перенесено на страницы журнала «Вопросы языкознания» [4], и это в значительной мере активизировало дискуссию. А.Г. Широкова прозорливо оценила теоретическую значимость чешских языковых процессов. Время подтвердило подходы, развиваемые школой А.Г. Широковой, в особенности, работами Г.П. Нещименко, в которых подчеркнуто, что «чешская языковая ситуация в силу своей специфичности может служить тем контрастным фоном, благодаря которому можно увидеть в новом свете целый ряд важных социолингвистических проблем, в том числе и таких,

в отношении которых уже, казалось бы, сложилось однозначное мнение» [5].

Глубокое видение проблем и оригинальность проявляется в каждой работе А.Г. Широковой. Новаторскими можно назвать ее исследования в области глагольного вида (категория многократности чешского глагола), подходы к изучению синсемантических частей речи; изяществом и отточенностью отличается одна из последних ее статей, посвященная происхождению чешских фамилий-прозвищ [6].

И, конечно же, А.Г. Широкова оставила нам в наследство свои интересные идеи в области сопоставительного изучения современных славянских языков. Несомненно, они будут востребованы и учениками ее учеников.

Л и т е р а т у р а

1. *Adamec P., Vlček J.* Několik orientačních údajů o sovětské jazykovědné bohemistice posledních let/ Československo-sovětské vztahy. I. Universita Karlova – Praha, 1972. S. 161.
2. *Гудков В.П.* Александра Григорьевна Широкова // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. 1998. № 6. С. 178.
3. *Травничек Ф.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика-словообразование-морфология / Пер. с чешск. и словарь А.Г. Широковой / Под ред. Н.А. Кондрашова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. 467 с.
4. *Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. С. 11-12.
5. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. С. 174.
6. *Широкова А.Г.* Фамилии-прозвища отглагольного происхождения в чешском языке // Славянская филология. Межвуз. Сборник. Вып. VIII. Памяти профессора Ю.С. Маслова. СПб.: Изд-во С.-Петербургс. ун-та, 1999. С. 98-196.
7. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961, № 1. С. 44-54.

Лифанов К.В. (Москва). ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Как известно, словарный состав современного словацкого литературного языка содержит значительное количество слов чешского происхождения. При этом они настолько хорошо освоены словацким литературным языком, что не осознаются его носителями как заимствования и не включаются в словари лексики иностранного происхождения, см., например, [Ivanová-Šalingová, Maníková 1979]. В качестве примеров заимствований из чешского языка П. Ондрус приводит в частности такие слова, как *důverník, nepretržitý, zložitý, námieta, posudzovať, rastlina, prvk, zlučenina, štvorec, trojuholník* и т.д. Указанный автор отмечает, что особенно интенсивно процесс заимствования происходил со времен гуситских войн вплоть до начала XIX века, когда чешский язык вплоть до возникновения словацкого литературного языка выполнял функцию литературного языка у словаков [Ondrus, Horecký, Furdík 1980: 193].

Заметим, однако, что все названные слова в чешском литературном языке звучат иначе. В приведенной (среднесловацкой) огласовке они заимствованы быть не могли, поскольку словацкая письменность доштуровского периода имела преимущественно западнословацкий характер [Lifanov 2002]. Более позднее изменение огласовки этих слов не может быть объяснено простой фонетической адаптацией, поскольку почти во всех случаях, за исключением, пожалуй, лишь слов, содержащих звук *ř*, их произнесение не создает каких-либо сложностей словакам. Кроме того, не ясным остается также вопрос, какой словацкий идиом заимствовал названные слова. Сомнительно, что они стали составной частью лексики словацких диалектов. А между тем, подобные слова составляют огромный массив лексики. Как отмечает Л. Дюрович, в современном словацком литературном языке функционируют тысячи слов чешского происхождения, а в целом ряде случаев чешское или словацкое происхождение слова установить невозможно [Brtáň, Ďurovič 1999: 455].

Для того чтобы понять причину такого положения вещей, необходимо обратиться к истории формирования словацкого литературного языка. Напомним, что еще в период средневековья словаки стали использовать чешский в качестве своего литературного языка. Иными словами, словаки заимствовали не отдельные слова чешского происхождения, а весь его словарный состав. В дальнейшем, однако, чешский литературный язык в Словакии стал изменяться таким образом, что он все более отдалялся от чешского литературного языка на его исконной этнической территории. Постепенно словаки стали осознавать специфику своего родного языка, однако это происходило не комплексно, а на уровне его отдельных фонетических и морфологических элементов. При этом сложившийся на практике принцип замены при создании текстов чешских элементов словацкими, как правило, не распространялся на словарный состав словацкого литературного языка. В середине XIX в. реализация названного принципа практически совпала с языковой практикой Л. Штура. Будучи сторонником философии Гегеля, он различал дух языка, определяющий его форму, и материю, являющуюся лишь его оболочкой и имеющую второстепенное значение. Первую, по мнению Л. Штура, составляют фонетика и грамматика, а вторую – словарный состав [Paulíny 1971: 455]. На практике же это означало преемственность лексического фонда кодифицированного им словацкого литературного языка с литературным языком предшествующего периода и не являлось препятствием для новых прямых заимствований из чешского и использования словообразовательных моделей последнего для создания новых слов [см. Gađányi 1994]. Замена генетически чешских слов словацкими, таким образом, затронула преимущественно уровень бытовой лексики, но практически не распространилась на их уже существующие дериваты, которые лишь приобрели словацкую огласовку. В результате в словацком литературном произошел разрыв словообразо-

вательных цепочек, сохранившихся в чешском, причем из словацкого литературного языка, как правило, выпадало слово, которое в этой цепочке являлось исходным. Вследствие этого при значительном сходстве и даже совпадении лексического состава словацкого и чешского литературных языков между ними возникло существенное различие на морфематическом уровне, поскольку первый характеризует большое количество связанных корней. В качестве примера приведем слова *otázka* ‘вопрос’, *otáznik* ‘вопросительный знак’, *dotazník* ‘анкета’ при отсутствии глагола **tázat’ sa* (слов. *pýtat’ sa*) или слов *posluchač* ‘слушатель’, *poslucháreň* ‘аудитория’, *sluchový* ‘слуховой’ при практическом отсутствии глагола **(po)slúchať* (слов. *počúvať*) в значении ‘слушать’¹. При этом, однако, полного совпадения производных слов с тем же самым корнем или использованных словообразовательных моделей между чешским и словацким языками не наблюдается. Ср. примеры: чеш. *tázací* (veta) – слов. *opýtovacia* (veta) ‘вопросительное (предложение)’, чеш. *sluchátko* – слов. *slúchadlo* ‘телефонная трубка’.

В более позднее время словарный состав словацкого литературного языка чешского происхождения подвергался определенным изменениям по мере осознания словаками этого факта, причем независимо от того, содержало ли конкретное слово какой-либо формальный показатель, указывающий на его чешское происхождение или нет. Так, например, еще в 40-е гг. XX в. употреблялось слово *vonkov* ‘сельская местность’, позже вытесненное мадьяризмом *vidiek*, или слово *zemedelstvo* ‘сельское хозяйство’, замененное словацким неологизмом *poľnohospodárstvo*. Тем не менее, многие генетические бегемизмы продолжают функционировать в словацком литературном языке до настоящего времени и не осознаются словами иноязычного происхождения.

Л и т е р а т у р а

- Brtná R., Ďurovič L.* Ku vzniku pojmu „reč československá“ (Posledný text prof. Ruda Brtná) // Slovenská literatúra, 47. Č. 6, 2000. S. 443-457.
- Gadányi K.* Очерки истории славянской дериватологии эпохи национально-культурного возрождения в XIX веке // Australian Slavonic and East European Studies, 8, № 1. С. 1-26.
- Ivanová-Šalingová M., Maniková Z.* Slovník cudzích slov. Bratislava, 1979.
- Lífanov K.* Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia // Slovenská reč, 67. Č. 1, 2002. S. 19-29.
- Ondrus P., Horecký J., Furdík J.* Súčasný slovenský spisovný jazyk. Lexikológia. Bratislava, 1980.
- Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1971.

¹ В указанном значении названный глагол встречается только в устойчивых сочетаниях типа *poslúchať hlas svojho srdca* ‘прислушиваться к голосу своего сердца’, предположительно восходящими к чешскому языку.

**Маслова А.Ю. (Саранск). ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО
ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ / ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ
ЯЗЫКАХ**

В современной лингвистике важное место занимает проблема вербального выражения эмоций человека.

Проявление эмоций на уровне высказывания главным образом связывается с его коммуникативным характером, синтаксической структурой, смысловым членением. В связи с этим ключевым вопросом научной дискуссии является проблема выделения особого коммуникативного типа высказываний, предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к действительности.

Исходя из положения об органическом единстве в процессе познания интеллектуального и эмоционального (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) и учитывая, что эмоциональная оценка составляет неотъемлемую часть содержания любого предложения-высказывания, как *эмотивные следует квалифицировать лишь такие высказывания, которые характеризуются доминированием эмоционального плана содержания над интеллектуальным*. Специфика эмотивных высказываний выявляется при их сопоставлении с эмоционально-нейтральными высказываниями.

Все эмотивные высказывания обладают теми или иными формальными признаками, отражающими особенности их синтаксических моделей. Одной из особенностей разговорной речи любого языка является наличие в ней нечленимых предложений-высказываний, под которыми понимаются построения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой.

Генетическое родство, общность русского и сербского языков обусловили наличие в них целого ряда близких по содержанию и структуре типов эмотивных высказываний. В то же время имеется ряд отличий в эмотивных высказываниях двух славянских языков (русского и сербского).

Для эмотивного синтаксиса и для изучения специфики языка в сравнительно-сопоставительном аспекте большой интерес представляют высказывания, не выражающие суждения (т.е. с неноминативной семантикой). В русистике применительно к таким высказываниям используется термин “коммуникема”.

Коммуникема – это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающая определенное непонятное содержание, не воспроизводящая структурной схемы предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, служащая реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющая в языке прагматические функции.

При сопоставлении эмотивных высказываний в русском и сербском языках выделяются группы эмотивных высказываний, внутри которых наблюдаются функциональные аналоги среди фразеологизированных синтаксических конструкций и коммуникем. Состав и объем коммуникем и регулярно воспроизводимых фразеологизированных синтаксических конструкций исследователями определяется по-разному, поскольку проблема их содержания является одним из наиболее сложных вопросов. Рассмотрим группу эмотивных высказываний, объединенных по функционально-семантическому принципу: выражение утверждения / отрицания.

В русском языке уверенное утверждение выражается фразеологизированными конструкциями, содержащими, как правило, составные частицы *как же* (– Церковь есть? – *А как же!* Есть. Шолохов), *еще бы*, которая в определенных синтаксических построениях может придавать высказыванию ироничный оттенок

Аналогами при переводе на сербский язык выступают наречия со значением утверждения, согласия: *dakako, dabome, naravno, svakako, sigurno*; глагол в безличной форме *razume se*, сочетания *kako da ne, nego što*; перевод фразеологизированной конструкции *A to nem!* возможен посредством вопросительных конструкций *Zar ne? Zar nije tako? Nije li tako?*. Убедительность и усиление воздействия на слушателя увеличивает использование в обоих языках междометий.

В русском языке в ряде конструкций степень экспрессивности высказывания может повышаться за счет повтора смыслового глагола в утверждающей части высказывания. Этот глагол ставится в форме инфинитива (чаще с отрицанием) и сочетается с вышеуказанными частицами. При сопоставлении с сербским языком наблюдается регулярное соответствие: **Zašto (kako) + da- конструкция** смыслового глагола с отрицанием (... и уже купил в наших краях три порядочных имениа... – *Еще бы ему не покупать!* Чехов ... i već je u našoj okolini kupio tri povelika imanja... – **Zašto da ne kupi!**).

Экспрессивное отрицание, несогласие и в русском, и в сербском языке выражается при помощи фразеологизированных синтаксических конструкций. Часто при переводе эти конструкции имеют регулярные соответствия.

В языках наблюдается параллельное употребление

- 1) коммуникем – аналогов;
- 2) фразеологизированных конструкций – эквивалентов;
- 3) фразеологизированных конструкций – аналогов; фразеологизированных конструкций (в русском языке) – воспроизведение смысла (в сербском языке): Следует отметить, что так же, как и при выражении утверждения, в обоих языках используются риторически вопросительные конструкции (часто с повтором смыслового глагола в ответной реплике). При этом русские выражения обладают более ярко выраженным фразеологически связанным значением, так как при переводе на

сербский язык ряда конструкций, например, с частицами *где (уж) / куда уж + личное местоимение*, используются вопросительные слова, передающие смысл высказывания.

При выражения несогласия, отрицания, возможно, с оттенком иронии, категоричности широко распространены экспрессивно-ироничные синтаксические конструкции со значением, противоположным по знаку форме высказывания.

Необходимо обратить внимание на полисемичность русских конструкций, используемых при выражении как отрицания, так и утверждения. Например, с частицей *как же*. В сербском языке, согласно данным словарей, разным языковым ситуациям, как правило, соответствуют разные фразеологизированные конструкции, например, утверждение *kako da ne*; отрицание *ma kakvi*.

Мельниченко М.О. (Санкт-Петербург). У ИСТОКОВ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

Сопоставление чешских и русских звуков восходит к первым попыткам передачи русских слов и словоформ средствами латинской графики и связано с именем великого чешского слависта Й. Добровского [Крбец, Лопушанская 1989]. Ему принадлежит и первое практическое пособие для изучения русского языка чехами, написанное по-немецки и изданное в Праге в 1799 году. Характерно, что непосредственным импульсом для создания этого пособия была практическая цель: облегчить общение чехов с русскими солдатами, проходившими через Чехию во время наполеоновских войн [Dobrovský 1953]. Кроме основных грамматических сведений о русском языке, поданных в пособии с опорой на основе сходства и аналогии с чешским языком, в нем содержались и два словарика: немецко-русский и русско-чешский, отражавших лексику, необходимую для бытового общения. Эти материалы дают представление и о становлении транслитерации в передаче русских слов латинской графикой, используемой в чешском языке.

Как известно, старославянский и русский языки были в центре славистических интересов Й. Добровского. Под его влиянием была создана первая зарубежная научная грамматика русского языка: *Lehrgebäude der russischer Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des Hon. Abbé Dobrovský. Praha, 1820*. Ее автором был ученик Добровского Антонин Ярослав Пухмайер (1769–1820).

Предметом нашего рассмотрения стал другой труд А. Пухмайера – небольшая книга «*Pravopis ruskó-český*» [1805], генетическая связь которой с пособием Й. Добровского несомненна. Совпадают даже внешние условия появления обеих книг: в 1805 году, когда появилось первое из двух изданий книги А. Пухмайера, через Моравию и Словакию проходили русские войска под командованием М.И. Кутузова. А. Пухмайер заметно переработал и дополнил образец, данный Добровским ([Нуйн-

ček 1959]; [Vávra 1960]). Вавра отмечает, что эта книга занимает важное место в развитии чешско-русской лексикографии. Он также подчеркивает важное значение этого труда в аспекте воспитания у чешских читателей патриотического чувства (следует помнить, что чешская интеллигенция в большой степени подвергалась германизации). В пособии Пухмайера содержится чешско-русский словарь, где впервые чешско-русские соответствия передаются и латинским, и русским алфавитами (азбукой). До этого времени у Добровского все лексические чешско-русские соответствия приводились латиницей. Некоторые слависты, даже Юнгман, Копитар, Якубец считали, что Пухмайер создал свой учебник с целью завести в чешском языке азбуку. Интересно мнение Йозефа Добровского, который отметил, что чешско-русское пособие Пухмайера могло быть использовано и теми чехами, которые не знают немецкого языка, и чешско-русская грамматика Пухмайера является хорошим учебником для знакомства с русским языком и одновременно чешско-русским словарем.

Словарик Пухмайера, включенный автором в грамматику, является первым двуязычным чешско-русским словарем, хотя сам Пухмайер не прибегает к термину *словарь*. Остановимся на структуре этого раздела грамматики, который назван автором «Rozdíl mezi jazykem českým a ruským» («Различия между чешским и русским языком»). Позвольте процитировать начало этого словаря: «Чешский язык от русского отличается следующим I. Способом письма:

- а) чех использует латинские буквы, а русский греческие;
- б) чех, так же, как поляк, смягчает буквы черточкой, а русский делает это с помощью еря (мягкого знака); твердость русский обозначает ером (твердым знаком), чего чех не делает из-за ненужности;
- в) в алфавите русского все буквы простые, чем достигается совершенство русского письма, и исключая двойные обозначения *ch* и *št*, чешский язык может быть приравнен к русскому; в этом отношении кроме чешского не сравнится с русским никакой другой европейский язык.

Он называет семь основных различий между чешским и русским языками, в числе которых различия в написании и звуках; отмечается отсутствие в русском *ř* и *h*, и приводятся русские соответствия *рь* и *г*; вместо *h* пишется *g* (*hlava – golova – голова*), вместо *ř – p* (*řeka – rjeka – река*).

Яркой особенностью произведенных Пухмайером сопоставлений русских и чешских звуков является совмещение или даже комплексное применение фонетических и словообразовательно-грамматических подходов. Звуковые особенности рассматриваются в составе формообразующих и словообразующих морфем, например, соответствие чешского *с* русскому *ч* в составе показателя инфинитивов (*tosí – мочь, péci – печь*), соответствие чешского *с* и русского *ч* в составе глагольных суффиксов

(*osvěcovati* – *освещать*), в составе словообразовательных суффиксов (*řecký* – *греческий*, *kupectví* – *купечество*, *svíce* – *свеча*).

С большой точностью приводятся исторические фонетико-морфологические соответствия между чешским и русским языками, например, сохранение *ð* и *m* перед *l* в чешских глаголах прошедшего времени (*padl* – *нал*, *vedl* – *вел*, *uvadl* – *увял*), то же самое в отглагольных прилагательных (*padlý* – *налый*, *vadlý* – *вялый*). Приводятся длинные ряды фонетических русских соответствий слоговых *p* и *l*, например, (*srp* – *серп*, *srdce* – *сердце*, *hrdlo* – *горло*, *vlk* – *волк*, *mlčeti* – *молчать*). Таким образом, пыливый чешский читатель получал возможность достаточно полного представления о характере чешско-русского языкового родства и о системном характере фонетических и грамматических соответствий. По существу Пухмайер применил остроумный и компактный способ передачи языкового материала, позволяющего освещать языковые явления с разных сторон, а не только в формальной плоскости. Нам кажется, что такой принцип комплексного представления языкового явления в лексико-семантическом и структурном аспекте не устарел и в современной методике преподавания родственных языков.

В таком же духе написан и заслуживающий внимания оригинальное приложение к тексту книги, озаглавленное: «Цвичени ве чтени». Оно представляет собой опыт передачи чешских текстов средствами русской графики; при этом учитываются как исторические, так и живые фонетические и графические факты, а иногда и морфологические соответствия.

Что касается этих текстов, они, конечно, выглядят очень необычно. «Цвичени ве чтени», что на русский переводится как «Упражнения по чтению», представляют собой 15 текстов, написанных азбукой с соблюдением русской орфографии. 12 из этих текстов чешские – переданные средствами русской азбуки. Как бы для сравнения приводятся три басни Крылова на русском языке. Прибегая к передаче чешского языка русским алфавитом, автор использует не просто транслитерацию или транскрипцию, а специфическую передачу чешско-русских звуковых соответствий. Например, чешский звук *ř* в словах *hřbitov* и *sestřička* передается как *гръбитов* и *сестричка*.

Любопытно, что в некоторых случаях Пухмайер приводит соответствия и из других славянских языков, например, на стр.28 дается соответствие суффикса прилагательного *zi*, где *z* восходит к праславянскому *d* с йотом (*d+j*), что в польском обозначается словосочетание *dz*, а далее автор пишет, что хорват передает этот звук буквой *j*. Здесь нами отмечены и некоторые обычные соответствия.

Заслуживает внимания и указание Пухмайера на то, что звук *z* в окончаниях русского прилагательного произносится как *в*. Это говорит уже о тонком знании автором русской фонетики.

Признавая историческую ценность сопоставительного опыта А. Пухмайера для серьезного ознакомления чехов с русской фонетикой и грамматикой, ученые расходятся в оценке его возможной практиче-

ской цели. Так, В. Гунячек видит в нем своеобразный графический эксперимент возможной замены чешской латиницы русской азбукой – для сближения чешского и русского языков (идея, имевшая распространение в период чешского национального возрождения). Я. Вавра подчеркивает оценку Й. Добровского, который неоднократно указывал на большое значение сопоставительного анализа, проведенного А. Пухмайером, особенно для создания научной грамматики русского языка. Г.А. Лилич отмечает, что пособие Пухмайера явилось импульсом и для распространенного в личной переписке будителей обычая прибегать к русской транслитерации, когда были опасения, что письмо может быть подвергнуто цензуре австрийской полиции (ср. из письма Й. Юнгмана Я. Коллару «По поштѣ напиште ничего, цобы се выкладати могло двоисмыслнѣ, неботь слышимъ же отвираю псание») [Лилич 1982]. По нашему мнению, опыт А. Пухмайера представляет интерес и с точки зрения истории становления преподавания родственных языков.

Л и т е р а т у р а

- Крбец М., Лопушанская С.* Йозеф Добровский об учебных книгах по русскому языку // Acta universitatis palackianae olomucensis // Philologica VIII 1989. S. 237-272.
- Лилич Г. А.* Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка. Л, 1982. С. 16.
- Dobrovský J.* Rossica. K vydání připravili K. Horálek a M. Heřman // Spisy a projevy, sv. 13, Praha, 1953. S. 51-96.
- Huňáček V.* Několik poznámek o prvním příspěvku Antonína Jaroslava Puchmajera k poznání ruského jazyka v Čechách // Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury, 3, 1959. S. 105-127.
- Pravopis Rusko-Český* Vydáný prací Jaroslava Puchmíra. Правопись руско-чешкйй, изданный трудом Ярослава Пухмира. V Praze, 1805. – 68 s.
- Vávra J.* K počátkům rusko-českého slovníkářství // Rusko-české studie // Sborník Vysoké školy v Praze. Jazyk a literatura, II, 1960. S. 363-380.

Нещименко Г.П. (Москва). ОБ АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ШИРОКОВОЙ

Прошел год со дня кончины А.Г. Широковой, однако время не уменьшает горечь утраты. Напротив, пожалуй, еще острее осознаешь невосполнимость этой потери как в чисто человеческом, так и в научном плане. Александра Григорьевна была исключительно значимой личностью, ярким и талантливым человеком, беспредельно преданным своему делу.

Вспоминая ее жизнь и деятельность, хочется прежде всего отметить разносторонность интересов А.Г. Широковой, ее пытливость, преданность своему делу. Она была в полном смысле слова организатором науки, отдававшим все свои силы подготовке кадров отечественных славистов и прежде всего богемистов. В историю славистики А.Г. Широкова вне всякого сомнения войдет прежде всего как создатель

советской – а позднее российской – школы богемистики. В этом ее огромная, неоценимая заслуга.

А.Г. Широкова родилась 28 октября 1918 г. в г. Москве. Она происходила из трудовой, многодетной семьи, все члены которой не только успешно реализовали себя в жизни, добились больших успехов, стали профессорами, докторами наук, но и были рядом друг с другом и в радости, и в горести.

Филологическое образование А.Г. Широкова получила в Московском педагогическом институте имени Потемкина. Здесь же она прошла и курс аспирантуры по специальности «славянские языки» под руководством таких блестящих ученых как А.М. Селищев и Р.И. Аванесов. Именно они заложили мощный фундамент ее славистических познаний, который в дальнейшем она всю свою жизнь расширяла и укрепляла благодаря своим недюжинным способностям, творческому темпераменту, живой любознательности, целеустремленности, преданности единоряды избранному пути.

А.Г. Широкова поступила работать на кафедру славянской филологии филологического факультета МГУ в 1943 г. Университет и кафедра навсегда стали для нее родным домом.

Приход Александры Григорьевны в славистику относится к тяжелому военному времени, когда в нашей стране остро ощущалась нехватка специалистов по славистике, многие из которых были уничтожены в период марризма и политических репрессий. Нужно отдать должное С.Б. Бернштейну, весьма тщательно и придирчиво подбиравшему и одновременно воспитывавшему кадры преподавателей, которым он доверил подготовку будущих славистов.

Читая книгу воспоминаний С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти», остро осознаешь, какое это было время. Впечатляет, сколько сил им было отдано организации вначале славянской кафедры в Московском университете, а позднее и сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР. За небольшим исключением большинство преподавателей кафедры сами еще не владели в полной мере славянскими языками. Самуил Борисович отмечает, с каким прилежанием и упорством Александра Григорьевна постигала азы чешского языка, которым она ранее никогда не занималась, штудировала доступную ей литературу на чешском языке, составляла рукописные словарики. И тут же, так сказать, «с колес» ей приходилось идти в студенческую аудиторию, учить будущих адептов славистики и богемистики. Помнится, что когда наша студенческая группа в 1950 г. начинала учиться чешскому языку, одним из наших повседневных пособий по чешскому языку была книга баллад Я. Эрбена, изданная еще в середине XIX в. В ту пору не было ни иностранных лекторов, практически не существовало и прямых контактов с носителями языка. Одновременно учились все: и преподаватели, и сами студенты. Всеми в равной степени владела жажда знаний и безграничная любовь к избранной специальности. И, конечно, огром-

ную роль играло безмерное уважение и почитание нашего Учителя, Александры Григорьевны Широковой.

Александра Григорьевна была превосходным преподавателем, пользовавшимся неизменной любовью у студентов. Приведем высказывания бывших студентов А.Г. Широковой (1950–1955 гг.) в недавно вышедшей книге «Филологический факультет МГУ 1950–1955 // Российский архив. М., 2003: (Е.С. Андреева) «Самая яркая, интересная и интенсивная жизнь была на занятиях по чешскому языку, которые вела А.Г. Широкова – человек недостижимо энергичный, жизнерадостный и грозный – попробуй не приготовить у нее домашнее задание! Благодаря ей я поверила в возможность настоящего овладения иностранным языком в учебном заведении. И это убеждение стало одним из значительных приобретений в моем духовном багаже» (с. 126–127); (М.С. Боброва) «Энергичная, искрометная Александра Григорьевна просто заражала нас любовью к чешскому языку, она была очень чутким и наблюдательным человеком и, пожалуй, единственная из преподавателей замечала, что у меня, живущей в общежитии, порой не было и пятока в кармане» (с. 132). Очень лаконично, но емко выразился В.И. Любовцев: «А.Г. Широкова – красавица, умница и друг» (с. 141). Помнится, что мы были единственной студенческой группой в жизни А.Г. Широковой, сгоряча попросившей задать домашнее задание по чешскому языку на первые зимние каникулы. Впрочем, подобный акт самопожертвования больше не повторялся! Ну, и, конечно, можно себе представить панику, которая охватила студентов нашей группы, когда разнеслась весть о том, что у части из нас практические занятия по чешскому языку будет вести другой преподаватель. «Обреченные» восприняли это буквально как трагедию.

Основным полем профессиональной деятельности А.Г. Широковой стала ее педагогическая работа. Трудясь в МГУ, она вела практические занятия по чешскому языку, читала многочисленные спецкурсы, в их числе «История и диалектология чешского языка», «Теоретическая грамматика современного чешского языка», «Сопоставительная грамматика чешского и словацкого языков», «Обиходно-разговорный чешский язык». Огромные силы она отдавала работе с аспирантами, многие из которых стали впоследствии кандидатами и докторами наук.

А.Г. Широкова в силу ее таланта, кипучей энергии, высокой профессиональной подготовки не могла ограничиться лишь педагогической деятельностью, сколь значимой бы в ее жизни она ни была. Ее влекла научная и научно-организационная работа. И действительно научная и педагогическая судьба А.Г. Широковой сложилась на редкость счастливо. Она сумела реализовать данные ей природой возможности: острый живой ум, яркий темперамент, педагогический дар, любознательность.

В 1945 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация «Восточнословацкие говоры Земплинско-Унгского комитета». В 1948 г. получила звание доцента МГУ.

В 1968 г. состоялась защита докторской диссертации «Многочисленные глаголы в чешском языке», в задачи которой входило многоаспектное рассмотрение очень продуктивной в чешском языке категории многочисленных глаголов. Особенно ее интересовало возникновение, развитие, функционирование данной категории, ее отношение к глагольному виду. Данной чрезвычайно важной теме посвящен целый ряд ее статей, имевших большой научный резонанс. Обстоятельства сложились так, что А.Г. Широкова не опубликовала это ценное исследование в виде монографии, однако специалисты-аспектологи вряд ли могут успешно разрабатывать эту проблематику, не обращаясь к ее трудам. Помню, сколь высоко оценивал эти ее работы в устной беседе А.В. Бондарко.

Сознавая важность координации научных усилий отечественных богемистов, в 1963 г. на базе Института славяноведения РАН она осуществляет издание сборника «Исследования по чешскому языку».

В 1970 г. А.Г. Широкова стала профессором, а в 1987 г. – заслуженным профессором МГУ.

Научно-организационный талант А.Г. Широковой в полной мере раскрылся, когда она возглавила кафедру славянской филологии. В этой должности она проработала двадцать лет (1971 – 1991 гг.).

Работая на кафедре славянской филологии МГУ, А.Г. Широкова старалась приглашать для чтения лекций наиболее интересных зарубежных ученых, окружала вниманием иностранных лекторов. С редким гостеприимством, радушием и сердечностью она принимала у себя дома как коллег, так и зарубежных гостей. Нельзя также не отметить, что в смутное время «нормализационных игр» в Чехословакии А.Г. Широкова пыталась, хотя и безуспешно, защитить некоторых гонимых людей, к числу которых относился в частности блестящий ученый, преданный друг нашего народа, выдающийся русист Владимир Барнет, прочитавший на славянском отделении МГУ весной 1981 г. великолепный спецкурс по сопоставительному изучению славянских языков.

Изучение языка и культуры чешского народа стало главным смыслом жизни А.Г. Широковой, ее трепетной любовью. Она стремилась популяризировать в нашей стране достижения чешской науки – назовем всего лишь подготовленный ею сборник «Языкознание в Чехословакии» (Москва, 1978 г.).

Заслуги А.Г. Широковой в развитии богемистики были отмечены научной общественностью Чехословакии. В 1979 г. она получила высокое звание почетного доктора Карлова университета; в 1983 – медаль за научные заслуги и укрепление дружбы между советским и чехословацким народами. Ее имя широко известно и в других славянских странах.

Многочисленно бывала она в Чехословакии, выступала с докладами на ответственных форумах, в частности на Лингвистическом объединении Чешской академии наук. Узлы дружбы соединяли ее с такими корифеями чехословацкой лингвистики как Б. Гавранек, Я. Белич и др.

Являясь членом правления Общества чехословацко-советской дружбы, А.Г. Широкова много сил и времени отдавала укреплению добрых отношений между нашими народами. К сожалению, последние годы ее жизни были омрачены как событиями, происходящими в нашей стране, так и в Чехословакии, позднее – Чехии.

Особо следует упомянуть о сборнике «Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками» (1983 г.), ответственным редактором которого (наряду с В. Грабье) и одним из основных авторов была А.Г. Широкова. Данный сборник, подготовленный совместно с Карловым университетом, объединяет работы видных российских и чешских ученых, посвященные важнейшим теоретическим и методологическим вопросам сопоставительного изучения славянских языков. О значимости этого труда говорит и факт его повторного издания в Праге. Его написан и раздел «Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков» в книге «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков» (М., 1998 г.), ответственным редактором которой она также является.

Круг научных интересов А.Г. Широковой весьма широк и многообразен, он включает проблемы грамматики, истории чешского литературного языка. В ее поле зрения находилось и современное состояние чешского языка, его социолингвистическое описание.

В обширном списке научных работ А.Г. Широковой значатся главы и разделы коллективных трудов, многочисленные статьи, заметки и рецензии, опубликованные не только в нашей стране, но и за рубежом. Большое внимание она уделяла подготовке научно-педагогической литературы – назовем в этой связи фонетический раздел в учебнике по чешскому языку и прежде всего, конечно, «Учебник чешского языка для 1 и 2 курсов» (в соавторстве с Й. Влчком и П. Адамецом), вышедший в 1973 г., а также другие работы.

Являясь высококвалифицированным славистом широкого профиля, А.Г. Широкова активно сотрудничала с Институтом славяноведения РАН, некоторое время она даже была в штате института. Участвовала она и в создании важных коллективных трудов института, посвященных формированию и развитию литературного языка эпохи чешского национального возрождения, функционированию современного литературного чешского языка. Особого упоминания заслуживают разделы коллективных монографий (написаны в соавторстве с Г.П. Нешименко): «Основные этапы формирования литературного чешского языка в эпоху национального Возрождения» («Формирование национальных языков в эпоху возрождения». М., 1977); «Становление литературного языка чешской нации» («Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков». М., 1978); «Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения» («Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Исторический и историко-культурный аспекты». М., 1981). А.Г. Широкова была и участником международного проекта «Сопоставительное изучение инновационных процессов в славянских языках» (см. ее статью «Декатегоризация и делексикологизация как один из источников образования новых слов и частей речи». *Slavia* 68, seš. 1. 1999 и т.д.

А.Г. Широкова не боялась затрагивать острые вопросы, касающиеся, например, развития чешской языковой ситуации. Проблема так называемой *obesně češtiny*, т.е. обиходно-разговорного чешского языка, ее интересовала в буквальном смысле слова до конца ее дней.

В поле зрения А.Г. Широковой находилась, разумеется, не только проблематика богемистики. Разрабатывала она и общетеоретические проблемы, такие, например, как вопрос о значимости функциональной эквивалентности при сопоставительном изучении славянских языков. Все исследования А.Г. Широковой отличает эрудиция, добротность, безупречное владение языковым материалом.

А.Г. Широкова была страстным патриотом своей страны, глубоко порядочным человеком. Активность жизненной позиции, принципиальность снискали ей заслуженное уважение, любовь и авторитет. Созданные ею труды найдут своего заинтересованного читателя и среди последующих поколений славистов.

Петрухина Е.В. (Москва). СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ НА СЕМАНТИКО-ДИСКУРСИВНОЙ ОСНОВЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ СОБЫТИЙ, ПРОЦЕССОВ И СОСТОЯНИЙ

1. А.Г. Широковой принадлежит заслуга разработки методов и понятийного аппарата для синхронного сравнительно-сопоставительного изучения родственных славянских языков [Широкова 1978; 1983; 1992; 1998], которые при системной соотносительности грамматических категорий проявляют значительные различия в употреблении морфологических форм. Функциональный метод исследования «позволяет детально изучить не только сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, но и делает также возможным выявление их дистрибуции, комплементарности средств реализации функционально-семантических категорий, конкуренции синонимических средств выражения» [Широкова 1998: 37]. Разработанные А.Г. Широковой принципы сопоставления славянских языков создают условия для дальнейшего развития методологической и методической базы сопоставительных исследований, в частности для постановки проблемы сравнения славянских языков на семантической основе. Ниже излагаются некоторые принципы сопоставления способов выражения и интерпретации в русском и чешском языках Событий, Процессов, Состояний, Свойств, проводимого на основе семантической типологии предикатов и их функций в различных коммуникативных типах (и подтипах) речи.

Это позволяет сравнить представление аналогичных денотативных ситуаций и их параметров, выявить расхождения в их интерпретации, способах выражения, а также в сочетании разных типов предикатов. Такое исследование способствует изучению межкатегориального взаимодействия языковых форм при выражении в русском и чешском языках ситуаций, существующих или изменяющихся во времени.

2. В исследовании используются разработанные в лингвистике 1) аспектуально-семантическая классификация базовых глаголов и семантическая типология предикатов (см. работы З. Вендлера, Ю.С. Маслова, Ф. Леманна, Г. Кучеры, Х.Р. Мелига, В. Броя, В.Д. Климонова, Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной и др.); 2) описание грамматико-словообразовательного механизма аспектуальной модификации базовых глаголов: видовой деривации и словообразовательно-видовой рекатегоризации (см. работы Ф. Леманна, Р. Мелига, Е.В. Петрухиной и др.); 3) результаты исследования текстовых функций глагольных форм и аналитических предикатных конструкций в разных коммуникативных типах речи и взаимодействия категорий глагола (см. работы А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, М.Я. Гловинской, Г.А. Золотовой, Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, Ж. Фонтэн, П. Хоппера и др.). На основе этого разрабатывается дискурсивная типология предикатов (События, Процессы, Состояния, Свойства), имеющих текстовый статус (ментальные предикаты Знания, Мнения не рассматриваются). В славянских языках основной функцией глаголов совершенного вида (СВ) является выражение Событий, а НСВ – Процессов, но в тексте глаголы НСВ могут выражать и События (например, презентные формы НСВ в настоящем историческом), а глаголы СВ, в определенных контекстных условиях, – Процессы, например процесс повторения однотипных действий. Поэтому необходимо более подробное сопоставление взаимодействия всех языковых средств при выражении текстовых категорий – Событий, Процессов, Состояний, Свойств: глагольного вида в славянских языках, лексического значения глаголов, именных и наречных предикатов, времени и залога, глагольных способов действия, лексических показателей последовательности / одновременности, кратности / однократности ситуаций, моно- / полисубъектности, коммуникативных типов речи и др. Кроме того, такой подход актуализирует **новые аспекты исследования данной проблематики**: расхождения в интерпретации сходных ситуаций в сопоставляемых языках. Например, в следующих чешских примерах (представляющих дейктический коммуникативный тип речи) результат выражается как состояние, тогда как в русских функционально эквивалентных предложениях выражены события, приведшие к созданию новой ситуации, т.е. результирующее состояние выступает как имплицитно выводимый смысл: *Pochti dva goda jak on uexal – Je pryč už dva roky; Květina je zvadlá – Цветок завял.*

3. Накоплен большой материал по сопоставительному изучению употребления видов и видо-временных форм в славянских языках, осо-

бенно в нарративе (Ю.С. Маслов, Г. Кучер, Св. Иванчев, А.Г. Широкова, Е.В. Петрухина, А. Стунова, С. Дики, М. Докулил, Г. Кучера, А. Стунова и др.). В связи с этим встает новая задача – **объяснение** многочисленных семантико-функциональных расхождений в употреблении видо-временных форм в русском и чешском языках. Кроме того, не совсем ясна роль страдательного залога в противопоставлении «переднего и заднего плана» в нарративе: так, в славянских языках наблюдается некоторое противоречие между текстовыми функциями СВ (поступательное развертывание сюжета) и страдательных причастий СВ, участвующих в выражении результирующего состояния (описание).

4. В меньшей степени в сопоставительном плане изучено в славянских языках употребление видов в дейктическом типе речи, прежде всего глаголов НСВ в общефактическом значении. Именно в дейктическом коммуникативном типе речи несовершенный вид в русском языке, как показали исследования Тэк-Гю Хонга (2003), целесообразно анализировать с позиций теории речевых актов.

Русский язык отличается от других славянских языков богатым прагматическим потенциалом претеритальной формы НСВ в дейктическом типе речи и вообще большей частотностью употребления формы прошедшего времени глаголов НСВ с общефактическим значением. Там, где в русском языке употребляется глагол НСВ в общефактическом значении, в чешском часто используется СВ в своем обычном употреблении. Ср.: – *Доктор Орлов, если не ошибаюсь?* – *Да, это я, а вы?... Простите, не узнаю.* – *Ян Сухи. Мы **встречались** с вами на симпозиуме генетиков в Варне;* чеш. *Jestli se nemýlím, jste doktor Orlov?* – *Ano, to jsem já. A vy?... Promiňte, nepoznávám vás.* – *Jan Suchý. **Setkali** (СВ) jsme se s vámi ve Varně na symposiu genetiků.*

В русском языке вид может выступать как показатель своего рода определенности / неопределенности действия, в частности в отрицательных предложениях: СВ выражает отрицание известного, ожидаемого действия, тогда как глагол НСВ указывает лишь на то, что действия не было [Рассудова 1981: 20–21]. В чешском языке возможен СВ и во втором случае (пример б'). Ср.: (а) *Алексей мне книгу **не вернул**, хотя я его об этом очень просил;* (б) *Никакой книги мне Алексей **не возвращал**, он обманывает;* чеш. (а') *Alexej mi **nevrátil** knihu, i když jsem ho o to moc prosil;* (б') *Žádnou knihu mi Alexej **nevrátil/nevracel**, vymýšlí si.*

В следующих парах русских и чешских предложений между русским и чешским языками в употреблении НСВ в общефактическом значении проявляется сходство: первые высказывания (1,1',3,3') функционируют в качестве своего рода **предэтапного** вопроса, после которого говорящий переходит к главному сообщению или вопросу (2,2',4,4'). Ср.: (1) *Кто **записывал** лекцию?* (2) *В лекции много неточностей* – (1') *Kdo tu přednášku zapisoval?* (2') *Je v ní plno chyb;* (3) *Кто **убирал** на моем столе?* (4) *Где моя записная книжка?* – (3') *(Kdo mi **uklízel** na stole?* (4') *Gde je můj diář?*

НСВ в общефактическом значении в русском языке активно участвует в создании **риторического вопроса** – употребление здесь СВ в русском языке означало бы «иллокутивное самоубийство», так как presupпозиция риторического вопроса предполагает, что говорящий заранее знает отрицательный ответ на этот вопрос [Тэк-Гю Хонг 2003: 97-112]. Ср. (5) *Кто тебя просил это делать?* ('никто не просил, не надо было это делать'); (6) *Кто тебя туда посылал* ('никто не посылал, не надо было ходить')? (7) *Я вас перебивала?* ('ясно, что не перебивала'). *Дайте и мне договорить*. В чешском языке в аналогичных риторических вопросах может быть употреблен как НСВ, так и СВ: (5') *Kdo se tě prosil, abys to dělal?* (6') *Poslal/ Posílal tě tam snad někdo?* (7') *Přerušila/Přerušovala jsem vás snad? Nechte mě laskavě domluvit*.

Таким образом, в русском языке «формальное» разграничение видов при возможности их использования для обозначения одной и той же денотативной ситуации в большей степени, чем в чешском, «нагружается» различиями в их иллокутивных и дискурсивных функциях. Мы предлагаем объяснение этому факту, а также семантическим различиям между СВ и НСВ в условиях т.наз. «конкуренции видов» в обоих языках.

Л и т е р а т у р а

- Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1981.
Тэк-Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. Москва 2003.
Широкова А.Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 6, 1978.
Широкова А.Г. Методологические проблемы сопоставительного исследования близкородственных языков (на материале славянских языков) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4, 1983.
Широкова А.Г. Системно-функциональная и узуальная эквивалентность при сопоставительном изучении славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4, 1992.
Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М., 1998.

Лариса Писарек (Вроцлав). СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ВРОЦЛАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт славянской филологии Вроцлавского университета был создан в 1969 г. на базе имеющейся на филологическом факультете кафедры русской филологии. Появились возможности исследования других славянских языков и обучения им студентов. Языки болгарский, сербскохорватский, белорусский, украинский, чешский стали преподаваться как второй славянский язык студентам русской филологии, затем – как дополнительная по отношению к русистике славянская специализация, включающая практическое знание языка, описательную грамма-

тику с элементами истории языка, историю литературы, а в 2000 г. учреждены самостоятельные славянские специализации – сербскохорватская, чешская и украинская филологии. В связи с этим изменилась организационная структура Института славянской филологии. В настоящее время институт имеет шесть секторов: русского языка, истории русской литературы и культуры, методики и практического обучения языку, сербскохорватистики, богемистики, украинистики.

Обозревая научные работы, посвященные сопоставительному (сравнительно-сопоставительному, конфронтативному) изучению славянских языков, следует иметь в виду тот факт, что в Институте славянской филологии они создавались прежде всего польскими русистами, а сопоставление имело русско-польское или польско-русское направление. Со временем появились, естественно, исследования, которые велись на материале и других славянских языков (белорусского, украинского, чешского, сербскохорватского), причем сопоставление приобрело полилингвальный характер на разных уровнях структуры языка.

Сообщим краткую информацию о работах монографического характера, которые можно отнести к несомненным достижениям в сопоставительных исследованиях славянских языков.

Остановимся на важнейших русско-польских и польско-русских сопоставлениях.

Проблемам фонетики и фонологии в сопоставительном плане посвящена монография Кшиштофа Кусалья *Воспроизведение и восприятие русских звукотипов в иностранной аудитории* (1998), в которой рассмотрен фонемный состав русского языка в сопоставлении с польским.

Семантическое поле родства и отношений исследовала Бронислава Конопелько в монографии *Русско-польские лексико-семантические отношения (на материале лексико-семантического поля родства и отношений)* (1980). Автор рассматривает конвергентные и дивергентные семантические отношения в обоих языках. Польское влияние на русскую диалектную лексику изучала Мария Дорошкевич в монографии *Studia nad wpływami polskimi na rosyjską leksykę gwarową* (1991). Вопрос функционирования существительных с формальной структурой диминутивов, которые утратили свое диминутивное значение в русском и польском языках, т. е. проблема деривационной семантики, был предметом исследования в монографии Михала Сарновского *Quasi-deminutiwa w języku rosyjskim i polskim* (1991).

К сопоставительным лексикографическим исследованиям относится словарь Брониславы Конопелько *Słownik finansowy rosyjsko-polski* (1996), а также словарь Кшиштофа Кусалья *Русско-польский словарь межъязыковых омонимов* (2002), который является помощью в решении многих затруднений, связанных с наличием межъязыковой омонимии, в преподавании русского языка в польской аудитории, а также в переводческой практике с русского на польский.

Синтаксические изыскания в области русско-польского сопоставления нашли отражение в трех монографиях. В работе Ларисы Писарек *Местоименные вопросительные предложения в русском и польском языках* (1981) рассматриваются вопросительные предложения, исходя из структуры неизвестного; устанавливается в обоих языках то место, которое в общей системе вопросительных предложений занимают местоименные предложения, определяются средства выражения вопросительности в данном типе предложений и выявляются русско-польские соответствия показателей неизвестного. В монографии Дианы Вечорек *Несогласованные асимметричные русские предложения в сопоставлении с польскими* (1982) предметом исследования являются семантические и синтаксические структуры так называемых односоставных предложений. Автор исходит из концепции Г.А. Золотовой о принципиальной двусоставности моделей русского предложения, подтверждает и обосновывает эту точку зрения также и материалом польского языка. Работа Ионы Лучкув *Wyrażanie imperatywności w języku rosyjskim i polskim* (1997) посвящена языковой категории императивности, а также средствам ее выражения. Автор анализирует все типы синтаксических конструкций, относящихся к функционально-семантическому полю императивности в обоих языках, устанавливает доминанту, центр и периферию этого поля.

Лингвопрагматические и культурологические проблемы в сопоставительном плане рассматривались в монографиях Ларисы Писарек *Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)* (1995) и Михала Сарновского *Przestrzeń komunikacji negatywnej w języku polskim i rosyjskim. Kłótnia jako specyficzna sytuacja komunikacji werbalnej* (1999). Предметом исследования первой монографии являются речевые акты из класса экспрессивов. Систематизация различных реализаций речевого акта дается путем установления перформативной парадигмы. Вторая монография посвящена анализу ссоры как специфической ситуации вербальной коммуникации в русском и польском языках. Автор монографии вводит новое понятие – пространство негативной коммуникации, центром которого является ссора как диалогический жанр речи, а также как определенный стереотип речевого поведения. В работе анализируется также лексический состав поля негативной коммуникации в обоих языках и приводятся тексты ссор.

Сопоставительное изучение других славянских языков представлено тремя монографиями, а также рядом статей.

Украинско-польский материал рассматривается в монографии Дианы Вечорек *Украинский перфект на -но, -то на фоне польского перфекта* (1994). Исследуя украинские перфектные конструкции на *-но, -то*, автор приходит к выводу, что в польском языке они не имеют полного аналога. Промежуточный характер украинского литературного языка, связанный с его положением на стыке двух культур – восточно- и

западнославянской, описывает Диана Вечорек в монографии Украинский язык. *Slavia Romana – Slavia Byzantia*. Очерки по глагольности (1997).

На широком языковом материале с привлечением данных всех славянских языков работает Ян Соколовский, занимающийся проблемами славянского словообразования. Его статья *Słowiańskie negotywa z prefiksem ne-* (Sokołowski 1983) посвящена сопоставительному исследованию именных дериватов с приставкой *ne-* во всех славянских языках. А монография *Słowiańskie derywaty imienne z przyimkiem negacji w podstawie słowotwórczej* (2000) является синхронно-сопоставительным исследованием прилагательных и существительных, мотивированных предложно-падежными сочетаниями с отрицательным предлогом *bez*, во всех славянских языках.

В ряде статей Ларисы Писарек проводится сопоставление польского, белорусского и русского языкового материала. Предстоит защита кандидатской диссертации Сибиллы Дакович на тему *Interieksje w języku polskim, serbskim/chowackim i rosyjskim. Opis i konfrontacja*, в которой дается сопоставительное описание польских, сербских/хорватских и русских междометий.

Исследования бегемистов посвящены проблемам ономастики. И хотя это не сопоставительные исследования, однако для полноты картины назовем две монографии: Ярослав Липовски *Nazwiska z Jabłonkowa i okolic u schyłku XVII wieku* [Lipowski 2002], Ярослав Малицкий *Nazwy miejscowe Śląska w języku czeskim* [Malicki 2002].

Исследованию славянских языков способствуют регулярно проводимые в институте каждые два года (начиная с 1992 г.) научные конференции на тему Слово и предложение в славянских языках (описание, сопоставление, перевод). Материалы конференции регулярно издаются в серии *Slavica Wratislaviensia*. начиная с III конференции (1996), эти тома носят название *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich (opis, konfrontacja, przekład)* (1996, 1998, 2000). Очередной том материалов выйдет в 2004 г., т. е. в год организации следующей конференции. Эту регулярность организации международных конференций и изданий их материалов также можно отнести к достижениям нашей славистики.

**Савченко А.В. (Санкт-Петербург). К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ
МЕЖСЛАВЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ
СИНСЕМАНТИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ**

В грамматических трудах А.Г. Широковой важное место занимает сопоставительное изучение синсемантических частей речи (предлогов, союзов, частиц, междометий), которые играют существенную роль в структуре текста и в выражении разного рода эмоционально-оценочных характеристик. Особенное внимание А.Г. Широкова уделяла междометиям и частицам. Так, в одной из своих последних статей она пишет:

«Поскольку предлоги и союзы достаточно обстоятельно описаны в грамматиках и научных исследованиях (правда, не в сопоставительном плане), для нас гораздо больший интерес представляют междометия и частицы как наименее описанные в сопоставительном плане» [1].

Сопоставительный аспект изучения языковых явлений имеет прямое отношение к теории художественного перевода.

В настоящем сообщении ставится вопрос об адекватности передачи некоторых русских первообразных междометий в чешском переводе автобиографической трилогии М. Горького. Анализ производится с опорой на подход А.Г. Широковой к выявлению функциональной эквивалентности высказываний в сопоставляемых языках, содержащих синсемантические части речи [2].

По своему звуковому составу первообразные междометия в славянских языках во многом близки, вплоть до совпадения. Между тем, они могут различаться в оттенках выражаемых ими эмоций, оценок, волевых импульсов. Обращаясь к двуязычным словарям, переводчик далеко не всегда найдет в нем требуемый эквивалент. Ср., например, статью на междометие *oň* в одном из популярных словарей: *oň, oň-oň-oň, citosl.: vujadřuje 1. bolest: au, ou; 2. překvapení, úlek: já, o jeje; 3. pochyby: hm, mm; 4. pocit ulehčení: uf* [3].

Совершенно очевидно, что на основе такого скупого и не слишком обобщенного материала нельзя составить объективного представления о функциональных чешских соответствиях русского междометия *oň*.

Мы обратились к материалу другого типа словарей – полному авторскому словарю, принципы которого были разработаны Б.А. Лариным [4], куда включены все слова, употребленные в описываемом тексте, как знаменательные, так и служебные. Семантическая разработка имеет здесь не обобщающий характер, как в традиционных словарях, а конкретизирующий. Большое внимание уделяется описанию контекстуальных приращений смыслов, возникающих у слова при соединении с другими словами.

Междометие *oň* употреблено в повестях М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты» 39 раз; выделено 4 основных значения и 8 контекстуальных семантических оттенков.

Чешские соответствия этих употреблений междометия *oň* выявлены в переводе трилогии М. Горького на чешский язык [5]. Оказалось, что для выражения 1) боли, испуга использовались чешские переводные эквиваленты – *au, ach*;

2) усталости, изнеможения – *ach*;

3) досады, огорчения – *ach*;

4) предостережения, угрозы – *ach, jejej*;

5) порицания, осуждения, упрека – *ojoj*;

6) одобрения, восхищения – *a jak, ach, věru, oj*.

При использовании *oň* в песенных зачинах и других фольклорных вставках чешские переводчики прибегают к стилизации элементов на-

родной русской речи: *Oj, уходит солнце ясное – Oj, odchází slunečko...;*
Oj, ты зла беда – Oj, ty bědo zlá; Oj же ты, молода вдова! – Hoj ty
mladá vdovo!; Oj, стук-постук – Hoj, tuku, tuku.

Л и т е р а т у р а

1. Широкова А.Г. Сопоставительное изучение синсемантических частей речи // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998. С. 133.
2. Там же. С. 134-135.
3. Русско-чешский словарь. I. А – О / Под ред. Л.В. Копецкого и О. Лешки, М. – Прага, 1978. С. 598.
4. Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках. Основан проф. Б.А. Лариным. Вып. V. Л., 1986. С. 139.
5. Maxim Gorkij. Trilogie. Z ruského originálu přeložili J. Fromková a J. Petrmichl. Praha, 1974.

Семенова А.В. (Москва). СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КОЧЕВСКОГО ДИАЛЕКТА ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

В фразеологической лексикографии вопрос о включении тех или иных единиц в структуру словаря решается авторами неодинаково и зависит от задач, которые ставит перед собой составитель словаря (особенно словаря лингвистического типа).

Важную роль играет также традиция, закрепившаяся в фразеологии разных стран. Так, в отечественной традиции господствует взгляд на объем фразеологии, отраженный в работах В.В. Виноградова. В.Н. Телля указывает на наличие нескольких уровней фразеологии, или нескольких «фразеологий» [1]. В польской лингвистической литературе мы находим схожий с виноградовским взгляд на данный вопрос, однако, в последние годы в лоне фразеологии стала активно развиваться «фразематика» – наука о воспроизводимых в готовом виде единицах, в состав которых входят любые выражения от клише и составных терминов до «крылатых слов» [например, 2].

Задачей фразеолоксикографа может быть либо составление словаря, претендующего на полноту отражения фразеологического фонда того или иного языка, либо содержащего фразеологические единицы (ФЕ) одного структурно-семантического типа. Материал может быть представлен по алфавитному или идеографическому принципу. В последнем случае словарь ориентирует пользователя на значимые для носителей языка сферы бытия. Идеографические словари являются незаменимым источником информации о языковой модели мира (ЯММ).

При работе над составлением идеографического фразеологического словаря кочевского диалекта польского языка (далее Словаря) перед нами также встает проблема отбора материала. Источником кочевской фразеологии нам служит лингво-культурологический словарь кочевских

говоров Б. Сыхты, в котором не проводится четкого разграничения между воспроизводимыми единицами разных типов [3, 4]. Нашей конечной задачей является построение кочевской языковой модели мира, основанной на данных фразеологии.

Составляемый Словарь насчитывает шесть разделов, отличающихся количественной асимметрией. Раздел «Вселенная, природа» насчитывает всего 14 ФЕ (для сравнения в разделе «Внутренний мир человека» – 100). Кроме собственно ФЕ в словаре Б. Сыхты находятся «составные термины» и метафорические устойчивые выражения, называющие явления природы. Последние отражают большой культурологический пласт фразеологии кочевского диалекта и помогают составить представление о восприятии жителями Кочевья физического мира вокруг них. Поэтому учет составных терминов и языковых метафорических выражений с нестершейся до конца образностью как дополнительного источника информации о ЯММ представляется важным.

Кочевские ФЕ в основном характеризуют метеорологические явления: *Pogoda jak zvoněk* – по всей вероятности, это определение хорошей погоды; *Zima z v'osnó ša b'ije* – предположительно, данное выражение означает бурю во время смены времен года; *Babske lato* – бабье лето; *Pomór na stare panny* и *V p'ekle kermaž* – дождь в солнечную погоду; *Mróz jaž płoti pačajó*, *Mróz pakuje ša* и *Mróz vali ša jak bik* – о сильном морозе; *Mróz dostaje po rogaX* и *Mróz lámne sob'e kark* – наступает оттепель; *Baba z pomivakam* – дождевая туча; *Vože próntko* – буря. Отмечены две ФЕ, связанных с животным миром: *SuXo stojíc* – перестать давать молоко (о стельной краве); *Riba Xtórna traktór přejaXař* – камбала.

Значительно обогащают данную картину составные термины и метафорические выражения. В данном разделе они количественно превосходят собственно ФЕ (их 32): *«погода»*: *Nebo ša Xmuři* – небо хмурится; *Nebo ša rozjašna* – небо проясняется; *JiZ'e (na noc) mróz* – ночью будет мороз; *Slónce ša juž Xov'e* – солнце уже садится; *Krajovi dešč* – затяжной дождь; *Goři mróz* и *SuXi mróz* – мороз, при котором на полях, засеянных озимыми, нет снега; *B'aři mróz*, *Mokři mróz* и *Šivi mróz* – иней; *«названия небесных тел»*: *Vabki na jarmarku* – созвездие Плеяды; *Xlor šagne vózek* – созвездие Большая Медведица; *Gv'azda Zv'éřova* – Венера; *Mléčna Droga* – Млечный Путь; *Vole oko* – луна; *Mnéšónc je obroši* – луна в дымке; *название камня*: *Žařti kamňař* – янтарь; *«растения и грибы»*: *Klamp'e muře* – гриб «козляк»; *Pši rómóněk* – пупавка; *Smarkati ramppek* – масленок (?); *Koňska košč* – полевой хвощ; *Gaša košč* – луговой хвощ; *Krv'ove kv'atki* – подснежники; *Koče řapki* – розовое растение, *Erodium ciubarium*; *Vilča makóva* и *Z'ika makóva* – полевой мак; *Gap'e nogi* – разновидность плауна; *«домашние животные»*: *Šv'éža křova* – корова после ежегодного отела; *Mlična muřa* – белая губа у скота или лошадей; *«птицы»*: *Skovrónek z řubam* – хохлатый жаворонок; *«пресмыкающиеся и земноводные»*: *PařXata řaba* – серая жаба; *«характеристика ландшафта»*: *Klamp'a trifta* – полевая дорога, по которой ходят коровы.

Приведенные выше выражения демонстрируют метафорическую базу в наименованиях явлений природы, животных и растений. Они показывают, какие образы видятся носителям данного языка в созвездиях («бабы на базаре», «мужик, тянувший тележку»); какие внешние признаки растений ложатся в основу названия (например, сравнение растений с животными: «коровьи морды», «конская кость», «кошачьи лапки»); что является эталоном того или иного цвета (например, «кровь» – эталон красного, «молоко» – белого).

Опираясь на *совокупность* собственно ФЕ и других воспроизводимых выражений, можно составить более полный реестр тех образов, которыми оперируют в повседневной жизни носители кочевого диалекта, понять, какие признаки для них являются важнейшими в различных явлениях.

Предлагается следующий способ организации материала: в корпусе Словаря мы помещаем ФЕ, а остальные выражения, расширяющие представление о кочевой ЯММ, относим в приложение. Это позволит дополнить информацию о ЯММ, которую несет фразеология, а также не нарушит структуры фразеологического словаря.

Л и т е р а т у р а

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. Москва, 1996.
2. *Chlebda W.* Frazematyka // Encyklopedia Kultury polskiej XX wieku. Wrocław, 1993. Т. 2. S. 327-334.
3. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–7. Wrocław, 1967–1976.
4. *Sychta B.* Słownik gwar kociewskich na tle kultury ludowej. Т. 1–3. Wrocław, 1980–1985.

Скорвид С.С. (Москва). О ПРОЕКТЕ ХРЕСТОМАТИИ ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

В начале 1980-х годов Александра Григорьевна Широкова задумала создать и издать на филологическом факультете МГУ хрестоматию по истории чешского языка. Исполнение ее замысла было поручено автору этих строк. По ряду причин замысел по прошествии четверти века пока так и остался нереализованным, хотя некоторые шаги в данном направлении (во всяком случае в форме распространения копий отдельных текстов среди студентов-богемистов) предпринимались и продолжают предприниматься. Автор в надежде на то, что в конечном итоге многолетние усилия все же увенчаются успехом в виде книги, хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно проблем, какие возникали тогда и возникают поныне в связи с проектом этой хрестоматии.

Идея подготовки такого пособия появилась у А.Г. Широковой отнюдь не случайно. Ученица А.М. Селищева, а после его кончины Р.И. Аванесова, она как лингвист поначалу работала в сравнительно-

историческом и диалектологическом русле, защитив в 1944 г. кандидатскую диссертацию на тему «Восточнословацкие говоры Земплинско-Унгского комитата (происхождение, состав)». В дальнейшем, начиная с 1950-х гг., она много занималась историей чешского языка, которой был посвящен целый ряд ее публикаций. Собственно, и ее докторская диссертация 1968 г. «Многочастные глаголы в чешском языке» в значительной мере базировалась на историческом материале. Спустя почти пятнадцать лет, предлагая создание обсуждаемой хрестоматии, А.Г. Широкова восторженно вспоминала, как она «расписывала все эти памятники...»

Сосредоточившись затем на остросовременном направлении в лингвистике, известном под названиями *сопоставительное / конфронтативное / контрастивное изучение языков*, она при этом многие годы увлеченно и увлекательно вела на филологическом факультете курсы истории и диалектологии чешского языка. В качестве подспорья для таких занятий, в ходе которых не только излагались общетеоретические положения, но также читались – напечатанные под копирку на пишущей машинке – соответствующие тексты, и задумывалось издание комментируемых с языковой точки зрения фрагментов произведений древнечешской письменности. Впрочем, как вскоре стало очевидным, оно могло бы и, более того, должно было бы послужить не только языковедческим целям.

В те же 1980-е годы Раиса Романовна Кузнецова предложила объединить на филологическом факультете МГУ курсы истории чешского языка и ранней истории чешской литературы, так как они шли параллельно и в ходе них обсуждались, пусть с разных сторон, и читались «все эти памятники...» Заложенная тогда традиция сохраняется и сейчас. В той или иной степени студенты факультета в последнее время сталкиваются с древнечешской словесностью еще и в курсе истории культуры страны основного изучаемого языка, и в рамках общеознакомительных курсов истории славянских литератур на славянском и русском отделениях, причем во всех этих случаях слушатели соответствующим языком в достаточной мере – либо вообще – не владеют. С учетом потребностей данного контингента потенциальных «пользователей» хрестоматии для нее оказались необходимыми, кроме языковых, по крайней мере некоторые историко-литературные комментарии к текстам и, естественно, переводы.

А в 1990-е годы автор этих строк сотрудничал также в Российском государственном гуманитарном университете, преподавая на факультете теоретической и прикладной лингвистики чешский язык как второй, а затем и как основной. И хотя учебным планом факультета не был предусмотрен курс истории языка и диалектологии (не говоря уже об истории литературы), общая ориентация образования, структурно-типологическая и во многом историческая, и здесь потребовала того или иного знания учащимися памятников древнечешской письменности.

Опыт работы в РГГУ укрепил автора во мнении, что обсуждаемое пособие было бы полезным не только для студентов-филологов МГУ, но и для гораздо более широкого круга интересующихся славистикой, причем опять-таки не обязательно хорошо знакомых с чешским языком.

Постепенное расширение спектра задач, которые такое пособие в итоге призвано решить, порождало все более сложные проблемы. В целом их можно подразделить на три группы.

I. Наименьшие затруднения, особенно после появления книги А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (М., 1995), которая могла бы послужить образцом для подобного издания, вызывают комментирование и перевод коротких прозаических текстов нехудожественного характера. Ср. пример возможного представления древнейшего из таких чешских текстов:

ГЛОССА В ГРАМОТЕ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЛИТОМЕРЖИЦКОГО КАПИТУЛА

Относящаяся к началу XIII в. чешская глосса (приписка) в латинской грамоте 1057 г. об учреждении Литомержицкого капитула – первая записанная фраза на чешском языке. Запись выполнена так наз. примитивной графикой (*primitivní pravopis*).

Pael dal ge (t plo (cou<i>cih zemu Wlah dal ge (t dola (zemu bogu i (uiatemu (seranu (e duema du (nicoma bogucea a (edlatu	Павел дал в Плосковицах землю Влах дал в Доланах землю Богу и святому Стефану с двумя душами [крестьян] – Богучея и Седлату
--	---

Комментарии

1) Графика:

Буква *c* обозначает /k/, /c/ или /č/. Типичная для средневековой европейской письменности на основе латиницы буква *f* обозначает /s/ или также /š/. Буква *u* обозначает согласную /v/ или гласную /u/. Согласная /v/ может также обозначаться буквой *w*. Буква *g* в начале слова обозначает /j/, а в других случаях, по-видимому, уже фрикативную согласную /h/, буква *h* – /x/. Мягкость согласной обычно не отмечается (трактовка написания (uiatemu спорна). Долгота гласной на письме не фиксируется.

2) Историческая фонетика:

Запись отражает состояние древнечешского языка в период до перегласовок *ä > ě* (написание (uiatemu можно транскрибировать как [sv'ätēmu]) и *'u > i*.

3) Историческая морфология:

В области именного склонения выделяются беспредложный местный падеж, который в морфологически архаичном облике выступает в форме dola (< *-an+sz, и двойственное число. Из глаголь-

ных форм представлен перфект со вспомогательным глаголом в 3-м л., имеющий значение результата действия в прошлом, который актуален для настоящего.

3) Исторический синтаксис:

Характерной древней особенностью является несогласование в падеже имен в последней части записи (см. перевод).

Проблему здесь – как и в остальных случаях – составляет целесообразность транслитерации, а не транскрипции текста средствами современной чешской графики. Автор исходит из убеждения, что студенты-богемисты и более широкая аудитория при изучении древнечешских памятников обязаны познакомиться с их достаточно верно переданным первоначальным графическим обликом и, при помощи комментариев в самой хрестоматии (по необходимости, естественно, выборочных) и объяснений лектора, овладеть навыками чтения таких текстов. Впрочем, они должны получить представление также о принципах транскрипции, распространенной в современных изданиях, особенно рассчитанных не на лингвистов, а с другой стороны, по крайней мере на некоторых образцах, и с факсимильным отображением древнечешских рукописей и, позже, печатных книг. Эти моменты будут подробнее обсуждены в заключительном подпункте настоящих заметок. Пока же обратимся к другой группе вопросов, которые связаны с постепенно усложняющимся характером текстов (включая их графическое оформление), во-первых, удлиняющихся по объему, а во-вторых, приобретающих художественный характер.

II. Как известно, ранние литературные произведения, написанные на чешском языке, были стихотворными (что характерно и для других западнославянских, а также западноевропейских литератур). Тем самым к проблеме «транслитерация / транскрипция» добавляется проблема «комментируемый буквальный (для лингвистов) / художественно-поэтический (для литературоведов) перевод». В отношении этих случаев автор придерживается мнения, что языковедческий комментарий лектора в ходе занятий избавляет от необходимости приводить в хрестоматии перевод первого типа, тогда как лингвистически не вполне адекватный художественный перевод способен дать довольно точное литературо- или культуроведческое понятие об особенностях оригинала. Это положение можно проиллюстрировать на примере отрывка из следующего древнечешского памятника:

LEGENDA O JIDÁŠOVI – АПОКРИФ ОБ ИУДЕ

Фрагменты апокрифа об Иуде из созданного на рубеже XIII–XIV вв. апокрифического цикла (легенды об апостолах, о Деве Марии, о Страстях Господних, о сошествии Святого Духа, о Пилате и др.) сохранились в двух списках XIV в. Запись обоих фрагментов выполнена в так наз. первой системе лигатурного письма (*spřežkový pravopis*).

Znamenaymŕy prsi tom z wlaŕztyŕ,
 ies zzie zztalo w Chzechach nenŕe,
 gdes prsiwuznŕych kralow nenŕe.
 Pochznucz ot Prsiemyzzla krale,
 kak ho zŕŕn, kak wnuk na male
 zzie ŕzzŕ zzbŕŕli na zzem zzwietŕe;
 pozzlednŕŕ byl ge ŕchze dŕŕetŕe,
 pochzen zzie ŕŕchzedr hi udaten
 a ŕzza zzwŕm liude^m pozztaten,
 w ŕŕaks nemohl toho usitŕ,
 muzzil u mladŕych dnech zznŕtŕ.
 Kaks koli byl w ŕŕie^m powolil,
 w ŕŕaks newinnŕe zzwŕ krew prolil.
 W ŕŕe pro tŕe, proradne^e plemie,
 puzŕtŕŕ zŕŕ negednŕŕ zemie.
 Zrado, wiedŕe, s nŕcz nemine ŕŕŕ,
 w ŕŕaks zama potom oplŕne ŕŕŕ.

...
 То же в чешских землях стало,
 где потомков не осталось
 королевских на престоле
 после Пршемысла: оттоле
 племени его немного
 дней дано было от Бога...
 Вслед за сыном смерти холод
 внук познал, хоть так был молод!
 Щедрый, смелый, полный силы –
 скорой не избег могилы.
 Как державе ни мирволил –
 свою кровь безвинно пролил.
 А все ты, о змей коварства:
 не одно извел ты царство!
 Всех, предатель, в пропасть тянешь,
 но и сам туда же канешь!

Комментарии

1) Графика:

Первая система лигатурного письма, применяемая в цикле апокрифов и еще лишь в отдельных дошедших до нас рукописях того же времени, была разработана очень тщательно, особенно в отношении весьма последовательной дифференциации шипящих и свистящих согласных. Так, в приведенном отрывке, как правило, буква *z* обозначает /z/, буква *s* – /ŕ/, а буквенные сочетания (лигатуры) соответственно *zz* – /s/, *ŕŕ* – /ŕ/, *cz* – /c/, *chz* – /č/, *rs* – /ř/. Фонема /h/ обозначается буквой *h*, фонема /x/ – лигатурой *ch*. В области гласных следует отметить регулярное обозначение /ě/ как *ie* или *ue* (с вариантами написания). Помимо того, у гласных букв в данной лигатурной системе проявляются элементы диакритики: дужка или точка; к ним можно отнести и дублирующие гласную мелкие буквы, надписываемые над основной (в настоящей публикации они по техническим причинам помещены правее). Ввиду ограниченного объема текстов и непоследовательности использования диакритических знаков остается неясным, можно ли расценить эти написания как попытку различения долгих и кратких гласных.

2) Историческая фонетика:

Памятник отражает состояние древнечешского языка в период после перегласовки *ǎ* > *ě* (ср. *dŕŕetŕe* с конечным *ě* из *ǎ* < **e*), но до перегласовки *u* > *i* (*liude^m* [ŕudem]).

3) Историческая морфология:

В области глагольного спряжения обращает внимание форма императива *znamenautŕŕ* с одним из древнечешских вариантов флексии 1-го л. мн. ч. презенса и императива (наряду с *-me* и, в презенсе, *-m*). Из

форм прошедшего времени представлены перфект, лишь изредка сохраняющий вспомогательный глагол в 3-м л. (na male zzie ýzzŭ zzbŷli..., no ies zzie zztalo... и др.), плюсквамперфект (bŷl w ſ'ie^cm powolil) и архаичная претерито-презентная форма, восходящая к индоевропейскому перфекту (wiedye 'я знаю/знал'). В области именного склонения интересна архаичная краткая форма род. п. мн. ч. притяжательного прилагательного kralow с нулевой флексией на месте *ъ.

3) Исторический синтаксис:

Древней чертой является употребление относительного местоимения ies, вводящего придаточное дополнительное, а не определительное предложение.

III. В развитие соображений, изложенных в предыдущих пунктах, хотелось бы показать еще на одном примере дальнейшее усложнение проблем, возникающих при составлении обсуждаемой хрестоматии. Речь идет о проблемах графического оформления текста, с одной стороны, и представления его в широких литературо- и культуроведческих связях – с другой. Приведем два фрагмента одного из наиболее крупных древнечешских памятников начала XIV в. (с опущением лингвистического комментария, который может быть построен по предложенным выше образцам): первый в транслитерации и без перевода, а второй в транскрипции и с переводом.

ALEXANDREIDA – АЛЕКСАНДРЕИДА

Стихотворный рыцарский эпос об Александре Македонском, созданный в начале XIV в., сохранился в девяти разного объема фрагментах (списки XIV и XV вв.). В одном из них запись выполнена еще в первой системе лигатурного письма, в остальных – во второй системе.

Tyech let zemye welmy zhynu,
az knyzezecye mlado ſt minu
a ſmy ſla wyecze przſi ſtupy.
Kdaz z d<y>etynuch let wy ſtupi,
vrozomye dobrzie tomu,
zlo v porobyte byty komu.
Snad moze ſye tak gyz gmyety
druhe leto po de ſety,
vzrzſie, ze zemye porobena,
w ſyeho dobreho zbawena.
Pocze k ſobyte ſam mluwyty,
rzka: Ach, kda ge ſt tomu byty,
iakz bych ia ſwoy kon okroczył,
ſweho wraha krwy vtoczył
ſylnu ranu meho mecze,
tepruw byl bych tu bez pecze

toho, genz my otcze pobyl
i gens mu zemy porobyl.

Как литературный памятник древнечешская «Алекса́ндреида» представляет собой обработку популярного в средневековой Европе сюжета, причем ее автор опирался прежде всего на стихотворный латинский текст Вальтера Шатильонского (XII в.). Ввиду этого, возможно, уместно было бы после лингвистического комментария поместить в хрестоматии для сравнения русский перевод соответствующего отрывка названного текста:

В детские годы, когда еще были пухом покрыты
Мальчика щеки, когда на лице не курчавился волос,
С Марсом поспорить он не был готов, но всем своим сердцем
Рвался к оружию: слышал он не раз, что должны быть подвластны
Земли Пеласгов отцу, но их, подчинив себе, Дарий
Держит под игом; и мальчик, разгневан, вскричал, негодуя:
О, как медлительно время течет! Когда же удастся
Мне, в смертельном бою взмахнув мечом засверкавшим,
Сбросить персов ярмо?..

(Перевод М.Е. Грабарь-Пассек)

Интересно было бы также включить параллельный фрагмент прозаической древнерусской «Алекса́ндрии» (перевод с греческого XV в.), однако это, пожалуй, уже выходило бы за рамки задач хрестоматии по истории чешской письменности.

Теперь образец транскрибированного текста с переводом:

...	Спору нет – стяжал по праву
A s právem sě jmu to dalo,	Александр такую славу:
což sě jmu jest čsti kde stalo,	он, ведя немногий люд,
že sě vybrav s málem l'uda	предприняв столь тяжкий труд,
hi pojměv mnoho nekř'uda,	так свершить его потщился,
svú věcú tak snažně pílil,	что весь мир пред ним склонился...
až sě jmu veš svět pochýlil.	Верным чехам, Боже, внемли
By Byh uslyšeti ráčil	и, призря на наши земли,
své křestěnstvo hi to zračil,	ниспослать благоволи
by takýž byl českým králem!	нам такого в короли!

В связи с трудностями технического характера факсимильные копии отдельных страниц древнечешских рукописных и, с конца XV в., печатных книг, разбираемые в ходе занятий со студентами, в данной публикации не приводятся.

В заключение следует признать, что процесс создания столь широко задуманной хрестоматии оказывается чрезвычайно трудоемким. Несомненно, любая дискуссия по этому проекту будет для его завершения весьма ценна.

Татьяна Стоянович (Белград). ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ В СЕРБСКИХ БЫЛИЧКАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ)

В конце XIX – начале XX века, когда в Сербии начался интенсивный сбор быличек, подобные тексты воспринимались не как произведения устного народного творчества, а, в первую очередь, как этнографический материал. Сюжетные рассказы о встрече с мифологическими персонажами публиковались в Сербском этнографическом сборнике в рубрике «Народные суеверия» вместе с описаниями народных представлений о демонических существах. В большинстве случаев они подвергались литературной обработке и целый ряд особенностей повествования, свойственных устному жанру, в них снимался.

Лишь с 60-х годов XX века в сербской фольклористике подход к фиксации быличек в корне изменился: они стали рассматриваться как произведения фольклора, что соответствует точке зрения, принятой в современной славянской фольклористике.

В последнее десятилетие появилось много работ, посвященных проблеме определения жанра былички, в основу которого на конгрессе фольклористов в 1963 году в Будапеште был положен сюжетный признак «встреча человека с мифологическим персонажем как подтверждение поверья о данном мифологическом персонаже».

Один из путей к определению жанра былички – исследование повествовательных приемов, используемых в такого рода текстах: употребление временных форм, смена точки зрения, употребление различных наречий времени.

Усикова Р.П. (Москва). СВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПОЛОГИЕЙ МАКЕДОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО ИНТЕНСИВНЫМ РАЗВИТИЕМ (1945-2004 ГГ.)

I. До кодификации литературного языка в 1945 г. македонский язык функционировал лишь при неофициальной коммуникации, назывался обычно «наш язык» и состоял из нескольких групп диалектов, главным образом из сельских и городских говоров. Лишь в конце XIX-начале XX в. развиваются городские койне около крупных городов. Македонские диалекты на Балканах существуют более тысячи лет, при этом их носители в большинстве своем были билингвами: знали язык (диалект) соседнего этноса и официальный язык государства, в который в тот или иной исторический период входила территория македонских славянских говоров (турецкий, греческий, сербохорватский, болгарский).

В начале зарождения литературного македонского языка, общемакедонского единого наддиалектного койне (разговорного языка) не было, хотя носители всех македонских диалектов хорошо понимали друг друга. Были произведения фольклора на диалектах и междиалектном

/наддиалектном койне (так. наз. языке фольклора), в XX в. на базе народного фольклора возникла авторская художественная литература (поэзия, драма) на народном разговорном языке с примесью диалектных особенностей языка авторов.

II. В своем становлении и развитии македонский литературный язык пережил четыре этапа:

1) **1945–1950 гг.**: обучение населения (и учителей!) новому литературному языку, введение школьного образования на македонском литературном языке, уточнение правил в фонетике и морфологии, формирование терминологической и абстрактной лексики. Зарождение административного и публицистического стилей литературного языка. Влияние на македонский литературный язык и на разговорный македонский (диалектный главным образом) язык сербохорватского языка как языка культурного и политического престижа (заимствование / отталкивание в нормативных решениях). Развитие художественной литературы (рассказы, повести) на македонском литературном языке.

2) **1950–1970 гг.**: появление трехтомного Словаря македонского языка с сербскими толкованиями, Грамматики македонского языка Б. Конеского, нового орфографического словаря, уточнившего литературные нормы и правописание слов и словоформ. Создание академических культурных и научных институций – Университета, Академии наук, научно-исследовательских институтов, телевидения на македонском языке; провозглашение автокефальности македонской православной церкви. Становление научного стиля литературного языка. Македонско-сербский билингвизм македонцев, македонско-сербско-албанский полилингвизм албанцев, полилингвизм других этносов Македонии.

3) **1970–1990 гг.**: дальнейшее развитие и уточнение литературных норм в грамматике и лексике, зафиксированное в Орфографическом словаре 1970 г. Формирование наддиалектных разговорных стилей (молодежный жаргон Скопье, распространявшийся на другие поколения в Скопье и в других городах. Укоренение практики пользования литературным македонским языком при официальной коммуникации в республике; дальнейшее развитие функциональных стилей литературного языка – административного, публицистического, научного; дальнейшее развитие художественной литературы на македонском языке во всех литературных жанрах. Обогащение лексического корпуса македонского литературного языка. Становление наддиалектного разговорного языка, входящего частично в так наз. разговорный стиль литературного языка, функционирующего при неофициальной коммуникации в оппозиции литературному языку как языку официальной коммуникации. Диалектные и жаргонные компоненты в разговорном языке в зависимости от языковой компетентности говорящего. Отклонения от литературной нормы (ошибки) в публичной устной и письменной речи, их причины. Сохранение языковой ситуации би- и полилингвизма.

4) **1991 г. – по настоящее время:** повышение статуса и расширение функций македонского литературного языка как официального языка независимого государства в международном общении, в армии. Исчезновение причин для македонско-сербской диглоссии. Использование ненормированного официально разговорного языка и жаргонов в экспрессивной функции (просторечие). Влияние интернационализмов (прежде всего американизмов) на лексический состав разговорного языка и проникновение их в литературный научный и публицистический стиль, а также в разговорный язык и молодежный жаргон.

III. За полувековой период своего становления и развития македонский литературный язык проделал очень большой путь и стал главным средством языкового общения македонской нации. Таким успехам развития послужила избранная типологическая структура этого литературного языка, а именно: а) литературный македонский язык сформирован на единой диалектной основе, б) не имеет локальных вариантов, в) очень близок к народно-разговорному языку и диалектам, г) свободен от какого-либо пуризма, д) он не обременен многовековыми языковыми церковнославянскими традициями. Кроме информационной функции, которая свойственна административному, публицистическому и научному стилям литературного языка, он успешно выполняет духовную культурную функцию как орудие македонской национальной культуры и эстетическую функцию языка художественной литературы. В официальной коммуникации македонский литературный язык стал главным языковым средством, а «общенациональный разговорный македонский язык» (термин Л. Миновой-Гурковой – Минова-Гуркова 2003) возник как оппозиция уже развитому литературному языку в качестве средства неофициального общения. С другой стороны, разговорный язык, в зависимости от говорящего и слушающего, может варьироваться как разговорный стиль литературного языка или же как наддиалектное койне или жаргон, а также использоваться в литературной речи в экспрессивных целях (просторечие).

IV. То, что македонский литературный язык входит в группу славянских литературных языков “нового типа” (термин Брозовича и Н. Толстого), т.е. не отягощен церковнославянской письменной традицией и близок к диалектам и народно-разговорному языку, способствовало быстрому внедрению литературного языка как средства национальной официальной коммуникации в общественное сознание македонцев и интенсивному развитию самого литературного македонского языка и его функциональных стилей.

Л и т е р а т у р а

1. *Brozovic D. Standardni jezik, Zagreb, 1970.*
2. *Блаже Конески. Граматика на македонскиот јазик, Скопје, 1996 [посмертно издание].*
3. *Блаже Конески. Македонски јазик в развитуи славјанских литературних јазиков, Скопје, 1968.*

4. *Конеский Б.* Языковые связи македонской поэзии с фольклором // Исследования по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти В.В. Виноградова. М., 1974.
5. *Конески Б.* Кон македонската преродба. Македонските учебници од XIX век. Скопје, 1959.
6. *Минова-Ѓуркова Л.* Стилистика на современниот македонски јазик. Скопје, 2003. 349 с.
7. *Толстой Н.И.* [а] Славянские литературные языки и их отношение к другим идиомам (стратам); *Толстой Н.И.* [б] К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его стандартности // История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 6–33.
8. *Толстой Н.И.* Slavia orthodoxa и Slavia latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // ВЯ, 1997. С. 16–23.
9. *Томислав Трневски.* Јазичниот израз на средношколската младина во Скопје. Скопје 1997.
10. *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж, 1927.
11. *Усикова Р.П.* Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 4–11.
12. *Усикова Р.П.* О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994. С. 221–231.
13. *Рина Усикова.* Забелешки по повод функционалните стилови во современниот македонски јазик // Македонскиот јазик од Мисирков до денес. Симпозиум 1993. Скопје, 1996. С.13–21.
14. *Усикова Р.П.* Языковая ситуация в Республике Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение, 2. 1997. С. 11–17.
15. *Усикова Р.П.* Языковая ситуация в Македонии и явления языковой интерференции и диглоссии в македонском языке // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте (Материалы международной российско-македонской научной конференции, Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М., 1999. С. 12–19.
16. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 373 с.
17. *Усикова Р.П.* Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте историко-литературно-языковых ситуаций // Исследования славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. Материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003 г. М., 2003. С. 219–223.

Хмелевский М.С. (Санкт-Петербург). ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ А.Г. ШИРОКОВОЙ

В современной славистике найдется не много работ, посвященных проблемам сопоставительного изучения синсемантических частей речи с точки зрения их системно-функциональной и узуальной эквивалентности. Сам этот термин предложила А.Г. Широкова [1], которая не раз подчеркивала и основные трудности, встающие на пути исследователя данной проблематики. «Трудности сопоставления неполнозначительных частей речи, – пишет она, – заключаются в том, что их функциональные поля пересекаются и переплетаются» [2]. Особенно типично совмещение в одном слове разных частеречных функций, например, частицы и союза; при этом одна из них оказывается ведущей, вторая же как бы накладывается на основную. Оказываются размытыми и функции междометий и союзов, междометий и частиц (см. таб.: передача русских частиц междометиями, напр. пункт 6).

Изучение всех этих процессов, особенно в сопоставительном плане, требует обращения к широким контекстам; словарные соответствия редко позволяют обнаружить семантические и стилистические оттенки, которые отражают национальный узор сопоставляемых языков. В свете сказанного кажется очевидным значение для сопоставительного исследования семантики и функций синсемантических частей речи привлечения текстов художественных переводов. Этот подход успешно использовался и А.Г. Широковой.

Наш материал относится к чешско-русским соответствиям в области частиц. За основу берется система употребления русской частицы *же* в автобиографической трилогии М. Горького [3]. Это слово относится к весьма частотным (499 употреблений [4]). В данном сообщении анализируется только первое значение частицы *же* – усилительное, подчеркивающее и интенсифицирующее смысл высказывания или отдельного слова. Приведем таблицу наиболее частых чешских переводных соответствий частицы *же*, ярко иллюстрирующих узуальную эквивалентность употребления русского слова:

	Значение	Русский	Чешский
1.	Усиливает степень проявления действия, признака, свойства	Я <i>же</i> защитить вас приехал ...именно <i>же</i> ребенок...	<i>přece, vždyt', právě</i> <i>Přišel jsem vás přece bránit.</i> <i>Právě že chlapeček.</i>
2.	«сразу, немедленно»	сегодня <i>же</i>	<i>hned dnes</i>
3.	В диалоге: побуждение собеседника к ответу, разъяснению чего-л.	Просвиры воровал. – Это <i>как же</i> ? А Христос – <i>как же</i> ? Это <i>как же</i> ?	<i>Jakpak to?</i> <i>A jakpak to tedy bylo s Kristem?</i> <i>A jak to?</i>
4.	В качестве вопроса-размышления, предшествующего заключению, решению	<i>Ну, что же!</i> Коли так – эдак... <i>Ну, что же,</i> папаша? Уезжать? <i>Ну, что ж,</i> в извозчики...	<i>Ale co! Když chceš, buď si tedy...</i> <i>Tak co, tatínku? Mám odejet?</i> <i>No tak teda drožkářem...</i>
5.	Подчеркивает эмоциональность вопроса, восклицания при вопро- сительном местоим. или нареч., передающем чувства (недоумение, удивление, гнев, насмешку...)	<i>Что же</i> вы делаете!... (гнев)	<i>Copak, kdopak, kdepak, pročpak, jakpak, kampak...</i> <i>Co to děláte!..</i>
6.	Подчеркивает бесспорность утверждения, утвердительный ответ на вопрос	Разве еще сечь будут? – <i>А как же!</i>	No jéje!
7.	Подчеркивает бесспорность отрицания	Вы не сердитесь? – <i>На что же?</i>	A pročpak?

8.	Выражает несогласие, возражение	Буду я молчать, <i>как же!</i>	Budu mlčet, <i>ne!</i>
----	---------------------------------	--------------------------------	------------------------

Вне рамок этих соответствий остались единичные случаи, когда в переводе конструкциям с частицей *же* соответствуют другие лексико-семантические или синтаксические языковые средства чешского языка, передающие экспрессивное значение.

Л и т е р а т у р а

1. Широкова А.Г. Системно-функциональная и узуальная эквивалентность при сопоставительном изучении славянских языков // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, № 4. М., 1992.
2. Широкова А.Г. Сопоставительное изучение синсемантических частей речи // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998. С. 145.
3. Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках. Основан проф. Б.А. Лариным. Вып. III. Л., 1982. С. 10-13.
4. Алексеев П.М. Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького. СПб, 1996.
5. Maxim Gorkij. Trilogie. Z ruského originálu přeložili J. Fromková a J. Petrmichl. Praha, 1974.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Будагова Л.Н. (Москва). ЕЩЕ РАЗ О МАРИИ МАЙЕРОВОЙ И ЕЕ ЕДИНОВЕРЦАХ

Есть писатели, чей огромный авторитет не затрагивают никакие исторические перемены. Они успешно выдерживают испытания временем и прочно занимают свое почетное место в искусства, являясь кумирами для многих поколений. Есть те, признание к которым приходит слишком поздно, и чья посмертная судьба оказывается счастливее прижизненной. А есть и обратные случаи. Писатели, пользовавшиеся любовью современников и еще при жизни причисленные к классикам национального искусства, со временем теряют свою аудиторию и авторитет, отодвигаясь в пассивный культурный фонд. Процесс перестановок в иерархии художественных ценностей, не отделимый от развития искусства и общества, особенно заметен в переломные моменты истории, когда происходит смена идейно-эстетических идеалов и ориентиров, низвержение старых и утверждение новых кумиров. В современной Чехии, как и в других посттоталитарных государствах он определяется не только естественной эволюцией взглядов и вкусов, но и снятием разного рода официальных запретов на освещение тех или иных явлений и персоналий, возвращением в историю литературы запрещенных или замалчивавшихся писателей, бывших в оппозиции (в основном, пассивной) к идеологии марксизма, послевоенным политическим режимам в своих странах или просто чем-то неугодным властям. Многие из них вынуждены были эмигрировать (после февраля 1948 г. и августа 1968), другие, оставаясь на родине, подвергались репрессиям или просто замалчивались, бойкотировались властью и издателями. Теперь именно они выходят на первый план, издаются, переиздаются, собирают научные конференции, оказываясь в центре внимания читателей и литературоведов. Это писатели и критики католического направления – Я. Демл, Я. Дурих, Я. Заградничек; рураллисты – Й. Кнап, Ф. Кршелина, Я. Чеп; авторы усложненной поэтики и пессимистического мироощущения – Л. Клима, Р. Вайнер (его однотомник “Баншик” вышел и на русском языке – М., 2003); М. Соучкова, получившая известность в межвоенные годы, но “забытая” в послевоенной Чехословакии из-за ранней эмиграции; наконец, это писатели-диссиденты – Й. Шкворецкий, М. Кундера, В. Гавел, Л. Вацулик и др. (См. об этом подробнее: Новое в зарубежном славистическом литературоведении (1990–2000-е годы). Материалы “круглого стола” // Славяноведение. 2004, № 1).

Одновременно наблюдается падение читательского и научного интереса к творчеству прежде высоко котирувавшихся писателей, считав-

шихся классиками чешской литературы XX века. Среди них – такие хрестоматийные фигуры как С.К. Нейман, И. Волькер, В. Незвал, М. Пуйманова и, разумеется, М. Майерова, занимавшая большое место в творчестве и сердце Раисы Романовны Кузнецовой, которая еще в начале 1950-х гг. открыла ей путь к русской читательской аудитории.

Главное, что отторгает современных читателей и издателей от этих авторов – непопулярность тех идеалов и идеологии, которые они прямо или косвенно утверждали.

Однако, эти соображения не должны распространяться на науку о литературе. То, что простительно читателям, которые сейчас далеки от проблем, волновавших их прежних кумиров, неппростительно литературоведам. Развенчание культа и деидеализация революционной литературы, этого весьма заметного явления XX в. и важного слагаемого национального (и мирового) литературного процесса, – не должно обернуться новыми умолчаниями, искажениями и перегибами в его изучении.

Каковы бы ни были взгляды и вкусы литературоведа, особенно читающего лекции студентам, они не должны мешать его профессиональному долгу – объективному анализу и преподаванию своего предмета во всем его объеме.

Но дело даже не только в искомой полноте картины. Перечисленный ряд авторов, ныне страдающих от недостатка внимания – это выдающиеся мастера слова. А талант большого писателя всегда сильнее его идеологии. Он не позволяет фильтровать ей в угоду богатый жизненный опыт, исказить реальный ход вещей, пренебрегать законами искусства. С. К. Нейман, Незвал, Волькер, Майерова, Пуйманова, – каждый по-своему, – отразили черты, настроения и атмосферу своей эпохи, эпохи острых классовых столкновений и веры в торжество справедливости. Но они не остались в ней как ее свидетели, летописцы, певцы, разделившие ее надежды, иллюзии и заблуждения (хотя и этим они интересны и достойны внимания), а вышли за ее пределы. Лучшие страницы их творчества отстаивают не сословно-классовые, а общечеловеческие нравственные ценности. В них сокрыто большое гуманистическое содержание, протест (всегда актуальный) против эгоизма и равнодушия власть имущих, предостережения сильным мира сего, пафос сочувствия простому человеку, который не должен испариться из искусства. Та же М. Майерова, – и в этом ее заслуга, – писала не столько о борцах, сколько об обычных людях, шахтерах, среди которых она выросла и которые не были избалованы писательским вниманием.

Кроме того, каждый из этих авторов много сделал для модернизации чешской литературы, подсказывая ей новые пути и расширяя ее возможности. Надо сказать, что их включение в один ряд – условно, поскольку у любого из них своя творческая судьба, свои эстетические приоритеты и – во многом полемические – концепции. Их разносторон-

ний эстетический опыт представляет огромную ценность для писателей и литературоведов.

Современность открывает большие возможности для объективного исследования парадоксов творчества и драматизма судеб (прижизненных и посмертных) целой плеяды выдающихся художников XX века, единственная “вина” (или, беда?) которых – связь с социалистической идеологией, не оправдавшей больших надежд, но в которой многие из них – по разным причинам – так и не успели разочароваться. И этими возможностями их изучения с современных позиций, с высоты накопленного человечеством исторического опыта, пренебрегать не стоит.

Герчикова И.А. (Москва). ЙОЗЕФ НЕСВАДБА В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

В 1980 г. вышла в свет монография Р.Р. Кузнецовой «Роман 70-х годов в Чехословакии». Именно эта книга стала для меня отправной точкой в моей научной работе, она помогла найти «свою тему». Именно из нее я узнала, будучи на 3-м курсе о творчестве писателя Йозефа Несвадбы, ставшего «моим писателем» на многие годы. Несвадба знал Раису Романовну лично, бывал у нее дома, всегда очень тепло, с интересом отзывался о ней. Во время моей полугодовой стажировки в Праге в начале 80-х гг. я часто встречалась с писателем, и он всегда спрашивал: «Ну как там поживает пани профессор?». Так что для меня «мой автор» и Раиса Романовна стали как бы неразрывным целым...

Йозеф Несвадба (род.в 1926 г.) вступил в литературу в 1946 г, его первой работой стал перевод поэмы английского поэта-романтика С.Т. Колриджа «Сказание о старом мореходе». После окончания гимназии в Праге Несвадба поступает в университет, где изучает одновременно философию и медицину. Интерес к этим наукам во многом определит его судьбу. (С 1956 до ухода на пенсию в 1992 г. Несвадба работал психотерапевтом в пражских клиниках). В конце 40-х – начале 50-х гг. Несвадба пишет несколько пьес, не отличавшихся особым совершенством. А вот сборник рассказов «Смерть Тарзана» (1958) стал весьма знаменательным событием и для литературной жизни тогдашней Чехословакии, и для всего творчества писателя. Здесь была определена основная тематика (многие мотивы писатель позднее разрабатывает в рассказах и романах), особая манера и стиль, сложившиеся под влиянием К. Чапека. Последующие сборники рассказов «Мозг Эйнштейна» (1960) и «Путешествие в обратном направлении» (1962) вышли под заголовком «научно-фантастические рассказы» и практически сразу были переведены на многие европейские языки, принеся автору широкую известность в области НФ (на русском языке в 1965 г. вышла книга, составленная из рассказов трех сборников). Эти сборники Несвадбы были переломными в истории чешской фантастики. Он выступил как писатель совершенно иного направления, нежели то, которое представ-

ляли Ф. Бегоunek, «наивисты», фантасты космической или кибернетической темы. В то время искать «человеческую меру вещи» в НФ было не принято. Как писал Несвадба, отмечая особый путь чешской фантастики, «будущее ее – не в описании невиданного механизма или научного открытия. Характерной чертой фантастики гуманистической я считаю то, что это литература идеи, разработанной с максимумом легкости» (1)

В первый период творчества Несвадба выступил как приверженец малых прозаических форм, как автор научно-фантастического рассказа с социально-философской проблематикой, рассказа с тайной. Результатом поиска новых средств обобщения стали для писателя такие художественные построения, которые позволили в емких характерах и сюжетах отобразить значительные явления, тенденции, процессы. Для ранних рассказов Несвадбы характерен интеллектуализм, концептуальность, логизированность характеров, как бы в лицах разыгрывающих мысли автора.

Научно-фантастические рассказы завершают первый период творчества писателя. В дальнейшем он переходит к более пространным повествовательным структурам. «В последнее время, – писал Несвадба в 1980 году, – я понял, что science fiction – жанр ограниченный. В нем все построено на изобретении, и от писателя зависит, кончится ли применение данного вымышленного изобретения катастрофой или нет. Стараясь перейти эту границу. Узко понимаемый жанр НФ себя исчерпал, и я ищу новые возможности в направлении социальной диагностики, психологического романа, в более глубоком постижении характеров.» (2)

Особое место в творчестве Несвадбы занимает детективная проза, близкая как особый вид художественной литературы к НФ. Писатель исследовал возможности соединения принципов научно-фантастической и детективной литературы. Как первый его детективный роман «История Золотого Будды» (1960), так и в особенности следующий – «Как притворяться мертвым» (1971) – далеки от классической детективной формы, ибо в центре авторского изображения – душевное состояние человека. Второй роман был встречен чешской критикой отрицательно. Писателю ставили в вину то, что он, вместо показа сложных и противоречивых процессов политической жизни страны, создал в угоду публике «фантастический детектив» чисто развлекательного характера, что автор пошел на поводу у массового читателя; вся неразбериха преступлений и шпионажа в его романе перемежается картинками жизни времен протектората, неправдоподобными, а иногда и искажающими действительность. Но что мог создать в начале 70-х, в условиях жесткой цензуры писатель, который не эмигрировал? Единственно возможным ему представлялось передать в хаотическом сюжете всю несуразность порядков, царящих тогда в чешском обществе. Чтобы осмыслить то, что произошло в Чехословакии, ему понадобится время, и такая книга появится через семь лет Роман же «Как притворяться

мертвым» Несвадба задумывал как своеобразную дегероизацию, разоблачение псевдогероизма, как он признавался мне в одном из наших разговоров, состоявшемся в 1981 году. В 1968 году те, кто считали себя истинными героями, забрасывая советские танки зажигательной смесью, вряд ли думали о том, что кто-то более сильный руководил всеми этими акциями, кому-то было на руку подставлять студентов в большой политической игре. Как «бархатная революция» через десять лет окажется не такой уж «бархатной», так и события 1968-го по прошествии почти сорока лет представляются сегодня не такими уж безоговорочными. Я считаю Несвадбу удивительно прозорливым автором, который один из немногих столь чутко уловил и в тогдашней атмосфере, и в сегодняшней, новой, Чехии – члене НАТО и без пяти минут Евросоюза, – и фальшь, и подлинную трагедию. Он не был фанатичным коммунистом, как скажем Л. Мнячко или П. Когоут, впоследствии ставшие такими же ярыми антикоммунистами. Ему всегда была присуща здоровая доля скептицизма и рационализма.

Удивительная книга была написана Несвадбой в 1964 году. Это роман «Диалог с доктором Донгом» о борьбе с догматизмом. В центре произведения – загадочное обстоятельство, приключенческий, почти детективный сюжет, где чередуются картины международных конгрессов, экзотических вьетнамских тропиков, пражских НИИ. Написанная в конкретной исторической ситуации, когда в связи с позицией компартии Китая и проблемами международного коммунистического движения нарастала критика КПЧ, а в обществе все больше вызревало недовольство строем, Несвадба заговорил о догматическом и либеральном мышлении вообще. Он рассказал о коммунистическом фанатике, допустившем обман и подтасовку ради благородных целей доказательства равноправия рас. Но вопрос о том, можно ли выдать археологические находки за настоящие ради благородной цели, становится не просто предметом чисто научной принципиальности. Спрашивается, может ли человек, общество допустить даже во имя гуманной цели ложь и обман, может ли в конечном итоге цель оправдывать средства. Книга, затронувшая совершенно конкретные проблемы начала шестидесятых годов, сегодня не только не потеряла своей актуальности, как многие произведения на злобу дня, но стала еще более злободневной.

Следующий роман «Заблуждения Эрика N» (1974), навеянный «космическими сенсациями» с НЛО, инопланетянами конца 60-х годов, сам Несвадба считает своей творческой неудачей. Здесь не меньше тайн, чем во всех других его романах, но чувство меры, сбалансированности развлекательного и философско-интеллектуального на этот раз писателя несколько подвело.

В 1978 году вышел его многострадальный футуророман «Секретное сообщение из Праги». Книга должна была быть опубликована еще в 1969 году, по следам самых горячих событий. Однако она вышла в свет лишь спустя почти десять лет со многими цензурными изменениями.

Впоследствии она выдержала несколько изданий и в своем подлинном виде появилась уже в 1991 году под названием «Первое сообщение из Праги».

Произведение рассказывает о том, что волновало писателя в 60-е годы: судьба страны и народа, возможность свободы творчества, свободный путь развития и возможность ухода от политики в современном мире, грубые политические манипуляции, влияние США и перспективы развития всего человечества. Действие в романе разворачивается в основном за пределами Чехословакии – в США, Австрии и заканчивается 1967 годом. Что же привело страну к августу 1968-го, как готовились к этим событиям, что произошло с людьми и их отношениями, озаренными (или одурманенными?) лозунгами спасения цивилизации и восстановления порядка, как утверждалась власть сильных, новая форма правления аристократов, где проявляется зависимость всех политических действий от «денежного мешка» – на все эти вопросы автор пытается ответить.

Жанр «Секретного сообщения из Праги» – самого оригинального и сильного произведения Несвадбы, посвященного сложнейшему периоду в истории Чехии – невозможно определить однозначно. Это и роман о научной фантастике, и антиутопия, и социально-политический детектив, и философский роман.

С конца 70-х гг. Несвадба начинает активно использовать свой опыт психиатра и социолога. Он издает несколько книг, где анализирует социальные процессы с точки зрения фантаста и врача с тридцатилетним стажем практической работы. Психологические аспекты взаимоотношений людей, проблемы воспитания ребенка, совмещение женщиной обязанностей жены, матери, ученого – все эти вопросы нашли отражение в сборнике новелл «Водительские права родителей». Это на первый взгляд сужение общественно-политической проблематики, ее ограничение семейно-бытовыми вопросами отнюдь не умаляют актуальности этого и последующего сборника новелл того же типа – «Другая Минегавва» (1981). Произведения, вошедшие в эти книги, сам писатель определяет как «психофантастика», и это был первый опыт литературы подобного рода в Чехии. Еще один «футуророман» – «Ищу мужчину в мужья» (1986), с одной стороны, продолжает линию общественно-политических романов, с другой, – примыкает к «психофантастике». Здесь автор исследует негативные тенденции действительности, то, что волнует человечество 80-х, ознаменовавшихся политическими кризисами в разных частях света, обострившейся экологической и демографической ситуацией. Большое место уделено проблемам сексологии, генной инженерии, этологии.

После этого романа Несвадба на длительное время отошел от активной писательской деятельности, и лишь в 2002 году появилась его «историческая НФ» «Ад Бенеш». Реальная история Чехословакии предстает здесь как «ад Эдуарда Бенеша» – Президента страны в 1935–38 и

1945–48 гг. Но в романе есть также и «рай», где реализованы все его мечты и идеалы: Президенту удалось не допустить Мюнхенского сговора, Чехословакия становится нейтральным государством, и с этого момента начинается цепь непредсказуемых событий, политических интриг, операций тайных служб, а все действие разворачивается вокруг таинственного изобретения Индинет.

Писатель остался верен себе в плане осмысливания действительности в соответствии с достигнутым уровнем знаний и утверждением новых отношений в обществе, мире. Он углубляет принципы гуманистической фантастики, создавая новые жанровые структуры. Его по-прежнему волнуют глобальные вопросы человеческого бытия, он остро воспринимает новые тенденции. В своем интервью в 2003 году Несвадба говорит: «Современный мир не дает человеку простора для фантазии, потому что все так заорганизовано, что просто некуда деться. Но человеку нужно какое-то мистическое ощущение, ему требуется нечто иррационалистическое, метафизика. Мне неприятно об этом говорить, потому что я всегда исходил из философского рационализма и психотерапии, которой занимался. Но у меня такое чувство, что наступает какое-то «иго», как я называю его «иго электронное». Отсюда и огромный успех, скажем, Гарри Поттера или «Властелина колец». В 60-е гг. такой успех был немислим. И тогда жанр *fantasy* развивался, но по отношению к НФ он был где-то на задворках. Сегодня ситуация прямо противоположна. В постиндустриальном обществе разум и вера вдруг дают осечку» (3)

Место писателя Несвадбы в современной чешской фантастике нельзя недооценивать. Долгое время оставаясь едва ли не единственным фантастом, достойно продолжавшим традиции Арбеса, Чапека, будучи новатором в области формы и содержания, он стал связующим звеном между всей предшествующей и современной чешской НФ (он и сам называет себя представителем «межгенерации»). В свои почти 80 лет он поражает ясностью ума, пророческим видением и мудростью.

Л и т е р а т у р а

1. *Nesvadba J. Než přijde Einstein* // *Mladá fronta*. 30.03. 1978. S. 5
2. *Nesvadba J. Sci-fi je literatura s poznáním* // *Práce*. 10.12. 1980. S. 6.
3. *Nesvadba J. Smrt nám kouká z očí* // *Reflex*. 9.02. 2003. S. 3

Гиярова Е.Е. (Москва). ТВОРЧЕСТВО ИВАЙЛО ПЕТРОВА 1960-1980-Х ГОДОВ

Ивайло Петров (р. 1923) современный болгарский прозаик. Многие тематические и жанрово-стилистические тенденции болгарской литературы 60–80-х годов XX века нашли талантливое, нестандартное воплощение в его прозе. Следуя общим тенденциям развития болгарской

литературы 60–80-х годов, писатель сохранил свою индивидуальность, которая проявляется в новых, необычных ракурсах традиционной проблематики, новых стилевых и жанровых решениях.

Наиболее известные произведения Петрова – повесть «Нонкина любовь» (1956), роман «Мертвая зыбь» (1961), повесть «Прежде чем я родился и после этого» (1972), роман «Облава на волков» (1982–1986) – относятся к так называемой деревенской прозе, одному из направлений, оформившихся в болгарской литературе в 60-ые годы, хотя их проблематика выходит далеко за пределы данной темы.

Если других писателей-«деревенщиков» больше интересуют последствия насильственного внедрения реформ в сельском хозяйстве в Болгарии XX века, то Петрову принадлежит единственное в болгарской литературе художественное свидетельство трагедии насильственного проведения кооперирования.

Размышления о судьбах села, его прошлом, корнях нации выливаются в постановку проблем экзистенциального плана. Петров не только стремится осветить события национального масштаба – обобществление земли как причина ухода старого села и миграции, но и затронуть ряд вопросов экзистенциального, нравственно-философского плана: поведение человека в кризисной ситуации, темные стороны человеческой души, границы свободы личности, мера ответственности человека за общество и другие.

Представления писателя о личности и окружающем мире довольно сильно менялись в ходе эволюции его прозы: от идеализации в повести «Нонкина любовь» и романе «Мертвая зыбь» – до признания двойственности человека и несправимости мира в повести «Прежде чем я родился и после этого» и романе «Облава на волков». С этим связано и изменение его точки зрения на произошедшие преобразования общественного устройства.

В романе «Облава на волков» Петров рассуждает о возможностях преобразования общества через социальные реформы. Любое изменение миропорядка «извне», любая искусственно навязанная идея, ограничивает человека. Автор часто прибегает к библейской мифологии, чтобы показать бессмысленность обезличивания. Писатель исследует безграничные возможности личности, отвергающей общепринятые нравственные императивы. В его взглядах прослеживаются параллели с творчеством Ф.М. Достоевского.

Писатель рассматривает народное мифотворчество и фольклор как основу мировоззрения героев, которая остается неизменной в любые временные периоды.

Петров – мастер парадоксов, иронического подтекста. Для него ирония – не просто элемент стиля, а точка зрения на мир. Он – один из немногих болгарских авторов, позволивших себе смеяться над жизнью патриархальной деревни.

В творчестве Петрова отражены основные жанрово-стилевые особенности болгарской прозы 60–80-х годов в целом: жанровые трансформации болгарского романа, лиризация и, в особенности, циклизация прозаических форм, путь прозы от малых лирических форм к крупным эпическим.

Писатель блестяще раскрывает новые возможности цикла и соединения в романе лирического и эпического начал. В его творчестве преобладают формы «Я» повествования. Расширить охват изображаемой действительности, показать ее более объективно, не отказываясь при этом от субъективного рассказа-исповеди, писателю помогают циклические формы. Повесть «Прежде чем я родился и после этого» и роман «Облава на волков» – новый и уникальный опыт соединения лирических и эпических форм в циклизированном повествовании.

К 90-м годам Петров «закрыл» для себя «деревенскую» тему и связанную с ней обширную и значимую для страны проблематику. Однако она по-прежнему остается открытой страницей в болгарской истории и литературе, каждое следующее поколение будет по-своему прочитывать ее и, может быть, находить в ней полезные жизненные уроки.

После 10 ноября 1989 года в Болгарии произошли кардинальные политические изменения, которые не могли не повлиять на литературный процесс. Писатели получили возможность обращаться к ранее запрещенным темам и проблемам. Проза 90-х годов потребовала от авторов новых подходов, новых взвешенных оценок, а зачастую и иной художественной формы.

Обретение свободы слова застало писателей неподготовленными. Сказалась некоторая «усталость», исчерпанность прежней актуальной проблематики и тематики (в том числе и «деревенской»), а также уход из жизни целого ряда талантливых авторов (Э. Станев, П. Вежинов). В творчестве Петрова в 90-е годы тоже чувствуется некоторая растерянность, он ищет другую арену для своих художественных устремлений. Писатель обращается к недавнему прошлому (первые послевоенные годы), пишет небольшую повесть «Смертный приговор» (1991) и начинает работу над многотомным романом «Бароновы» (1997).

Трудно сказать, как творчество И. Петрова будет развиваться дальше. 90-е годы для него все же кризисный период, для которого характерен мучительный поиск новых тем и свежих художественных решений. Болгарская литература наших дней находится на пути решения новых задач, а достигнутые ею значительные успехи в предыдущие десятилетия вселяют уверенность в ее творческие силы и большие возможности.

Карцева З.И. (Москва). «ЖЕНСКИЙ ШТУРМ» В БОЛГАРСКОМ РОМАНЕ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Именно так критик М. Кирова назвала появление в 2001 году в болгарской печати сразу нескольких ярких, нетрадиционных, камерных романов, написанных авторами-женщинами. В основном это были дебюты: «Эмине» Т. Димовой, «Госпожа Г.» Э. Дворяновой, «Фани на опасных дорогах свободы» Р. Марковой, «Синяя лестница» Е. Алексиевой и «Каталог души По» М. Станковой. В 2002–2003 годах к ним добавились романы Р.Цановой, М. Корабеловой, А. Стамболовой, З. Ефтимовой и др.

Строго говоря, столь массивное наступление «женской прозы» – отнюдь не только болгарское явление. И в России мы стали свидетелями самовыражения наших «grandes dames» (М. Ремизова) современной романистики – Т. Толстой и Л. Улицкой, а также представительниц «среднего стиля» (Е. Датнова) женского письма. У всех на слуху и удачливые А. Маринина, Д. Донцова, Т. Устинова, популярные авторы криминальных бестселлеров. Есть у нас и совсем юная «писательница» И. Денежкина, представляющая (вместе с С. Шаргуновым) так называемый «новый, аутентичный реализм» – «субъективную», «искреннюю» документалистику, в «прямых зеркалах» которой отражается жизнь современной молодежи «как она есть», точнее – как она видится И. Денежкиной. И в России, и в Болгарии тут же заговорили о «женской прозе», ее специфике, ее связях с феминистской литературой и критикой, ратующей за «женское начало» в литературе, направленное против материального логоса и фаллоцентрической культуры и выступающей за «женский», т.е. интуитивно-бессознательный способ осмысления мира, за востребованность духовности и телесности современной женщины и их выход из «сферы молчания».

Яркие романы Э. Дворяновой («Госпожа Г.»), Т. Димовой («Эмине»), Р. Марковой («Фани на опасных дорогах свободы») и А. Стамболовой («Всё как обычно») появились в самом начале нового столетия далеко не случайно. После довольно продолжительной паузы, знаменовавшей завершение литературного века, уже почти «переболевшего» пост-соцреализмом, поздним модернизмом, неоавангардизмом, соц-артом, постмодернизмом, аутентизмом и Интернет-литературой; после исторической и эпистемологической пустоты эпохи постмодерна, равнодушно и безжалостно оставившей нас наедине со своими бедами и комплексами, после состояния «тяжелого похмелья» (П. Дойнов) настал, наконец, момент долгожданного освобождения «от чувства тревоги и пафоса, от иллюзий и безутешности, от апокалиптических ожиданий и просветленного отчаяния»², пришло время повышенного интереса к новым бытийным и экзистенциальным пластам жизни, раскрывающим сущность человека в мире и в истории. Если прибавить к уже названным «женским» сочинениям не менее яркие

романы А. Попова, Б. Минкова, В. Зарева, Д. Киркова, Л. Станева, С. Цанева, И. Голева и многих других, то, пожалуй, можно согласиться с болгарскими критиками, утверждающими, что болгарская проза «вроде бы приходит в себя» (Р. Леонидов), а роман по праву становится в Болгарии «королем литературных жанров» (П. Дойнов). И отрадно, что в этом внушающем надежду потоке женские романы, к счастью, не затерялись. Как скажет критик С. Чолева, «...женщины написали настолько хорошие романы, что мужчинам не оставалось ничего другого, как их признать»².

В самом деле, мы стали, наконец, свидетелями прихода в болгарскую литературу «новой романной волны», видимого оживления жанра, обратившегося к старой/новой теме поисков (и защиты) себя, своего «я», своей идентичности. Онтологическая по своей сути, *проблема самоидентификации*, поисков *идентичности* – вне всякого сомнения, была и остается центральной в болгарском обществе последних 10-15 лет (причем по всему спектру: от этнической, языковой, религиозной, социально-государственной до экзистенциальной, личностной, гендерной). Общество, нация, государство, личность мучительно ищут себя в современном пространстве. Вопросы «кто мы?» и «кто я?» очень популярны и в литературе, переживающей «муки самоидентификации» и воспринимающей самоидентификацию «я» как протест против полного и всеобъемлющего контроля над индивидуумом в эпоху глобализма.

Вообще-то, идентичность – это *соотнесение себя*: с этносом, нацией, языком, культурой, полом, с самим собой, т.е. некими установками *базовых состояний традиции*, с *матрицами канона*. Однако новая болгарская «женская проза» воюет и за освобождение личности женщины из-под власти обстоятельств – путем погружения в интимно-телесную и духовную сферу частной жизни; она ищет первичное, восстанавливая таким образом гендерную идентичность женщины. Но идентичность – это еще и «суверенитет тайного пространства» человека (Св. Йгов), его «тайна». И заниматься поисками этой тайны – значит отстаивать право на свое «я» перед лицом нового мира, право быть собой в ситуации и среде, ставящей под угрозу или сомнение целостность человеческой личности и ценность жизни вообще.

Героини всех четырех романов – глубоко несчастны. Провоцируемые этой враждебной к ним средой, убеждающей в иллюзорности, несбыточности земного счастья, они ищут за реальной видимостью мира его скрытый смысл – тайны Бытия, Вечности. Как за спасением, они погружаются в любовь или творчество, надеясь хотя бы здесь постичь единство духа и тела. И не найдя его, убедившись в кратковременности этого состояния блаженства в страсти и искусстве, *убегают*... в мистику, иллюзию, сказку; в маргинальную грязь современного города; в смерть, освобождающую, наконец-то, их души от раздражающих, мучительных для них оков телесности, от тоски, одиночества и безнадежности.

Новые романы привлекают прежде всего своей проблематикой – экзистенциальной, философской. Авторы интересуют онтологические основы личности женщины в экзистенциях враждебной ей современности. Одиночество, отчуждение, не востребованность вынуждают ее бороться: искать, отстаивать, собирать из осколков рушащейся жизни себя, свою идентичность. Эта главная проблема напрямую связана с новым пониманием женщины своей сущности – в единстве духовности и телесности, которого *никому* из героинь этих романов так и не удалось найти. Не помогла ни любовь, ни искусство. Гармония, земное счастье недостижимы – и трагический финал предопределен. Характер проблематики повлиял и на форму этих романов, структура которых прежде всего соотносится с характером экзистенциального «исчезновения» героинь, с метафорой «бегства». Эскейпизм, как следствие очевидной не востребованности духовной и телесной сути женщин, стал структуроопределяющим отличием всех этих романов, повествующих о реальных или иллюзорных, почти мистических исчезновениях своих героинь в их скитаниях «по опасным дорогам» жизни. При этом все подробности «бегства» героинь этих камерных романах вплетены в их исповедь, «поток сознания», ставший в большинстве из них основной формой великолепной повествовательной техники.

Все болгарские критики, успевшие отреагировать на появление новых женских романов, отмечали их антитрадиционность – в самом широком смысле: новизну проблематики и поэтики, а также оригинальное использование мистического, иллюзорного, трансцендентного (причем показательно, что победу на поле сражения за душу героинь одерживает именно мистика, сказка, иллюзия).

Интересный факт: эти новые романы – вне болгарской традиции, вне болгарского канона. Как заметила М. Кирова, здесь «нет и намек на фольклорную образность и стилистику», нет и «реминисценций из мифологического арсенала балканского региона». Эти тексты «навязчиво отчуждены от болгарских традиций в прозе»³.

В рамках рассуждений о традиционности/нетрадиционности новой болгарской женской романистики принципиально важным представляется и вопрос о ее отношении к канону феминистскому, о связях с европейской «женской прозой». Так случилось, что с появлением этих романов болгарская «женская проза», проскочив в своем развитии этапы и феминистского радикализма, и идеологического эмансипаторства, и модного родового (гендерного) бунта, сразу вышла на позиции ПОСТ-феминизма – и это при очевидном отсутствии какой-либо традиции феминизма в женской прозе. К тому же эта проза, более или менее осознанно отказавшаяся от нормативных моделей традиционного эстетического и психологического переживания, характерного для феминистской литературы, обладает рядом особенностей, которые, как полагает М. Кирова, «выталкивают» ее за пределы расхожих представлений о «женской литературе» (это, в частности, «тихое» вызревание в болгар-

ской женской прозе перемен, далекое от несколько инфантильной позы «бунтарского порыва», изначально свойственной феминистской литературе и так заметное, например, в «скандалах» очень агрессивной современной болгарской женской поэзии).

Да и повышенный интерес к особенностям «женского начала» и «женского письма» вполне мог быть самостоятельным, спонтанным и естественным у *болгарок*, память которых на генетическом уровне сохранила воспоминания о месте женщины в ориентальском балканском мире, о том, как трудно давалась ей свобода от непробиваемых (и к тому же подкрепленных реальной властью мужчин) стереотипов патриархальной цивилизации и патерналистских устоев общества, которые «тихо» или «агрессивно громко» разрушаются теперь, буквально на наших глазах.

В заключение заметим все же, что даже шумный и заслуженный успех болгарской «женской прозы» последних лет не дает нам права на ее вычленение из общего потока литературы. Да, у женщин-авторов есть свой «ареал» – свои темы, свои больные вопросы. Но их произведения, в конечном счете, вполне укладываются в общую, внушающую оптимизм панораму «всечеловеческой» литературы, вновь, на новом витке истории обратившейся к экзистенциальным вопросам Бытия.

Л и т е р а т у р а

1. *Дойнов П.* Литература в междувековието // Литературен вестник.20-26.03.2002.
2. Цит. по: http://www.newpublicity.org/debat_bg.htm.
3. *М. Кирова.* В сянката на канона или женското писане на 90-те години // Литературен вестник.11.07-17.07.2001.

Ковтун Е.Н. (Москва). ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX в.

В наших работах, посвященных проблемам художественного вымысла¹, мы попытались выстроить схему функционирования и взаимодействия между собой – как в литературном процессе, так и в сознании авторов и читателей – различных типов «повествования о необычайном», т. е. литературы, описывающей то, «чего не бывает или вообще не может быть». Одним из «базовых» типов «повествования о необычайном» мы назвали фантастику в двух ее традиционных разновидностях: *science fiction* и *fantasy*. Наша концепция охватила период примерно с 1830-х гг. по 1960-е гг. – от первых научно-фантастических рассказов Э. По до расцвета творчества американских корифеев *science fiction* А. Азимова, Р. Брэдли, А. Кларка и формирования в странах социалистического содружества мощной социально-фантастической традиции, представленной именами И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, С. Лема и менее известных авторов, таких как чешские фантасты Л. Соучек или О. Нефф.

В дальнейшем «классические» типы вымысла, и в том числе фантастика, претерпели значительные изменения. Суть их во многом связана с общими процессами развития литературы, с изменением ее роли и функций в нынешнем обществе.

В 1970–1980-х гг. эволюция фантастики была относительно плавной. В литературе СССР и большинства славянских стран преобладала, как и ранее, фантастика рационального типа, именуемая в тот период «научной» (НФ). На фоне первых полетов в космос и нарастающих темпов технического прогресса ее приоритет не подвергался сомнению. Однако узкое понимание художественных задач этого типа литературы, неприятие властями и критикой фантастических гипотез, хоть скольконибудь расходящихся с научной картиной мира, привело к попыткам наиболее талантливых авторов переосмыслить традиционную проблематику НФ, либо обратиться к иным вариантам «повествования о необычном». Подъем переживала комическая, пародийная и социально-критическая фантастика. Возможности сатирической условности, копирующей сюжеты и схемы иных типов вымысла, вскрывая их подчас ложную значимость, использовали, например, чешские фантасты поколения 1970-х гг.: О. Нефф, З. Вольный, Я. Вейсс. В отечественной прозе штампы НФ подвергались сатирической критике у И. Варшавского, А. и Б. Стругацких и других писателей.

Fantasy в 1970–1980-е гг. нередко обитала под крылом «фантастики для детей» или «сказочно-фантастической прозы» (повести Ю. Томина, романы В. Крапивина и К. Булычева). Несколько иная тенденция – скрывать fantasy под маской science fiction – присутствовала в книгах В. Орлова «Альтист Данилов» и «Аптекарь» и в «Маске» С. Лема. Богатые возможности открывал перед fantasy уход в сферу философской и мифологической условности. Она выступала в облике притчи и неомифа в творчестве Ч. Айтматова и А. Кима; в болгарской («Барьер», «Белый ящер», «Озерный мальчик» П. Вежинова), сербской (Д. Киш) и хорватской (П. Павличич) интеллектуальной прозе 1980-х гг. Иными словами, в 1970–1980-е гг. в СССР и странах Восточной Европы все более ощущалось тяготение писателей-фантастов к синкретичности, активному взаимопроникновению различных типов вымысла.

Окончательно тенденцию к синтезу выявили и закрепили 1990-е гг. Немалую роль в этом сыграла ставшая доступной восточнославянским литературам эстетика постмодерна. Фантастическая литература оказалась весьма чувствительна к постмодернизму в том числе потому, что его ведущий эстетический принцип заключается в моделировании вымышленных миров с включением в них как мира реального, так и миров, ранее созданных человеческим воображением. Постмодернизму свойственно принципиальное «стирание границ» между реальностью и вымыслом — точнее, мастерски созданная иллюзия их слияния. Автор-постмодернист внушает читателю: мир именно таков, как он представ-

лен в данном тексте; мало того, чем парадоксальнее сюжет, тем более точно он воплощает реальность.

Вот почему постмодернизм чувствителен к необычному в самых разных его проявлениях, но более всего – к самой причудливой фантастике, переходящей в фантазмагорию и гротеск, к непосредственному соседству в тексте обыденных реалий с событиями и превращениями, буквально «не лезущими ни в какие ворота» (романы В. Пелевина, Д. Липскерова, М. Айваза, И. Кратохвила). Фантастика «естественна» в художественном мире постмодернизма, а фантазмагория и гротеск представляют собой высшие степени воплощения художественного вымысла. Вот почему мы находим их и у предшественников этого литературного течения («У королей не бывает ног» В. Неффа), и у корифеев «элитарной» постмодернистской прозы («Хазарский словарь» М. Павича), и в его более «массовой», авантюрно-развлекательной разновидности (Макс Фрай).

Из ведущего принципа постмодернизма – игры с реальностью и вымыслом на пространстве художественного текста – неизбежно вытекает сознательное неразличение в рамках данной эстетики отдельных типов вторичной условности. Характерные для science fiction и fantasy, сказки и мифа, сатирического и философского иносказания приемы писатель-постмодернист с шокирующей читателя смелостью употребляет совокупно, «смешивая жанры». Однако подобная совокупность рождает новые смыслы, и читатель, способный смириться с полной невероятностью описанного, получает неожиданное удовольствие.

Настораживает лишь то, что «повествование о необычном», на наш взгляд, не терпит «полного бессмыслия», одной лишь самоценной и самодостаточной художественной игры. Степень зависимости от «идеи» в фантастике является более высокой, нежели в остальной литературе. Ведь сущность любого «повествования о необычном» – иносказание; подразумеваемое в каждом из его типов оказывается важнее того, что изображено непосредственно в тексте. Вот почему даже в эпоху крушения социальных идеалов восточноевропейской фантастике не уйти от трудного поиска достойных осмысления проблем.

Л и т е р а т у р а

1. *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М., 1999; Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия. М., 1998 и др.

Копытянская Н.Ф. (Львов). РАИСА РОМАНОВНА КУЗНЕЦОВА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Передо мной на столе разложены книги Раисы Романовны, большой стопкой лежат оттиски ее статей. Все – с добрыми, нежными сло-

вами дарственных надписей, напоминающих о том, как я радовалась, получив каждую из них, и как они мне нужны и дороги.

Просматриваю книгу за книгой и снова преклоняюсь перед исследовательским талантом и невероятным трудолюбием этой хрупкой и сильной женщины. Знаю, что даже в самые тяжелые для нее периоды, каких в ее жизни было немало, она продолжала настойчиво трудиться. Это был поистине научный подвиг и дар богемистике, всем, кто занимался, занимается или будет заниматься проблемами развития чешской литературы. В 70–80-е годы появление каждой из шести книг Раисы Кузнецовой было научным событием и событием в педагогике. Книги выходили тысячными тиражами и быстро расходились. Они «работали» и как историко-литературные исследования, и как пособия по изучению чешской литературы. Каждая из них знакомила с большим пластом чешского романа XX столетия, рассмотренного в аспекте традиций и в контексте новаторских исканий в мировой литературе. А в 1987 г. студенты и преподаватели получили новый подарок – учебник, которого им так не доставало, – «История чешской литературы».

Научная, теоретическая и практическая ценность этих книг для своего времени бесспорна. Однако, попробуем поставить вопрос об их пригодности и актуальности для нашего времени, то есть времени, когда часто с такой бездумной легкостью в погоне за новыми методиками и сенсационными открытиями огульно отвергается все созданное прежде, когда люди порой не задумываются над тем, «что такое хорошо» и «что такое плохо» и как сделать так, чтобы сохранить все, что было хорошего.

Раиса Романовна – очень добросовестный ученый. Она изучает, исследует, старается критически осмыслить множество материалов и вводит это все в научный обиход как уже готовые системно упорядоченные сведения, которые значительно облегчают труд последующих исследователей литературы – и не только чешской. Каждое явление она рассматривает как часть общего социально-исторического развития и общего литературного процесса. Книги Раисы Романовны густо «заселены»: в них тесно от имен писателей, из которых не все даются крупным планом, хотя все они внутри этого многоликого контекста. Ей это удавалось потому, что она владела искусством проникновения в тонкую ткань художественного образа и одновременно синтеза обобщения. Современный молодой исследователь и педагог многому может научиться у нее в плане методики анализа и интерпретации произведения.

Особое внимание хочется обратить на очень большую и до выхода книг Р.Р. Кузнецовой (например, книги «Чешский межвоенный роман. Эволюция жанра и стиля») во многом недоступную документальную информацию. Работая в разных чехословацких архивах, просматривая подшивки газет и журналы 20–30-х годов XX в., она предоставила последующим исследователям старательно подобранный систематизированный материал. Документы, изложение фактов, если они не извраще-

ны, имеют то преимущество, что они сохраняют объективную научную ценность даже тогда, когда не принимается их авторская интерпретация. Современные исследователи получили из книг Р.Р. Кузнецовой большой, готовый материал и стимулы для его изучения. Они, конечно, могут, и даже обязательно будут, его рассматривать иначе, чем это делала в те годы профессор Кузнецова. Однако им уже не надо его разыскивать, по крупицам собирать. И еще очень важный момент: какой бы новой информацией они не располагали, если они обратятся к этому материалу, они уже не смогут представлять простым то, что было необыкновенно сложным, запутанным и трагическим в этой своей сложности.

Характерный для исследований Раисы Романовны – интерес к становлению и динамике развития разного типа романа в тесной взаимозависимости с общественными условиями, историческими событиями, политической и литературной обстановкой.

Труды профессора Кузнецовой заняли свое почетное место среди работ по теории литературы. В них всегда сочетается историко-литературное исследование с постановкой теоретических вопросов, причем самых насущных для развития литературоведения. Они привносят в их решение новое, не исследованное ранее с такой полнотой, и тем самым открывают путь для учеников и последователей. Один из них – вопросы генологии. Восприняв термин и концепцию романа-эпопеи от А.В. Чичерина, Р.Р. Кузнецова предложила свой вариант его применения для исследования чешской литературы в книге «Становление романа-эпопеи нового типа в чешской прозе», поставив ряд очень важных теоретических вопросов.

Большое научное значение имеет рассмотрение ею на конкретном художественном материале взаимодействия жанрово-стилевых структур. Сама постановка и предлагаемое решение проблемы связи эволюции жанра с эволюцией стиля, их взаимозависимости была новаторской. Это было новое слово в решении весьма актуального вопроса о взаимообогащении жанров в рамках одного рода, в данном случае – эпоса, а также межродового или межвидового словесного творчества. В этом аспекте рассмотрено новое для XX века явления взаимодействие публицистики и беллетристики, появление очерка-репортажа, впитавшего в себя некоторые черты художественной прозы, разновидностей романа, широко обратившегося к возможностям публицистики, взаимовлияние малых жанров и романа и т.п.

Не обошла вниманием Р.Р. Кузнецова и исследование функций художественного времени и пространства.

Пожалуй, любимым ее детищем был роман-баллада. Она ввела этот термин, что вызвало довольно острую полемику, отстаивала это жанровое сочетание романа и баллады, обратившись к произведениям В. Ванчуры, К. Нового, И. Ольбрахта, М. Майеровой, Я. Глазаровой и др. писателей 30-х годов в книге для меня лично особо интересной и

ценной – «Чешский межвоенный роман. Эволюция жанра и стиля», а позже, показав это на ряде произведений чешской и словацкой литературы новейшего времени в книге «Роман 70–80-х годов в Чехословакии».

Многое еще следовало бы отметить в трудах этого вдумчивого, талантливое, преданного науке исследователя. Я не представляю себе серьезного научного изучения литературы XX века без обращения к ее трудам, к ее методике изучения текста, стиля, жанра, отдельных приемов.

Я принадлежу к тем людям, которым Раиса Романовна сделала очень много добра, и мне хочется сказать о том, что мы должны быть ей благодарны за то, что она просто была в нашей жизни.

Мы познакомились с ней в летней школе в 1960 г., когда я впервые приехала в Прагу. Ко мне подошла стройная, красивая, безупречно элегантная (такой она оставалась всю жизнь) дама и предложила пойти с ней в Институт чешской литературы. Раиса Романовна познакомила меня с некоторыми сотрудниками института, в частности с Л. Лантовой (у меня имеется наша фотография, сделанная в кабинете Л. Лантовой), повела в библиотеку. Так для меня открылась очень важная, наверное главная, черта характера этой замечательной женщины – редкая доброжелательность, готовность помочь, посоветовать, поддержать, поделиться своими знаниями, своими материалами, подсказать, приобщить к своим научным связям, что так важно для молодого, да и не только молодого ученого. Практически в каждом письме Раисы Романовны были указания на какой-нибудь труд, произведение, на которые мне стоит обратить внимание, ведь так сложилось, что наши научные увлечения, направление наших научных исканий были близки, а иногда и совпадали, например интерес к явлению, которое Раиса Романовна назвала «роман-баллада», а я несколько позже – «балладной прозой». Имя Раисы Романовны Кузнецовой я буду всегда произносить с глубокой благодарностью и любовью.

Кузьмук Е.В. (Москва). «ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ» В РОМАНАХ «ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ» В. ВИННИЧЕНКО И «ВАЛЬДШНЕПЫ» М. ХВЫЛЕВОГО

Известный исследователь творчества В.В. Винниченко В.Е. Панченко писал: «на поиск аналогий и сопоставлений “провоцирует” само творчество Винниченко», он «как явление украинской литературы не может быть “разгадан” вне его многочисленных творческих увлечений и отталкиваний, которые предполагали как освоение, трансформацию чужого опыта, так и полемику с ним»¹. В полной мере это заявление касается одного из «заглавных» романов Винниченко «Честность с собой», особенно в аспекте осознания понятия «преступление». Это понятие не поддается корректной расшифровке вне контекста романа «Пре-

ступление и наказание», на текст которого герои романа «Честность с собой» ссылаются как на общеизвестный культурный факт, существующий в сознании друг друга, а для автора, естественно, и в сознании читателя.

В центре романа «Честность с собой» – апробация «новой морали». Суть этой новой морали сводится, с одной стороны, к отказу от фарисейства (главный принцип отражен в заглавии рассматриваемого произведения), но, с другой стороны, – к переступлению через общепринятые нормы, к моральной вседозволенности тогда, когда она честно(!) осмысливается человеком как единственно выгодная, подходящая для него самого. Главный герой романа Мирон Александрович Купченко, живя по этому принципу, экспериментирует со своей жизнью, «проверяет себя» (отсылка к эксперименту Родиона Раскольникова) и пытается экспериментировать с жизнью других людей (Тарас Щербина, Вера, Наталья и др.), вовлекая их в контекст своих жизненных понятий.

Преступление с точки зрения Мирона Купченко – основного борника принципа «честности с собой» – перестает быть преступлением тогда, когда мысль, чувство и поступок находятся в человеке в полном согласии, когда он понимает и чувствует, что делает что-то необходимое ему самому и не считает это действие и свои мысли преступлением. Опыт Раскольникова видится Мирону как неудачный, он убеждает Тараса: «Доведите мысль о воре до самого конца, то есть когда мысль о подлости будет только смешна. Но до тех пор, пока сами считаете подлостью, ни за что не делайте, хоть бы действительно пришлось умирать. Слышите? Очень скверно потом будет. Вспомните хоть Раскольникова из Достоевского. Человек осмелился на преступление. А тут именно преступления и не должно быть»².

Таким образом, если в романе Достоевского акцент в большей степени приходился на наказание после преступления, которое и приводило героя к пониманию совершенного им и переосмыслению собственной жизни, то в романе Винниченко основной акцент приходится на понимание самого преступления как не-преступления в рамках торжества «новой морали», принципа «честности с собой», доказательством чему может служить ницшеанский финал романа, в котором побеждают немногие сильные, «пройдя» по жизни слабых и разрушив ее без каких-либо угрызений совести в духе «философии жизни» Ницше.

В незаконченном романе М. Хвилевого «Вальдшнепы» герои также активно дискутируют о морали и преступлении, причем преступлением в этом случае является не подлость, не обман, не воровство, не супружеская измена, как в «Честности с собой», а наибольшее преступление против человека – убийство.

Главный герой романа Дмитрий Карамазов уже совершил убийство какого-то «очень близкого человека» (авторская отсылка к новелле М. Хвилевого «Я(романтика)») во имя революции и ее идеалов. Он убежден в том, что только через убийство можно прийти к полному социаль-

ному очищению и что такое убийство (сознательное во имя социальных идеалов) не считает преступлением.

Собственно говоря, это тот же принцип «честности с собой», но «работающий» не на отдельную личность и ее интересы, а на одну социальную группу с ее интересами, выраженными в главных «идеях». Правда, если в романе Винниченко торжество этого принципа безоговорочно, то в «Вальдшнепах» Дмитрий Карамазов, находящийся в стадии внутреннего перехода от одной завладевший им идеи (социальной) к другой (идее национального возрождения), никак не может привести в равновесие поступки, мысли и чувства: нет в нем чувства ненависти к ближним. Как аргумент в споре приводится один из героев Достоевского – Алеша Карамазов, чей опыт по воплощению в жизнь идеи «любви к дальним» опять-таки признается неудачным, поскольку главной трудностью в жизни для его однофамильца из романа «Вальдшнепы» является ненависть к ближним, у каждого из которых «бывает, знаешь, такая человеческая улыбка и такое, знаешь, милое и красивое лицо, будто прекрасная Богоматерь смотрит»³. Правда, активное влияние Аглаи (проповедницы идеи национального возрождения принципа «ненависти к ближним»), а, главное, того чувства, которое Дмитрий испытывает к ней, могло и привести героя этого незаконченного романа к равновесию мысли, чувства и поступка.

Таким образом, в этом произведении Хвелевого, как и в романе Винниченко «Честность с собой», «центр тяжести» смещается, по сравнению с романами Достоевского, на изображение «новой морали», характеризующейся не столько попытками даже не оправдать преступление, сколько построить такой антимир (хотя бы внутри себя), в котором преступление не является преступлением.

Л и т е р а т у р а

1. *Панченко В. Є.* Творчість Володимира Винниченка 1902–1920 рр. у генетичних і типологічних зв'язках з європейськими літературами: Автореферат ... доктора філол. наук Київ, 1998 С. 2.
2. *Винниченко В.* Забытая книга. («Честность с собой», «Записки курносого Мефистофеля»). М., 1991 С. 115.
3. *Хвильовий М.* Новели, оповідання. «Повість про санаторійну зону». «Вальдшнепи» роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ, 1995.

Машкова А.Г. (Москва). РАИСА РОМАНОВНА КУЗНЕЦОВА – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

Имя профессора Раисы Романовны Кузнецовой не отделимо от истории кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ. Выпускница этого факультета, она более полувека (1949–2001) преподавала чешскую, а в первые годы и словацкую литературы, подготовив сотни богемистов и словакистов. Многие из них стали видными

учеными, деятелями культуры, преподавателями. Талантливый педагог Р.Р. Кузнецова щедро раздавала свои знания ученикам, а ее способность пробудить в них интерес к изучаемому предмету, привить любовь к чешской литературе, культуре, стране способствовала формированию высококвалифицированных специалистов. Раиса Романовна была человеком, увлеченным своим делом, которое стало смыслом всей ее жизни. И эта увлеченность передавалась студентам, аспирантам – всем кто, так или иначе, соприкасался с ней по работе.

Обучая студентов, она никогда не переставала учиться сама. Многократные поездки в Чехословакию, работа с архивными материалами, встречи, беседы с чешскими специалистами – литературоведами, критиками, писателями – все это не только стимулировало ее интерес к чешской литературе, но и формировало ее как педагога и ученого. Раису Романовну хорошо знали и ценили в Чехословакии, восхищались ее необычайной заинтересованностью в изучении чешской литературы, ее трудолюбием, самоотверженностью, постоянным творческим поиском. Лекции, которые она читала в Карловом университете (Прага), в университете Т.Г. Масарика (Брно), в университете Я.А. Коменского (Братислава) неизменно пользовались большим успехом, вызывали интерес студенческой аудитории, преподавателей, коллег.

Значителен вклад Р.Р. Кузнецовой в советскую и российскую славистическую науку. Свои первые научные труды она опубликовала в конце 40-х годов. Среди них была монография о Юлиусе Фучике, переведенная на китайский язык. Интересы Р.Р. Кузнецовой как ученого лежали в области литературы XX века. Особое место в ее жизни и научной деятельности занимала классик чешской литературы писательница Мария Майерова, с которой ее связывала многолетняя дружба. Творчеству М. Майеровой посвящена ее кандидатская диссертация, а также монография «Мария Майерова» (1982). В этой книге кроме основательного изучения творчества писательницы и его места в литературном процессе XX столетия, анализа отдельных произведений автор поделился своими впечатлениями и воспоминаниями об этой незаурядной личности.

Итогом многолетнего труда Р.Р. Кузнецовой стали ее книги о чешском межвоенном романе («Становление романа-эпопеи нового типа в чешской прозе», 1975 и «Чешский межвоенный роман. Эволюция жанра и стиля», 1980), написанные на основе докторской диссертации. В поле зрения исследователя – творчество таких писателей как К. Чапек, В. Ванчура, М. Пуйманова, М. Майерова, Я. Кратохвил, К. Новый, Б. Кличка, Я. Глазарова, К. Конрад и др. Многие из них были мало изучены или совсем не известны не только в СССР, но и в Чехословакии. Именно в этих, а затем и последующих трудах Раиса Романовна проявила себя как вдумчивый, талантливый исследователь, основным достоинством которого является опора на текст и одновременно способность к обобщению. Детально, скрупулезно анализируя структуру ху-

дожественных произведений, поэтику творчества писателей, она, опираясь на этот анализ, шла дальше – к выявлению специфики литературного процесса, а также к серьезным выводам теоретического характера. В первую очередь это касается таких проблем, как жанр и стиль. Особый интерес представляет исследованная в ее работах проблема синкретичности жанровой формы романа, его диффузности. Значителен вклад Р.Р. Кузнецовой в изучение традиционного жанра романа-эпопеи, который в новых исторических условиях претерпел значительные изменения. Именно Раиса Романовна впервые выявила и определила балладные признаки в романе, а затем ввела в обиход термин «роман-баллада», вызвавший в свое время немало споров и активно используемый в настоящее время литературоведами разных стран.

В своей научной деятельности Р.Р. Кузнецова большое внимание уделяла изучению чешской и словацкой литератур послевоенных десятилетий. Об этом речь идет в ее книгах «Роман 70-х годов в Чехословакии» (1980) и «Роман 70–80-х годов в Чехословакии» (1988), предназначенных как для специалистов, так и для широкой читательской аудитории. Заметим, что Раиса Романовна была членом Союза писателей СССР, активным популяризатором чешской литературы. Она многократно выступала по радио и телевидению, читала публичные лекции, писала предисловия к изданиям художественной литературы, переводила их, выступала в качестве автора статей в популярных периодических изданиях.

Итогом педагогической и научной деятельности Р.Р. Кузнецовой стал учебник «История чешской литературы» (1987), который охватывает период с IX века до конца 80-х годов XX столетия, и также учебное пособие «История чешской литературной критики» (2001). Эти книги служат хорошей опорой для всех, кто изучает чешскую и другие славянские литературы – будь то студент, преподаватель или ученый. И хотя многие факты, изложенные в них, в настоящее время следует истолковывать иначе, однако сами по себе они не могут быть подвергнуты сомнению.

Заслуги профессора Раисы Романовны Кузнецовой – педагога и ученого – были высоко оценены как в СССР, так и в Чехословакии. Ей было присвоено звание Заслуженный профессор МГУ. В 1980 году она была награждена медалью Карлова университета в Праге и Международной премией Витезслава Незвала (Чехословакия).

Жизнь и деятельность Р.Р. Кузнецовой пришлись на один из самых сложных периодов российской истории. В связи с этим весьма непростой, а подчас и трагической была ее человеческая судьба. В силу сложившейся общественно-политической ситуации в стране литературоведческая наука находилась в то время в тисках марксистской идеологии, развивалась в рамках строго определенных догм и схем. Литература социалистического реализма, которой посвящена большая часть ее работ, не могла быть исследована вне строго установленных рамок. В

этом смысле Раиса Романовна – как и большинство ее современников–литературоведов, занимавшихся литературой XX века, – стала в определенной степени жертвой своего времени. Однако уникальная способность Р.Р. Кузнецовой тонко чувствовать текст, умение анализировать художественную ткань произведений, проникнуть в творческую мастерскую художника, использовать документы, архивные материалы помогли ей сохранить объективность в подходах и оценках, уберечь от схематизма и упрощенного изложения фактов.

В последние годы жизни она большое внимание уделяла новым явлениям в литературной жизни Чехии, в частности, художественному творчеству писателей-эмигрантов.

Вклад профессора Р.Р. Кузнецовой в развитие советской и российской богемистики огромен. Ее педагогическая и научная деятельность войдет в историю кафедры славянской филологии как одна из самых достойных страниц.

Пескова А.Ю. (Москва). ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ ЯНА ГРУШОВСКОГО «ЧЕЛОВЕК С ПРОТЕЗОМ»

Известно, что экспрессионизм как литературное течение, являясь художественным выражением смятенного сознания человека в период Первой мировой войны и революционных потрясений, сформировался и достиг точки наивысшего развития в начале XX века. Атмосфера всеобщей агрессии, ужасы, которые царили в это время на мировой исторической арене, у многих вызвали крайнее возмущение и острое неприятие действительности. Протест против любого проявления жестокости и насилия, отчаяние и боль выплеснулись в целом ряде литературных произведений европейских писателей-экспрессионистов, и словацкая литература здесь не стала исключением.

В двадцатые годы экспрессионизм в Словакии становится одним из самых заметных художественных явлений, притом экспрессионистические тенденции появляются в произведениях достаточно широкого и разнородного круга писателей. Среди них Я. Грушовский, Т. Гашпар, Г. Вамош, И. Горват, Ш. Лец, Й. Цигер Гронский, М. Урбан, П. Илемницкий и др. Во многом основываясь на уже довольно развитой к тому времени традиции немецкой экспрессионистической литературы, словацкие писатели создали национальный вариант литературного экспрессионизма со своими особенностями и спецификой.

Одним из самых ярких представителей словацкого экспрессионизма является Ян Грушовский (Ján Hrušovský, 1892–1975), который в числе первых внес в свои произведения черты новой поэтики (сборники «Мадонна Помпилио», 1923 и «Долороса», 1925). В небольших рассказах Грушовский часто изображает человека, раздираемого противоречиями, в момент наивысшего напряжения духовных сил. Это герой мятущийся, ищущий, сомневающийся и, как правило, одинокий. На-

пряженная субъективность, непосредственное выражение чувств, эмоций, резкие краски, образы, построенные на принципе контраста, – все это сближает первые рассказы Грушовского с произведениями европейских экспрессионистов.

О наличии экспрессионистических тенденций можно говорить и в связи с последовавшей за этими сборниками в 1925 году повестью Я. Грушовского «Человек с протезом. Случай поручика Сиборна» (Muž s protézou. Případ poručíka Seeborna). Книга представляет собой дневник главного героя, воюющего на австрийско-итальянском фронте в 1917 году. В перерывах между военными действиями разворачивается любовная драма Сиборна – человека, мечущегося в поисках идеальной любви от одной возлюбленной к другой. Повесть предваряется вступлением, в котором писатель особо подчеркивает, что не стремится показать конкретно австрийскую армию, но войну и человека на войне вообще, не зависимо от того, на чьей стороне он воюет. «Записки Максимилиана Сиборна я считаю документом человечества» (1), – подчеркивает автор во вступлении, и за этими словами мы можем увидеть характерное для экспрессионистов стремление к обобщению, абстрагированию.

Обращаясь к событиям мировой войны, Грушовский почти не показывает самих военных действий, в дневнике Сиборна не говорится о «великих» победах австрийских войск, о прорыве итальянской обороны и других подобных событиях. Но после каждого боя поручик пишет о жертвах войны, о том, чего стоило каждое продвижение вперед:

«Позицию мы заняли еще на рассвете, и это стоило нам бесчисленных жертв... Когда мы отдохнули и стали готовиться к новому продвижению, то обнаружили великие потери. Отсутствовал один, другой, отсутствовали многие, очень многие...» (245).

Главное чувство, которое охватывает Сиборна при подготовке к бою, во время военных построений и, особенно, в сцене набора новобранцев в ряды австрийской армии, – это чувство безнадежности, неотвратимости смерти. При одном только взгляде на молодых, здоровых и сильных мужчин герою сразу представляются их искалеченные тела и разлагающиеся трупы на поле боя, а за тяжелыми шагами марширующих на плацу солдат ему слышатся удары комьев земли о крышки гробов. Важнейшую роль здесь играют размышления персонажа, пытающегося осмыслить жестокую реальность, найти в ней свое место, увидеть за всей бессмысленностью мира первичный и истинный смысл вещей.

«Рядом со мной – неистовое уничтожение человеческих жизней, которого еще не знала история. Мир переворачивается, государства исчезают, общество рушится, да, происходят ужасные вещи, чудовищные, все человечество охвачено безумием убийства, наивысшей ценностью стало кровопролитие, каждый день на мировых фронтах гибнут сотни тысяч, – и я не могу это понять, для меня все это бессмысленно,

безразлично... Да, я не чувствую с этим всем никакой внутренней связи. Династия? Родина? Народ? Величие времени? Патриотизм? Это все я не понимаю, для меня все это чуждо, далеко...» (298).

Однако попытки Сиборна постичь окружающую действительность оказываются бесплодными: не в силах что-либо анализировать, он может лишь выплескивать свои смятенные чувства, боль, отчаянье и крайнее возмущение на страницах дневника. Сосредоточенность автора на внутренних переживаниях героя, детальное описание оттенков чувств, эмоций, поворотов мыслей и передача их от первого лица – все это свидетельствует об экспрессионистической основе повести. Данные особенности тесно связаны с понятием субъективности в экспрессионизме: автор таким образом выражает свое отношение, свои чувства и мысли. Страстные внутренние монологи Сиборна трудно отделить от авторских размышлений. То есть мятущийся, сомневающийся, ищущий герой – это и сам Грушовский, и, как это часто бывает у экспрессионистов, самораскрытие автора происходит через его героев.

Как известно, наличие субъективного начала в экспрессионизме нередко связывается исследователями с эстетикой романтизма. О связи с романтическими традициями свидетельствуют и многочисленные сравнения поручика Сиборна с Печориным, а также некоторые сюжетные параллели (любовные коллизии, дуэль, смерть соперника).

Сам образ Сиборна типичен для экспрессионизма. Это герой, избранный в момент наивысшего напряжения сил, страдающий и гибнущий во враждебном ему мире. Тема «маленького человека», подавленного жестокими социальными условиями существования, чувствующего свою беспомощность перед некой грозной и жестокой «силой-лавиной», – главная тема этой повести, как и многих других произведений экспрессионистов.

«Лавина, которая когда-то в неизвестном месте сорвалась со склона, несется с увеличивающейся скоростью, уничтожая все на своем пути... Каждое мое действие от начала и до конца определяет страшная, немилосердная сила, против которой я беспомощен и безоружен» (301).

Значима в повести и тема «отчужденного» человека, к этому моменту уже прозвучавшая с необыкновенной силой и болью в произведениях немецких экспрессионистов, а также в творчестве Ф. Кафки. Герой «Человека с протезом» многократно повторяет, что мир и все в нем ему чуждо, что он «совершенно изолирован от мира», «отделен от него стеной». Отметим, однако, что, резко противопоставляя себя целому свету, сознавая бессмысленную жестокость войны, Сиборн сам подчиняется «военной машине» и воюет героически. Таким образом, Грушовский не идеализирует своего героя, а, напротив, показывает зависимость «маленького человека» от обстоятельств, его неумение открыто противостоять безумной силе, охватившей мир. Отсюда – его пассивность, унижительное сознание собственного бессилия, беззащитности.

Героизм, за которым скрывается острый протест против войны, маска бесчувственности и слова о протезе вместо сердца на фоне глубоких переживаний и страстей – все это свидетельствует о внутренней раздвоенности Сиборна. В его сознании появляется образ Другого, Чужого, который руководит его действиями и чувствами и которому он не в силах сопротивляться.

Следует отметить, что и средства, которые использует автор для выражения протеста: сарказм, краткие, как бы «рубленные» фразы, резкие противопоставления («Я» и окружающий мир, «Я» и Другой и т.п.), яркие метафоры и образы-символы (человек с протезом, лавина), – также характерны для экспрессионизма.

Таким образом, повесть «Человек с протезом» по праву может считаться одним из первых произведений в словацкой литературе, в котором черты экспрессионистической поэтики проявились на всех уровнях: от тематики и проблематики до выразительных средств.

Л и т е р а т у р а

1. *Hrušovský J. Muž s protézou // Pompiliova Madona a iné prózy.* Bratislava, 1966. S. 220. Далее произведение цитируется по этому изданию, страницы указаны в тексте.

Петрухина А.Ф. (Москва). ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ НАРРАТИВНАЯ ТЕХНИКА ПИСЬМА В КНИГАХ П. ГРУЗА «ДОКУМЕНТЫ О ВИДАХ», «ОККУЛЬТИЗМ», «ХЛЕВ И ИГРЫ»

Дискуссионность термина «**постмодернизм**», отсутствие точного и ограниченного перечня приемов, характеризующих его, нередко не позволяют говорить о том или ином произведении как типично постмодернистском. Однако выделять определенные черты или тенденции, обусловленные особой манерой мировосприятия, – вполне правомерно.

Спецификой славянского и, в частности, **словацкого постмодернизма**, является его «политизированность», стремление «преодолеть» прошлое. Отправной точкой новой эпохи в словацкой литературе принято считать 1956 год, когда в журнале «*Kulturný život*» был опубликован сатирический памфлет Д. Татарки «Демон согласия».

В 60-ые – начале 70-х годов на литературной арене появляются молодые художники (Я. Йоганидес, П. Ярош, Р. Слобода, В. Шикла, П. Виликовский, П. Груз), чей дебют знаменовал собой начало принципиально нового этапа в развитии словацкой культуры, появление произведений иного типа, которые характеризуют (в большей или меньшей степени) такие категории, как плюрализм, децентризм, неопределенность, фрагментарность, изменчивость и контекстуальность.

Павел Груз (р. 1941) – один из самых ярких представителей современной словацкой литературы, автор таких произведений, как «До-

кументы о видах», «Оккультизм», «Хлев и игры», «Pereat» (от лат. «пусть погибнет»), «Хлеб и кровь» и др.

Его первая книга – «Документы о видах» («Dokumenty o vûhľadoch», 1966) – сразу же вызвала большой резонанс в обществе. Несмотря на то, что роман был отмечен премией им. И. Краско как лучший литературный дебют, критика не приняла экспериментов писателя с формой. Используя типично постмодернистский прием коллажа, Груз рассказывает о жизни студентов. Отрывки из дневников героев, их личных характеристик, писем, описание шахматной партии и предполагаемого диалога Короля и Пешки, обрывки медицинских рецептов, цитаты из прессы, учебников, старого катехизиса и т. п. постоянно «вклиниваются» в повествование, символизируя хаотичность изображаемой действительности, с одной стороны, и создавая иллюзию подлинности, документальности, – с другой (последнее подчеркивается самим названием произведения). Художник заигрывает с читателем, призывает к сотворчеству, позволяет ему самому собирать мозаику текста. Примечательна и постмодернистская концепция времени в романе: оно как бы растворяется в слове, языке, только записки Фери имеют хронологическую последовательность (герой ведет дневник в течение двух месяцев). Кроме того, Груз постоянно меняет повествовательную манеру: использует форму 3-го лица единственного числа, то «ты»-форму, перемежает диалог с театральными ремарками о внешности и действиях персонажей. Подобный калейдоскоп не связанных друг с другом дискурсов разной стилистической направленности, а также трансформация точек зрения, которые согласуются с принятием гетерогенной множественности и принципиальной нелинейности как непреложных правил постмодернизма, позволяют говорить о чертах постмодернистского пастиша в «Документах...».

Так же интересна с точки зрения использования постмодернистской техники письма и вторая книга Груза – «Оккультизм» («Okkultizmus»), вышедшая в 1968 году. Произведение представляет собой сборник новелл, объединенных фигурой рассказчика, местом действия (все происходит на спиритическом сеансе) и особой формой композиции (последнее слово или словосочетание одной истории объясняет суть следующей). При этом, несмотря на наличие номинального героя-повествователя, – это всего лишь авторская маска, за которой скрывается истинный творец текста – его интерпретатор. Своеобразной подсказкой для читателя является графический уровень текста: все реплики располагаются на новых строках, а в конце каждой отдельной истории можно найти рисунок, эмблему или схему как сублимацию сюжета (кстати, подобное соединение разных видов искусств, апелляция к визуальным образам – еще один признак постмодернистской манеры мирописания).

Следующая книга Груза «Хлев и игры» («Chliev a hry») была опубликована лишь в 1990 году. В нее вошли произведения, написанные в

70-е и 80-е годы, – повести «Nielo», «Vnadenie», «Rašle» и «Šeriše»¹. Применяя принцип коллажа, соединения несоединимого, писатель подталкивает к экспериментам, использованию разных возможностей горизонтального членения произведения. К примеру, в «Nielo» на первой же странице в сноске к одному из употребленных слов рассказывается отдельная история в виде распространенного предложения, точка в котором ставится лишь в самом конце новеллы. В «Rašle» и «Šeriše» в эпическое повествование непрестанно вклиниваются то описания обычаев и традиций древних славян, то компьютерной программы и действий ПК. Примечательно при этом, что Груз нисколько не заботится о смысловых связях между дискурсами, что, с одной стороны, подчеркивает бессмысленность бытия, его хаотичность и диффузность и предоставляет реципиенту неограниченную свободу в выборе порядка прочтения и структурирования в единое целое разрозненных кусков – с другой.

Подобная структура рассмотренных книг П. Груза (свойственная, кстати, и другим произведениям писателя), – монтажность, фрагментарность композиции, нелинейность повествовательной структуры, «игра в книжную реальность», соединение нескольких дискурсов, трансформация точки зрения и т.п. – в большей или меньшей степени в каждом конкретном случае позволяет говорить об особой постмодернистской манере письма художника как отличительной черте всего его творчества.

Рожкова Е.Ю. (Москва). «КОЦУРКОВО, ИЛИ КАК БЫ НАМ В ДУРАКАХ НЕ ОСТАТЬСЯ» ЯНА ХАЛУПКИ И «ЖЕНИХИ» КАРОЯ КИШФАЛУДИ (ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Театральная культура Словакии прошла длительный и сложный путь развития от зрелищного начала в языческих обрядах, от народного театра через литургическую драму, процесс секуляризации драмы, школьную драму и формирование оперных и драматических трупп при дворе шляхты и в городах – к образованию любительского театра, который появляется только в начале XIX века, когда создается прочная литературная основа для формирования театрального репертуара.

Подлинным основоположником словацкой драматургии по праву считается вступивший в литературу в 30-е годы XIX века Ян Халупка (1791–1871). С его именем связано и создание первого словацкого любительского театра. Я. Халупка является автором сатирического романа, большого количества политических и педагогических работ; в начале творческого пути он проявил себя и как поэт. Но самых больших успе-

¹ Названия повестей ничего не означают на словацком языке, не переводятся на русский язык и вообще не имеют отношения к смыслу произведений, что подчеркивает изаллогичность, соотнесенность с общей концепцией постмодернистского восприятия мира как хаоса.

хов он достиг в жанре комедии. В 1830 году Халупка дебютировал сатирическим фарсом «Коцурково, или Как бы нам в дураках не остаться», где изобразил жизнь небольшого словацкого городка, показав ее комические стороны и выведя гротескные типы ремесленников и чиновников. Эта комедия положила начало формированию словацкого национального репертуара.

За «Коцурковым» последовало еще несколько фарсов, тематически связанных с вымышленным провинциальным городком Коцурково: «Всё наоборот, или Тесношилова Аничка женится, а Гонзик выходит замуж» (1832), «Трасоритка, или Старая любовь берет свое» (1833), «Тринадцатый час, или Поглядим, кому быть в Коцуркове ночным сторожем» (1835). В 1835 году Халупка издал в Пеште на венгерском языке комедию под названием «Старый любовник, или Четыре жениха Торхазы», что позволило венгерскому исследователю конца XIX века Йожефу Байеру в своей работе по истории венгерской литературы причислить «Халупку Яноша» к венгерским драматургам. В 1837 году Халупка перевел комедию на словакизированный чешский язык и издал под названием «Старик Плеснивец, или Четыре свадьбы на одних похоронах». После 1848 года Халупка пишет единственную несатирическую пьесу «Добровольцы» (1854), два незатейливых одноактных фарса «Гук и Фук» (1862). «Укрощенная гордость», а также комедию «Ювелир» (1868).

Помимо драматических произведений Халупка обращался к прозе: в 1836 году вышло в свет прозаическое «Коцурково», а в 1841 году он анонимно издал в Лейпциге сатирический роман «Бендегуз, Дьюла Коллопш и Пишта Куртафоринт. Донкихиада по новой моде. Выдумка и быль.», написанный на немецком языке.

В 1870 году Халупка переписал все свои произведения на словацкий литературный язык, кодифицированный в 1843 году Людовитом Штуром.

Осознавая, что искусство и литература не должны зависеть от политики, Халупка хорошо знал и высоко ценил венгерскую культуру, был знаком с лучшими образцами венгерской литературы, многому учился у венгерских писателей. Вместе с тем в своих произведениях он высмеивал две стороны словацко-венгерских отношений: мадьярство (слепое преклонение словаков перед всем венгерским) и мадьяризацию (насильственное насаждение в словацком обществе венгерского языка и культуры).

О том, что Халупка был знаком с произведениями своего венгерского коллеги Кароя Кишфалуди (1788–1830), свидетельствуют упоминания о нем и реминисценции из его драматургии в романе «Бендегуз». В отличие от Халупки, который был основоположником словацкой драматургии, К. Кишфалуди – автор комедий на современную тематику, создатель исторических драм и трагедий – опирался на определенные традиции, уже сформировавшиеся в венгерской литературе к тому вре-

мени. Следует отметить, что процесс развития венгерской литературы, а также театральной культуры проходил динамичнее, нежели словацкой. Так, уже в XVI веке венгерские писатели предпринимают попытки создать светскую драму на родном языке, отойти от традиционной библейской тематики.

Творчество Кишфалуди занимает важное место в венгерской драматургии. К литературе он впервые серьезно обращается в 1817 году и практически сразу становится известным писателем и литературным деятелем. До 1820 года он обращается главным образом к жанру исторической трагедии: «Татары в Венгрии» (1811), «Клара Заг» (1813), «Воевода Штибор» (1818), «Илка» (1819), «Ирене» (1820); в 1817 году создает первую комедию «Женихи», которая имеет большой успех. После 1820 года Кишфалуди обогащает венгерский национальный репертуар десятком комедий, по преимуществу из жизни мелких венгерских дворян и крестьян («Мятежники», 1819; «Студент Матьяш», 1825; «Страж девиц», 1827; «Разочарования», 1828 и др.). Эти комедии возникли в эпоху подъема демократического движения в Венгрии, что повлияло на идейно-тематический план произведений. Кишфалуди считается реформатором сценического языка.

В виду отсутствия письменных свидетельств довольно трудно установить, читал ли Халупка комедии Кишфалуди или видел ли их на сцене. Очевидно одно: с текстами венгерского писателя он был хорошо знаком, они оказали на его творчество определенное влияние.

В комедиях двух драматургов много общего. Помимо сходства тематики, проблематики, действующих лиц, мотивов, в них наблюдаются и определенные общественно-типологические схождения, обусловленные существованием словаков и венгров в рамках единого государственного образования, то есть общим историко-политическим и культурным контекстом. В частности, это подтверждает сопоставительный анализ комедий Я. Халупки «Коцурково» и К. Кишфалуди «Женихи», где помимо сходства проблематики, отдельных мотивов, общности системы персонажей есть примеры и некоторых текстуальных совпадений. Оба произведения были созданы под влиянием мещанской театральной культуры, а за образцы были приняты комедии Мольера, Коцебу и др. Отсюда – схематизм некоторых персонажей, предсказуемость развязки. Вместе с тем – это оригинальные, самостоятельные творения. Так, словацкие зрители, незнакомые с комедией Кишфалуди, не воспринимали образ сапожника Тесношила как трагедийный, то есть не ассоциировали его с образом капитана Балтафи из венгерской комедии.

Писатели рисуют картину нравов определенной социальной среды: Халупка – словацкого мещанства, Кишфалуди – венгерской аристократии. Однако бытописание – лишь один из уровней произведений. Драматурги затрагивают национально значимые проблемы, поднимают важные вопросы эпохи. Они высмеивают подражание иностранной культуре, неуважение к традициям, родному языку. Занимая одинаково-

вую позицию защитников национальных ценностей, писатели в то же время призывают к толерантности, открытости миру и опыту других народов, к уважению чужих традиций.

С помощью гротеска, иронии изображены их отрицательные персонажи, которые преклоняются перед всем иностранным. Положительные персонажи произведений, герои-резонеры, тоже очень похожи: это образы молодых патриотов, поборников родного языка и культуры, которые, однако, с большим уважением относятся к традициям других народов. Так, например, учитель Свобода в комедии Халупки изобличает показную, ложную любовь некоторых героев к венгерскому языку, которым они на самом деле не владеют. Сам же он знает и любит венгерскую культуру.

В сюжетных мотивах произведений тоже много общего, что объясняется не столько влиянием Кишфалуди, сколько общим литературно-историческим контекстом, в рамках которого создавались произведения.

Композиция комедии Халупки оригинальна и необычна благодаря так называемой «лесной сцене». Эмоционально яркая по содержанию, она свидетельствует о присутствии в классицистической комедии преромантических черт. Ничего подобного нет в пьесе Кишфалуди, хотя и там можно отметить наличие романтических тенденций.

Сопоставительный анализ комедий Я. Халупки и К. Кишфалуди показывает, что словацкий писатель, который не был лично знаком с венгерским драматургом, вступил с ним в творческий диалог, с одной стороны, разделив многие взгляды своего собрата по перу на проблемы эпохи, а с другой – оставаясь глубоко национальным писателем, верным словацким традициям.

Скрипаль Е.А. (Москва). ТВОРЧЕСТВО МИХАЛА ВИВЕГА

Творчество Михала Вивега – принадлежность новейшей чешской литературы. В нем нашли свое отражение актуальные проблемы нашего времени – общественные и эстетические.

На литературной арене М. Вивег появился вскоре после «бархатной» революции 1989 г., в период, когда происходила переоценка ценностей. В магазинах стали появляться переиздания произведений альтернативной литературы, самиздата, переводные книги, а вместе с тем и массовая литература: так называемые «розовые» или любовные романы, триллеры, детективы – одним словом, все те произведения, которые до этого практически не были доступны широкому кругу читателей.

Этим отчасти объясняется «культурный хаос», который возник в начале 1990-х, когда наряду с высокохудожественными произведениями появляется и «паралитература». В то же время из печати выходят в свет книги, десятилетиями лежавшие в рукописях.

В результате основные писатели эпохи «нормализации» отодвинулись на задний план, а на переднем оказались бывшие диссиденты.

Именно в этот период появился Михал Вивег со своим первым детективным романом «Мнения об убийстве» (1990). Однако популярность ему принес роман «Лучшие годы псу под хвост» (1992), который с точки зрения жанра можно условно определить как сатирическую автобиографию. Вообще к пониманию жанра, стиля и смысла этого романа лучше всего подойти путем анализа его метафорического названия, потому что оно указывает на двойственное, парадоксальное отношение писателя к ноябрьским событиям (1989): тяжелые для народа годы «нормализации» в то же время должны были быть самыми счастливыми годами детства и молодости главного героя Кvido. Название выдает также сожаление автора об ушедшем времени, его иронию, пропитавшую роман насквозь. Ирония, сарказм эмоционально окрашивают роман и свидетельствуют о неоднозначном отношении Вивега к воссоздаваемым событиям. Что касается автобиографичности произведения, то эту особенность автор подчеркивает описанием реальных событий, конкретного места действия, прототипов героев. Можно сказать, что писатель выбрал юмор основным своим оружием. Ведь его цель – «написать роман о своей семье с минимальными потерями» (1).

После романа «Лучшие годы...» Вивег не реже чем раз в год выпускал по одному, а то и по два произведения:

1993 г. – цикл литературных пародий «Мысли книголюбца»

1994 г. – роман «Воспитание девушек в Чехии», который можно охарактеризовать как «роман в романе»

1996 г. – роман «Участники поездки»

1998 г. – роман «Летописцы отцовской любви»

1999 г. – цикл новелл «Рассказы о супружестве и сексе»

2000 г. – «Новые мысли книголюбца»

2000 г. – цикл новелл «Шведские столы или мы – Мужчины»

2001 г. – «Женский роман»

2002 г. – роман «Лучшие годы с Клаусом» – обращение к жанру политической сатиры.

2003 г. – «История неверной Клары»

2003 г. – «На двух стульях»

Таким образом, имя Михала Вивега стало одним из самых известных в чешской литературе 1990-х годов.

В числе последних книг писателя – «Лучшие годы с Клаусом» (2002), которая явилась знаковым романом, благодаря стечению обстоятельств: Вивег писал роман о председателе чешского парламента Вацлаве Клаусе, а опубликовал его, когда Вацлав Клаус был кандидатом на пост президента. Это был период острой политической борьбы, поэтому книга привлекла к себе внимание не только критиков, но и читателей. Когда же Клаус был избран президентом, естественно, этот роман стал необычайно популярным.

Сам Клаус, как персонаж, в романе не присутствует, он фигурирует лишь как автор цитат, с которых начинается каждая глава романа. В них

говорится обо всем: от положения цыган в Чехии, приватизации, клонировании до отношения к культурной жизни страны. Поэтому получается, что Клаус отстраненно, но присутствует во всех главах романа, даже если речь в них идет, например, о разногласиях между Квидо – главным героем – и его женой. Таким образом, из сопоставления жизни простых людей с цитатами Клауса рождается сатирический эффект.

Хотелось бы отметить, что в последних произведениях Вивега наблюдается тенденция к возвращению полубившихся ему персонажей. Это касается, в частности, и «Мыслей книголюба», продолжение которых вышло в 2000 году под названием «Новые мысли книголюба», и романа «Лучшие годы псу под хвост» – его продолжением стал роман «Лучшие годы с Клаусом». Те же герои, то же место действия, с той лишь разницей, что события этого романа начинаются 20 ноября 1989 года, а заканчиваются в 2001 году. И естественно, всё, что происходило в стране в это десятилетие после «бархатной» революции, отразилось и на его героях. Например, дедушка Йозеф стал акционером, а когда акции сильно поднялись в цене, нашел в себе силы продать их. В банке ему дали за них 186790 крон, так что из банка он уже вышел капиталистом. Бабушка Вера стала скупать почти все разрекламированные по телевизору товары.

Если в романе «Лучшие годы псу под хвост» Квидо только формировался как писатель, то здесь показан уже первый успех героя после выхода романа «Лучшие годы псу под хвост», когда его стали все узнавать. Отдыхая в Хорватии, он продумывает свой следующий роман – «Участники поездки». И снова Вивег позволяет читателям наблюдать за процессом создания литературного произведения, как это было в предыдущих романах.

Сам текст романа уже дополнен не только цитатами Вацлава Клауса, но еще и выдержками из дневника дочери Квидо Анички.

Вивег в одном из своих интервью сказал:

«Я никогда не думаю при выборе темы и названия о прибыльном и хорошо продаваемом произведении. И, как сказал Иржи Кратохвил, нужно выбрать кем быть: Стивеном Кингом чешской литературы или настоящим писателем» (2).

Михал Вивег – автор, о творчестве которого спорят критики и произведения которого популярны не только в Чехии: они переведены на 16 языков мира. Он завоевал прочное место в новейшей чешской литературе.

Л и т е р а т у р а

1. Halada A. «Na kus řeči. Rozhovory...». Praha. 1996. S. 147.
2. Verecký Lad. Exhibicionista, který se umí pýřit // Magazín Mladé fronty Dnes. R. 10. Č. 116. 1999. S. 38–40.

**Старикова Н.Н. (Москва). Ф. ПРЕШЕРН И С.Л. ЧЕЛАКОВСКИЙ
(К ПРОБЛЕМЕ СЛОВЕНСКО-ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)**

Выдающийся словенский поэт-романтик Франце Прешерн (1800–1849), вдохновенная лира которого впервые доказала, каким творческим потенциалом обладает маленький славянский народ – носитель уникального языка и древней культуры, впитывая опыт мировой поэтической традиции, вслушивался и в напевы славянской музыки. Он был знаком с творчеством А. Мицкевича, Я. Коллара, С. Врза, вероятно также А.С. Пушкина и К.Г. Махи, участвовал в международной полемике о судьбах славянства. Личная дружба связывала Прешерна с чешским поэтом и ученым-филологом Ф.Л. Челаковским (1799–1852), первым из славянских современников заметившим и по достоинству оценившим дарование словенского коллеги (заметки Челаковского о стихах Прешерна, опубликованные в журнале «Časopis českého musea» в 1832 г., – самая первая литературоведческая работа, посвященная творчеству словенского поэта). Сближению двух выдающихся деятелей славянского возрождения помимо общности интересов и взаимной симпатии в немалой степени способствовало также сходство исторических судеб чехов и словенцев, сходство задач, стоявших перед чешской и словенской литературами.

Определяющей для литературного творчества Челаковского была ориентация на народную поэзию, в которой он видел незаменимый источник самобытного национального искусства. Он целенаправленно осваивал формы народной поэзии, собирал народные песни славян. Итогом этой подвижнической деятельности стало уникальное собрание «Славянских национальных песен» в трех томах (1822, 1825, 1827), включающее песни почти всех славянских народов, в том числе и двенадцать словенских.

Переписка, инициатором которой выступил Челаковский, велась по-словенски. Увлеченность чешского филолога и поэта славянским фольклором, его авторитет в этом вопросе, его книга, известная в Словении, – все это, безусловно, оказало на Прешерна, в ранние творческие годы довольно скептически относившегося к национальной фольклорной традиции, определенное влияние. Внимание к народному поэтическому творчеству подогревалось, конечно, и той популярностью, которой пользовалось народное искусство, прежде всего южнославянское, у таких европейских литераторов, как Гете, Мериме, Пушкин.

В начале 1830-х годов Прешерн сам обращается к фольклорному материалу. Первые четыре обработки словенских народных песен – «Красавица Вида», «Король Матьяж», «Рошлин и Верьянко», «Предостережение» – были опубликованы в третьем номере альманаха «Краньска чбелица». Влияние эстетики романтизма на идейную и художественную интерпретацию этих народных песен несомненно. Первоисточники интересны поэту в первую очередь с точки зрения архетипичности

национальных сюжетов и образов, которые можно и должно приспособить к нуждам высокой литературы. Наиболее привлекательной оказалась для Прешерна тематика, связанная с мотивом женской любви, отсюда – обращение к трагически окрашенным любовным фабулам и интригам (в «Красавице Виде» – к истории молодой, мучимой совестью из-за смерти брошенного ею больного младенца, в «Рошине и Верьянко» – к теме преступной страсти, толкающей женщину в объятия убийцы собственного мужа и ребенка). В общей сложности среди прешерновских стихотворений есть около тридцати переложений народных песен.

В дальнейшем Прешерн принимал деятельное участие в проектах, пропагандирующих народное творчество словенцев. Осознав, как важны для неокрепшей литературы фольклорные первоисточники, он пытался по мере сил способствовать их опубликованию. Например, предвидя сложности с венской цензурой, он в 1833 году просил Челаковского помочь напечатать собрания словенских народных песен А. Смоле и М. Кастельца в Праге, а когда проект не удался, помогал поэту А. Грюну подготовить их немецкое издание. Позднее работал вместе с Э. Корытко над сборником «Словенские песни краинского народа» (1839–1844).

Тюрин А.А. (Москва). Из истории чешской литературной критики: предпосылки зарождения структурализма

В данной работе речь пойдет о национальных истоках зарождения структурализма, что связано с развитием в начале XX века в Европе принципиально нового видения литературы и искусства в целом, постепенного становления нового метода исследования художественного произведения. Так или иначе, многие чешские деятели культуры внесли свой вклад в формирование нового взгляда на искусство, но при этом можно выделить ряд наиболее значительных имен: Й. Дурдик, Ф.Кс. Шальда, О. Гостинский, О. Зих, Т.Г. Масарик и некоторые другие. Надо отметить, что назвать этих авторов критиками в традиционном смысле слова было бы не совсем точно, скорее все они занимались общими вопросами эстетики и искусства, и каждый из них пытался выработать системный подход к вопросам культуры, с помощью которого наиболее полно и глубоко раскрылись бы особенности и закономерности художественного мировоззрения.

К сожалению, систематизированно чешская критика в России не изучалась, на русский язык переведено ничтожно мало работ чешских ученых, упомянутых выше. Первым и на данный момент практически единственным человеком в российской научной среде, последовательно занимавшимся историей чешской критики, была Р.Р. Кузнецова. Задуманная ею «История чешской литературной критики», к сожалению, не получила полной реализации: в 2001 г. вышел только 1-й том учебного

пособия для студентов, где освещаются теоретические аспекты понятия «литературная критика» и исследованы основные течения и персоналии чешской критики XIX в. Последняя глава посвящена Ф.Кс. Шальде.

Отдаленные отголоски будущего структуриализма можно найти уже в деятельности Яна Неруды и «маевцев», в их борьбе за реалистическую литературу (1860–80-е гг.). Становление реализма в Чехии, как известно, было длительным и сложным процессом, что во многом связано с сильным влиянием национально-патриотических тенденций в чешском искусстве. Тогдашняя критика несколько односторонне судила о ценности художественного произведения, принимая во внимание лишь то, насколько отчетливо выражена у того или иного автора национальная идея. Тем самым вопрос о собственно художественной ценности произведения оказывался вторичным. Борьба за реализм порождала споры общеэстетического характера, где ставились вопросы о целях и понимании задач искусства. Первыми серьезными работами по эстетике были исследования одного из «маевцев» – Йозефа Дурдика, профессора философского факультета Карловского Университета с 1881 года, основателя Гербартовской школы в Чехии. Его работы «Всеобщая эстетика» (1875) и «Поэтика как эстетика поэтического искусства» носят синтезирующий характер. Автор делает акцент на форме и структуре как двух важнейших факторов при анализе художественного произведения.

Следующим этапом в формировании доструктуралистической мысли были деятельность Чешской Модерны и одного из ее активных участников и соавторов манифеста 1895 года Ф.Кс. Шальды. Конец XIX века знаменуется активным проникновением в чешскую литературу модернистских тенденций, пристальным вниманием к внутреннему миру человека, психологии его поступков. Акцент с проблематики общенационального окончательно смещается в область индивидуального. Можно сказать, что манифест Чешской Модерны письменно закрепил этот общий для чешской культуры мировоззренческий сдвиг, провозгласив «превыше всего индивидуальность» и требуя: «будь самим собой и только собой!» Соответственно, новые тенденции в искусстве привносили новые способы подачи материала, а модернистские течения и во все требовали экспериментирования с формой (что было частью смыслового замысла). Все это меняет взгляд на форму, обнаруживая способность традиционно формальных элементов нести смысловую нагрузку.

В плоскости общих вопросов эстетики и искусства развитие этих тенденций можно проследить в работах О. Гостинского и его ученика О. Зиха.

В своих исследованиях Гостинский во многом приблизился к выводам, к которым позже пришли пражские структуристи, а именно: к понятию функциональности и к концепции единства художественного произведения, взаимосвязи всех его элементов. Например, в статье «О художественном реализме» (1890) свое понимание реализма Гостинский

выводит на примере двух эстетических категорий: прекрасного и правдивости. Что есть цель искусства: стремление к достижению абсолютной красоты или правдивое изображение действительности в ущерб прекрасному? Долгое время в искусстве категория прекрасного была наивысшей целью художника и правда воспринималась как «разрушительница красоты». Но если это так, рассуждает Гостинский, то и красоту можно воспринимать как «разрушительницу правды». Поэтому он настаивает на мнении, что нет превосходства идеалистического произведения над реалистическим, что художник должен выбрать те художественные средства, которые требуются для наилучшего разрешения поставленной им перед собой художественной задачи. Из всех факторов, влияющих на этот выбор, наиважнейший – это сам характер изображаемого предмета. И в этом заявлении видится принципиально новая тенденция – смещение внимания с личности автора, с внешней действительности на внутреннюю смысловую направленность произведения (позднее Я. Мукаржовский назовет это смысловым жестом и подробно разработает этот термин). Этот подход вылился в идею об имманентном развитии литературы, во внимание к внутреннему строению отдельного произведения.

О. Зих, как и его учитель Гостинский, выбрал предметом своего наиболее пристального научного внимания область драматургии и музыки. В начале своего научного пути Зих был сторонником психологической эстетики, однако постепенно он приходит к выводу, что объективные свойства художественного произведения не зависят от индивидуальной психологии. В последнем большом труде «Эстетика драматического искусства» он пытается постичь объективные законы построения драмы, увидеть ее как некое художественное единство всех факторов, влияющих на ее эстетическое восприятие.

Несомненно, для той научной высоты, которая была достигнута чешскими структуралистами в 30–40-е гг. XX в., влияния национальных исследователей в области теории искусства было недостаточно, и огромную роль в становлении структуралистической концепции Пражского лингвистического кружка сыграли работы женевского лингвиста Ф. де Соссюра, а также деятелей русской формальной школы. Но связь пражцев с национальной культурой и научной традицией огромна. Несомненно, данный период, который можно назвать преструктурализмом, требует пристального научного внимания, детального изучения для понимания специфики такого крупного явления, как чешский структурализм.

Фолина М. (Москва). ТИПЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИЛАНА КУНДЕРЫ «КНИГА СМЕХА И ЗАБВЕНИЯ», «НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ» И ЙОЗЕФА ШКВОРЕЦКОГО «ЧУДО», «ИСТОРИЯ ИНЖЕНЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»

Эмигрантская литература составляет одну из трех ветвей чешской литературы 70–80-х годов XX века наряду с литературой официальной и самиздатовской. Она включает в себя огромное количество произведений, разнообразных по тематике, поэтике и, конечно же, степени таланта авторов.

Наиболее выдающимися фигурами в чешской эмигрантской литературе являются известные как в Чехии, так и за ее пределами, Йозеф Шкворецкий, основавший в Канаде издательство «Сиксти-ейт Паблишерс», и Милан Кундера, живущий во Франции. В рамках данного выступления остановимся на рассмотрении типов персонажей лишь четырех романов этих писателей: «Чудо» (1972), «История инженера человеческих душ» (1977) Йозефа Шкворецкого и «Книга смеха и забвения» (1979), «Невыносимая легкость бытия» (1984) Милана Кундера.

Поэтика романов Кундера и Шкворецкого различна. Романы Кундера философичны, изображение реальной действительности соединяется в них с элементами фантастики. По сути, они представляют собой своеобразные миры, подчиненные определенным законам и принципам. Это – ни в коем случае не точное отображение действительности (общества, времени, исторических событий) и не индивидуалистический мир романа-исповеди, дневника. Это мир романного повествования, рожденного воображением автора, который ведет игру с читателем и наслаждается этим.

Произведения Шкворецкого в большей степени приближены к реальности. В связи с их поэтикой можно даже говорить об элементах автобиографизма. Особенностью стиля писателя является также сатирическое изображение действительности. Представляется интересным выявить, каким же образом различие творческих установок Шкворецкого и Кундера проявляется в подходе к созданию персонажей их произведений?

Всех героев названных романов Кундера можно разделить на три типа. К первому относятся реальные исторические фигуры, которые описываются с почти документальной точностью – будь то Готтвальд или Кафка («Книга смеха и забвения»), Бетховен, Сталин или Грубин («Невыносимая легкость бытия»). Способ, каким эти персонажи вводятся в повествование, можно было бы сравнить с исторической справкой. «Некоторые в отчаянии спасались от благосклонности режима, пытавшегося одарить их почестями и тем самым принудить встать на сторону новых правителей. Так, спасаясь от любви партии, умер поэт Франтишек Грубин. Министр культуры, от которого он отчаянно скрывался, настиг его уже лежавшим в гробу. Он произнес речь о его любви к Со-

ветскому Союзу. Возможно, этой нелепостью он хотел воскресить Грубина. Но мир был столь омерзителен, что никому не хотелось вставать из мертвых»¹.

Эти образы появляются на втором, если не на третьем, плане и либо помогают Кундере вписать романное действие в общеевропейский контекст, представляя собой своего рода достоверный фон повествования, либо способствуют выявлению и оживлению авторских идей и рассуждений.

Ко второму типу относятся вымышленные герои. Каждый из персонажей воплощает в себе ту или иную авторскую идею или служит развитию сюжета. Они подчеркнуто подчинены прихотливому настроению писателя-творца. Так, например, в «Невыносимой легкости бытия» Кундера одного из коллег, случайно встреченного на улице, обозначает буквой С, не считая нужным дать ему имя (следует заметить, что писатель так поступает со многими персонажами и в других произведениях). Персонаж этот появляется в повествовании только для того, чтобы дополнить выдуманную писателем ситуацию, просто как деталь обстановки, и навсегда исчезает с окончанием эпизода.

«Проходные» образы у романиста, естественно, более схематичны, чем главные герои, процесс создания-выдумывания которых автор, Впрочем, тоже не скрывает: «Противоположность “тяжесть – легкость” есть самая загадочная и самая многозначительная из всех противоположностей. Я думаю о Томаше уже много лет, но лишь в свете этих раздумий увидел его явственно. Увидел, как он стоит у окна своей квартиры, смотрит вверх двора на стены супротивного дома и не знает, что делать»².

К третьей категории можно отнести один-единственный образ – лирическое «Я» романиста, – появляющийся в большей или в меньшей степени почти во всех его произведениях. Писатель по фамилии Кундера, эмигрировавший во Францию, живет, мыслит, придумывает, а подчас и действует на страницах «своих» романов наравне с вымышленными персонажами. Таким образом, Кундера намеренно обнажает процесс создания произведения, как бы приглашая читателя поразмышлять вместе с ним. Можно сказать, что для романиста сюжет представляет собой лишь отправную точку романских рефлексий, основной задачей которых является исследование жизни.

В отличие от Кундеры вымышленные герои Й. Шкворецкого приближены к реальности. Не случайно, главный герой большинства его произведений – Данни Смиржицкий – наделен многими автобиографическими чертами. Действие романов Шкворецкого происходит в маленьком вымышленном городке Костелец, в котором легко угадывается родной город писателя Наход, а биография героя похожа на биографию Шкворецкого. Как и его создатель Данни увлекается джазом, после войны заканчивает университет, занимается преподавательской, затем писательской деятельностью, а после 21 августа 1968 года оказывается в

эмиграции. Однако Данни – отнюдь не копия автора, а лишь одна из его возможностей. Схожими приемами писатель пользуется и при создании других персонажей, беря за основу реально существовавшую личность, переименовывая ее и заставляя жить, действовать в своих произведениях согласно собственному усмотрению. Так, например, в поэте Недожиле легко узнается Ярослав Сейферт, а в «радикальном драматурге» Гейле – Вацлав Гавел. Остальные образы можно назвать собирательными, но в то же время они наделены характерными чертами, из-за чего современники писателя часто обижались (из-за ироничной манеры подачи героев и событий, свойственной Шкворецкому), узнавая то в одном, то в другом самих себя.

Различие типов персонажей у Кундеры и Шкворецкого неразрывно связано с внутренними установками каждого из писателей. Одно из главных, по нашему мнению, различий между ними состоит в том, что Шкворецкий пытается создать в своих произведениях иллюзию максимальной правдоподобности художественного мира. Он, несмотря на сатирический, а порой и шаржированный способ изображения, не нарушает рамок достоверности; изображая окружающую его действительность, он пытается ее осмыслить. Кундера же не только не стремится скрыть иллюзорность, выдуманность своих произведений, но всячески ее подчеркивает, предоставляя читателю возможность наслаждаться игрой его воображения.

Установки, стиль, тематика, типы персонажей этих двух выдающихся писателей разные, но они сходятся в главном: в том, что Кундера в одном из своих произведений обозначил как цель романа – поставить перед читателем какой-то вопрос, заставить людей задуматься. Благодаря высокому художественному мастерству, это им удается, что и позволило Кундере и Шкворецкому получить признание не только чешской, но и международной читательской общественности.

Л и т е р а т у р а

1. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. Иностранная литература. 6.5, 1992. С. 102.
2. Там же. С. 6.

Шведова Н.В. (Москва). «КОРНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ПОГРУЖЕННЫЕ ГЛУБОКО В ПРОПАСТЬ СНА» (НАДРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВЛАДИМИРА РАЙСЕЛА)

Р.Р. Кузнецова много сил отдавала пропаганде чешской и словацкой литератур, поддержанию живых связей между деятелями культуры и науки. В бытность свою студентами и аспирантами мы неоднократно встречались на факультете с чешскими и словацкими писателями. Вела встречи Раиса Романовна. Гостем одного из мероприятий был словацкий поэт Владимир Райсел (Рейсел), в те годы – главный редактор жур-

нала «Словенске погляды». Не самый значительный литератор послевоенных лет, он в конце 30-х–40-е годы проявил себя незаурядным талантом в русле словацкого сюрреализма (надреализма). Теоретик надреализма М. Бакосх справедливо писал: «Четыре надреалистические книги Владимира Райсела, в которых он весьма эффективно помогал намечать путь развития надреализма, являются его важнейшим вкладом, с которым он ярко вписался в историю современной словацкой поэзии». [1. s. 136]

В. Райсел (р. 1919) рано определил свои приоритеты в поэзии и следовал им в собственном творчестве, переводах, литературоведческих работах. В словацкой поэзии он продолжал линию надреалиста Р. Фабри. В 1938 г. словацкий сюрреализм оформляется как движение, в 1939 г. получает свое «славянское» название. Из европейской поэзии на Райсела прежде всего воздействовали французская поэзия и чешский поэт В. Незвал. Словацкий поэт переводил Рембо, Аполлинера, Бретона, Супо, Элюара и др.

В 1939 г. вышел книжный дебют Райсела (третья книга надреализма), «Я вижу все дни и ночи». Его доминирующие темы – любовь и детство. Молодой поэт воспринимает окружающий мир как жестокий, несущий страдание и смерть. Любовь – это противоречивое, загадочное чувство, мучительно-прекрасное. В отличие от традиционной словацкой лирики, любовь у Райсела – телесная, чувственная, любовь-греза. Звучит в сборнике и тема поэзии. Райсел подчеркивает новизну и путеводность надреализма. Часто встречается у поэта образ сна. Райсел культивирует свободный стих без пунктуации, любит анафору.

Второй сборник, «Темная венера», составили стихи 1938–1940 гг., но вышел он только в 1967 г. Здесь почти безраздельно властвуют эротические мотивы, по-прежнему сопряженные как с наслаждением, так и с мучением, изобилующие образами печали, тревоги, насилия, смерти, конца света. Постоянный поэтический объект – тело женщины. Часто стихотворения строятся как обращение к любимой. У Райсела есть место и раздумьям о судьбе, жизни и смерти. Строкой из стихотворения названо данное сообщение. [2. s. 218] Эротические сны – преломление реальности, причем всеобъемлющей. Поэт становится первооткрывателем неизвестного. Кроме сплетения мотивов (упоение – тревога, эротика – судьба), для стихотворений цикла характерны эффектные начала и концовки.

Поэма «Нереальный город» (1943) стала второй опубликованной книгой Райсела. Написанная в свободной монтажной технике, поэма все же содержит законченную сюжетную линию: путешествие героя в осенне-зимнюю Прагу, прогулки по городу и отъезд, связанный с концом любовной истории. Райсел подчеркивает рефреном чувство ностальгии. Переживания героя просты и понятны: воспоминания, нынешние впечатления, любовь, неизбежность разлуки. Образность в поэме порой необычна, порой более традиционна.

Последняя книга надреалистического периода у Райсела – «Зеркало и за зеркалом» (1945). В ней собраны любовные стихи и антивоенный цикл. Хрупкая любовная лирика порой напоминает импрессионизм. Стихи второй части воссоздают ужасы войны, как у Р. Фабри или П. Горова. «Ты хотел услышать человеческий голос // И смерть откликается» («Огонь»). [2. s. 327] К концу книги стихи становятся ясными и лаконичными. Лирический герой однозначно приветствует перемены, связанные с освобождением, мечтает о новом, революционном мире.

На этой волне становится понятным и вполне естественным переход Райсела (и других надреалистов) в стан певцов социалистических преобразований в 50-е гг. Как и французские сюрреалисты и Незвал, поэты относились к левому движению, и им не понадобилось ломать мировоззрение в годы перемен. По-другому было с поэтикой. Надреализм как бы самоликвидировался. Важно подчеркнуть искренность, неконъюнктурность перехода на новые рельсы, о чем говорили ведущие словацкие ученые М. Томчик и М. Бакош. [1. s. 126-127] К 60-м годам эйфория рассеивается, наступает этап сложного возвращения к самим себе, к творческим истокам. Райсел в послевоенные годы публикует много сборников, в том числе и ранние произведения. Наиболее заметный его вклад в литературу состоялся, однако, в пору надреализма. Тогда его творчество было действительно новым словом, оригинальным по звучанию.

Надреалистические произведения В. Райсела обогатили национальную поэзию достижениями высокого уровня, представили словацкий вариант общемирового сюрреалистического направления, который у Райсела был отмечен неповторимыми нюансами: яркой эротичностью, тонкостью переживаний, причудливой, но не шокирующей образностью.

Л и т е р а т у р а

1. *Bakoš M. Avantgarda 38.* Bratislava, 1969.
2. *Reisel V. Temné noci rozkoše.* Bratislava, 1989.

Шерлаимова С.А. (Москва). ЧЕХИ – «НАЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ»

Язык – неотъемлемое достояние и отличительный признак каждой нации, важнейшая составляющая его культуры. Безграничная любовь к родному языку питала великих поэтов разных времен и народов. Вспомним вдохновенные строки о русском языке Ломоносова, Тургенева, Ахматовой. И все же совершенно особое значение родной язык имеет для так называемых малых народов, зачастую вынужденных отстаивать его перед мощным натиском иноязычных завоевателей. Таков был удел чешского языка в пределах Австрийской империи. Если в гуситскую пору, открывшую эпоху европейской реформации, он свободно развивался в сочинениях Петра Хельчицкого, позднее – Яна Амоса Ко-

менского, то после поражения на Белой горе (1620), когда Чехия утратила свою государственность, подверглась усиленной рекатолизации и германизации; под угрозой было поставлено само существование чешского языка, на долю которого осталась лишь функция коммуникации деревенских жителей и городских низов.

Чешское национальное возрождение в конце XVIII века началось прежде всего с возрождения чешского литературного языка. Идеолог национально-освободительного движения, будущий первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик в своем программном труде «Чешский вопрос» (1895) писал: «Это была нелегкая задача – веками не развивавшийся язык ввести в мир современного мышления: поэтому в научных трудах еще долго использовали язык немецкий. Дело обстояло так, что немецкий язык стремились вытеснить с его же помощью. Ведь еще Коллар свое главное сочинение написал по-немецки, в случае Добровского это даже само собой разумеется; Шафарик по-немецки написал историю славянской литературы, да и Палацкий свою историю (Чехии – *С. III.*) первоначально издал тоже на немецком языке.

Благодаря усилиям, прилагаемым нами к совершенствованию своего языка, мы стали народом «филологическим»...¹

Разумеется, «филологическим» в определенном смысле можно было бы назвать любой народ, у Масарика это выражение – скорее метафора, но она подчеркивает важную историческую особенность судеб чешского языка.

Современный чешский исследователь эпохи национального возрождения Владимир Мацура уже после «бархатной революции» убежденно говорил: «Язык был у нас всегда чем-то большим, нежели просто инструментом общения, он превратился прямо-таки в предмет поклонения, в сакральный объект, в завет наших предков»².

В первой половине XIX века Карел Гинек Маха – в поэзии. Божена Немцова – в прозе, Карел Гавличек-Боровский – в сатире, литературной критике и журналистике не только создали замечательные произведения на родном языке, но фактически заложили прочную базу для всего дальнейшего развития и расцвета чешской литературы. И тем не менее судьба чешского языка еще долгое время оставалась весьма драматичной.

Губерт Гордон Шауэр в 1886 г. опубликовал статью «Наши два вопроса», в которой, не без горечи, выразил сомнение: стоило ли чехам прилагать огромные усилия для сохранения родного языка, когда, может быть, не противясь использованию немецкого языка во всех областях человеческого общения, усилия эти надо было направить на развитие промышленности и цивилизации. Чешский народ перестал бы говорить по-чешски, но в других сферах мог бы добиться больших успехов. Эта концепция вызвала множество возражений. Тем не менее, идеи Шауэра порой повторялись и позже, в XX веке, хотя вся новейшая ис-

тория чешской литературы и других наук, не только гуманитарных, их опровергает.

Отголоски давнего спора слышались в знаменитой речи Милана Кундеры на IV съезде Союза чехословацких писателей (1967), где талантливый романист говорил: «Для чехов ничто и никогда не было самоочевидной данностью, ни их язык, ни их европейскость. Ведь и эта их принадлежность к Европе есть вечное «или – или»: позволить ли чешскому языку опуститься на уровень простого европейского диалекта, а чешской культуре – на уровень европейского фольклора, или быть одним из полноценных европейских народов со всем, что это означает.

Только вторая альтернатива дает гарантию подлинной жизни, но она необычайно трудна для народа, который все XIX столетие вынужден был отдавать большую часть своей энергии на построение основ: от средней школы до научного словаря. И все же уже в начале XIX века и, особенно, в период между двумя войнами, происходит расцвет чешской культуры, без сомнения, до сих пор самый яркий в нашей истории. На небольшом пространстве каких-нибудь двадцати лет работает бок о бок целая плеяда гениальных людей, которые за невероятно короткое время впервые с эпохи Коменского поднимают чешскую культуру во всей ее самобытности снова на европейские вершины»³.

В XX веке положение чешского литературного языка настолько упрочилось, что писатели, не опасаясь нанести ему урон, стали смело обогащать его элементами народной речи, диалектов, городских жаргонизмов. Достаточно назвать Ярослава Гашека и его бравого солдата Швейка. Чешские авангардисты смело экспериментировали с поэтическим языком, с ритмикой, ассонансами и аллитерациями, хотя самый талантливый из них – Витезслав Незвал писал:

*Когда я счастлив,
Я говорю просто...*

К концу прошлого века лингвистические упражнения и игры получили особенно широкое распространение, тем более – с приходом постмодернизма. В качестве примера можно привести трилогию Владимира Неффа «У королей не бывает ног», где герои времен Тридцатилетней войны употребляют в своей речи слова и выражения из современного студенческого жаргона.

Постмодернизм, на целое десятилетие утвердившийся в чешской прозе после «бархатной революции», принес с собой соединение самых различных жанровых приемов, интертекстуализм, новые лингвистические эксперименты.

Своеобразный рекорд в сфере языковых опытов и игры принадлежит первому роману «Сестра» (1994) Иахима Топола. Этот роман посвящен жизни и метаниям чешской молодежи в последнее лето перед ноябрьскими событиями 1989 г. и первые годы постсоциалистической Чехословакии. При этом – с точки зрения языка – автор совершенно

свободно обращается со всеми грамматическими нормами, употребляет слова из молодежного жаргона, из разных иностранных языков – вплоть до вьетнамского, по собственному усмотрению употребляет заглавные буквы и т.п.

«Сестра» имела успех у читателей и критики, по моему мнению, прежде всего благодаря новизне и актуальности содержания, живописной передаче сложной ситуации, в которой оказалась чешская молодежь в трудное переломное время. Критики хвалили и языковую виртуозность Топола. Так. Любомир Махала в монографии о посленоябрьской чешской прозе, перечислив составляющие языковые элементы «Сестры», делает вывод, что: «...речь Топола (*канатчина, суровая поствавилонщина, мегаречь* – как он сам ее называет) производит очень динамичное впечатление, свободно, выразительно характеризует взбаламученный период после первичного *взрыва времени*»⁴. Замечу, что книга была переведена на многие иностранные языки. Представляется, однако, что Топол в своих языковых экспериментах зашел слишком далеко: роман, при всей интересности его материала и остроте постановки животрепещущих вопросов жизни молодого поколения, читается очень трудно именно из-за переусложненности его языка. Мне кажется, что с течением времени в этом убедилась не только критика, но и сам писатель, ибо в последующих своих произведениях – «Ангел» (1997) и «Ночная работа» (2001) он обращается с языком гораздо бережнее и осторожнее, что, на мой взгляд, идет ему на пользу.

В заключение я хотела бы подчеркнуть, что никакой постмодернизм и прочие новации не умалили давнюю любовь чехов к своему отвоєванному и трудами многих поколений усовершенствованному родному языку. В подтверждение можно привести слова того же Топола из романа «Сестры», свидетельствующие о его приверженности национальной культуре, трепетной любви к родной речи: «По стечению обстоятельств я употребляю язык славян, чехов, рабов, бывших немецких и русских рабов. Это собачий язык. Хитрый пес знает, как выжить и какую цену за это заплатить. Он знает, когда надо сжаться, когда – уйти с дороги, а когда укунить – все есть в его языке. Это язык, который должен был быть уничтожен, его время еще не пришло, да и не придет. Его выдумали стихоплеты, на нем говорили кучера и прислуги. И все это в нем есть, он развил все свои связки, провалы, всех своих змеешей. Это язык, на котором зачастую можно было только перешептываться. Он мягкий и крутой, но существуют в нем добрые слова любви, я думаю, что это язык быстрый и гибкий и в нем все время что-то происходит. Этот мой язык не смогли уничтожить ни авары, ни сожжения на костре, ни танки, ни отвратительнейший человеческий вид – трусливые учителя, его погубят деньги изменившегося мира. Но у меня еще есть время, как говорил варвар Тотилла в свою самую трудную минуту, перед боем. Перед тем, как его погубили».

Чешский язык, который отстояли и усовершенствовали замечательные чешские писатели, продолжает развиваться – вопреки всем кризисам и трудностям, продолжает развиваться и чешская литература. Можно быть оптимистами.

Л и т е р а т у р а

1. *Masaryk T.G.* Česká otázka. Praha, 1990. S. 16.
2. *Macura V.* Masarykovy boty a jiné semi(o)fejetony. Praha, 1993. S.21.
3. IV sjezd Svazu československých spisovatelů. Praha, 1968. S. 4-24.
4. *Machala L.* Literární bludiště. Praha, 2001. S. 68

Шешкен А.Г. (Москва). ПРОБЛЕМА «УСКОРЕННОСТИ» ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУР)

Явление «замедленности» / «ускоренности» развития отдельных славянских литератур связана с исторической судьбой народов, процессом их вовлечения в европейское культурное пространство.

История македонской и белорусской литератур имеет ряд общих особенностей, которые позволяют сделать важные выводы относительно пути формирования искусства слова у народов, долгое время не имевших возможности беспрепятственно развивать национальную культуру. Так, принятие христианства в IX в. в македонских и в X в. белорусских землях обусловило бурное развитие средневековой литературы на (старо) церковнославянском языке. Отсутствие государственности и ассимиляторская политика в отношении белорусского и македонского этносов (особенно на протяжении XIX – начала XX вв.) препятствовали процессу формирования национальных языков и литератур. Становление современной белорусской литературы происходит на рубеже XIX-XX вв., затем после обретения белорусами государственности (1918, в составе СССР) нация получает возможность для всестороннего культурного развития. Македонская литература начинает свободно развиваться после создания республики Македония (в составе СФРЮ) и предоставления македонскому языку статуса государственного языка (1945).

Основную роль в сохранении национальной самобытности и родного слова сыграл фольклор. Глубокое знание устного народного творчества, использование выразительных средств народной поэзии характерно для писателей периода становления национальной литературы. Широкая опора на фольклор свойственна белорусским (Я. Купала, Я. Колас) и македонским (К. Рацин, К. Неделковски) авторам. Эта типологическая для периода национального Возрождения черта, однако, проявляется не в романтическом типе творчества, а имеет другую эстетическую основу.

Фундамент белорусской и македонской литератур закладывали писатели демократической ориентации, и это повлияло на тематику и проблематику их произведений. Но еще более значимым является то, что литература не может не быть созвучной своему времени, и ее связь с эпохой актуализируется в переломные моменты общественного развития. Произведения белорусских (Я. Купала, Я. Колас и др.) и македонских авторов наполнены идеями социального протеста. Кочо Рацин не только первый национальный македонский поэт, но и представитель пролетарской литературы, в творчестве которого звучит решительное «нет» социальной несправедливости, эксплуатации человека труда, призыв к борьбе за «светлое завтра».

При этом обе славянские литературы включились в контекст близкородственных (русской и югославских) литератур и – шире – европейской литературы, отнюдь не повторяя в ускоренном темпе все «пропущенные этапы»: они сразу «присоединяются» к нему, чтобы далее развиваться «наравне». Молодые литературы начинают жить как явление самобытное, одновременно «перерабатывая» и усваивая предшествующий мировой художественный опыт. Из богатой сокровищницы мирового искусства слова они усваивают то, что наиболее соответствует их внутренним задачам.

Белорусская литература рубежа XIX-XX вв. проявляет интерес к опыту демократического течения русской литературы (Некрасов), а также литературы пролетарской. Однако ей необходимо развивать поэтический язык и жанровую систему. Белорусские поэты рубежа XIX-XX вв. с успехом опираются на русский и европейский символизм, переносят на национальную почву его опыт (М. Богданович).

После Второй мировой войны культура Македонии, как и культура других славянских народов, развивалась в условиях господства эстетики социалистического реализма. На молодом языке создаются произведения типологически родственные тем, которые в эти же годы появляются в литературах с богатыми традициями (русской, польской, чешской и т.д.). Поэма «Мост» (1945) Б. Конеского стала одним из наиболее ярких литературных памятников революционной эпохи в Македонии, произведением, воспевающим подвиг народа, победившего врага и строящего свободную жизнь. Поэма демонстрирует глубокое освоение писателем выразительных средств фольклора и русской лирики революционной эпохи (В. Маяковский).

Интенсивному, «ускоренному» развитию национального искусства слова всемерно способствовал бурно развивающийся процесс взаимодействия с другими литературами. Особую роль в этом процессе сыграл художественный перевод. Скромный собственный художественный опыт исследуемых литератур как бы компенсировался за счет органического усвоения «чужой» литературной традиции. Этот культурный синтез стал проявлением подъема национального самосознания македонского и белорусского народов, раскрепощения их творческих сил, под-

нимавшихся из глубин народной жизни. Именно он помог белорусской и македонской литературам в короткий срок создать национальную словесность современного типа.

Широкова Л. (Москва). СЛОВАЦКАЯ «МОЛОДАЯ ПРОЗА» 1960-Х ГГ. ТЕНДЕНЦИИ И ЛИЦА

В развитии словацкой прозы XX века можно наблюдать определенную цикличность, связанную, на наш взгляд, не столько с собственно литературными процессами смены направлений, видоизменения жанров и проч., сколько с воздействием на литературу, да и на всю духовную жизнь общества идеологии в том или ином ее воплощении. Усиление давления идеологии, обострение социальных, национальных или политических проблем опосредованно, но неизбежно приводило к возникновению литературы социально-критической направленности, тяготеющей к реализму в изображении более или менее объективно представляемой действительности. Эту тенденцию можно проследить на примере произведений, появившихся и в начале века, и в 1950-е гг., и позднее, в годы политической «нормализации». Ослабление же идеологического момента, идейное «дробление» общества вело к плюрализму и в культуре. В такие периоды – а это и межвоенное двадцатилетие, и вторая половина 60-х гг. – литература обретала иную оптику, центром ее исследования становился субъект, самоценная человеческая личность со своим индивидуальным мировосприятием.

С этой точки зрения можно рассматривать и литературный феномен, который принято называть «молодая проза 60-х» или – по отношению к литературе в целом, а не только к прозе – «поколение "Младой творбы"» (по названию журнала). Молодые поэты и прозаики входили в словацкую литературу со второй половины 50-х – начала 60-х гг., когда в ней еще преобладал метод социалистического реализма, воплощавшийся в произведениях таких крупных писателей, как Ф. Гечко, В. Минач, Р. Яшик, А. Беднар и др. Первые книги молодых стали своего рода внутренней литературной полемикой, творческим спором поколений, обладавших разным жизненным опытом, восприятием современной действительности, пониманием предназначения писательской работы. Определенное воздействие на молодых прозаиков оказало и ставшее возможным в условиях политической «оттепели» знакомство с образцами западной литературы, в которых они находили не только «модную» форму, но и отвечающие их собственным ощущениям зонды в психологию современника. Так, в дебюте Р. Слободы «Нарцисс» (1965) переживания молодого героя, оказавшегося в чуждой среде и безуспешно пытающегося выйти из внутреннего тупика несут на себе определенную печать экзистенциализма. Я. Йоганидес в книгах «Частная жизнь» (1963), «Сущность каменоломни» (1965), «Нет» (1966), да и в дальнейшем своем творчестве, близок к стилистике «нового романа». Дань

форме «нового романа» в сочетании с элементами фантасмагории и абсурда отдал П. Ярош в новеллах «Ужас» (1965), «Весь» (1966), «Паломничество к неподвижности» (1967) и др. Своего рода феминистический экспрессионизм свойствен прозе Я. Блажковой, героини которой чувствуют и действуют вне всяких «мещанских» шаблонов («Нейлоновый месяц», 1961; «Ягнята и гранды», 1963).

Молодые писатели, отталкиваясь от социалистического реализма с его классовой ангажированностью, масштабностью охвата действительности в ущерб человеческой индивидуальности, осознанно или интуитивно возвращались к некоторым традициям литературы межвоенного периода, представленным, прежде всего, экспрессионизмом (М. Урбан, Я. Грушовский, И. Горват и др.) и натуразмом (Д. Хробак, М. Фигули, Ф. Швантнер, Л. Ондрейов).

Эти традиции национальной литературы продолжил и развил в своем творчестве один из ярких представителей поколения «молодой прозы 60-х» Винцент Шикула (1936–2001). Уже в первых его книгах, опубликованных в 1964 г. – сборниках рассказов «Не аплодируйте на концертах» и «Может, я построю себе бунгало» зазвучали проникновенные ноты человеческого сострадания, внутренней неудовлетворенности, осознания несовершенства мира и неповторимой ценности каждой личности. Герой Шикулы, нередко наделенный автобиографическими чертами, бескорыстен и открыт для окружающих, и вместе с тем ему недостает человеческого общения, он тяготится одиночеством: «Я крикнул на всю деревню, никто не отзывается. Лишь дорога, о которой в песне поется, вьется передо мной, словно девичья коса...» («Танцуй»).

Герой новеллы «С Розаркой» (1966), искренне любящий свою сестру-инвалида, не может остаться с ней в ее мире вечного детства и страдает от чувства вины. В этой новелле Шикула впервые использовал особый композиционный прием, который с успехом применял и в других произведениях – нанизываемые на основную фабулу «истории», «случаи», авторские отступления, придающие повествованию большую объемность и экспрессивность.

Еще более усложняется композиция следующей книги писателя – повести «Не на каждом пригорке трактиры стоят» (1966). Она состоит из отдельных главков-рассказов, героями которых выступают то одинокий пожилой сельчанин Шимон, то бродяги Гейгеш и Круйбель, то мальчик Винцо (персонаж с элементами автобиографизма). Автор словно проникает под неприглядную внешнюю оболочку своих героев и показывает их истинное лицо, исполненный человечности и лиризма внутренний мир.

Последняя из опубликованных Шикулой в 1960-е гг. книга – сборник рассказов и повестей «Воздух» (1968). Разные по объему и сюжету произведения объединяют не только место действия – западнословацкая деревня -, но и некоторые «сквозные» персонажи, и соперничающий им

чуткий и внимательный герой-рассказчик, лишь иногда уступающий свою функцию «объективизированному» повествователю от 3-го лица.

В. Шикла на протяжении всей творческой жизни находился в поле исканий словацкой литературы своего времени. Он ощущал свое поколенческое и духовное родство со сверстниками – поэтами и писателями. Соратникам по перу посвящено его стихотворение «Поколение» (1983, сборник «Из дома на холме»), обращенное к друзьям юности. В нем автору удалось создать динамичный, эмоционально насыщенный образ времени и поколения:

*Кирпич, цемент, железо и руда
гул и хлеб замешанный на желчи
с желчью мы думали о железе, алюминии
и о северных летах¹
о Йоганидесах и вечерних сказках о птицах:
Ворона на ветке, где мои детки, а где наша над...
А Рудо Слобода: Высоко летит птица
а я люблю свой виноградник и деда.
...
Смотри, как лью дождем!
Смотри, как горю огнем!
Смотри, как падаю снегом!*

Творческие и личные судьбы этих писателей складывались по-разному, но именно они во многом определили дальнейшее развитие словацкой литературы.

Примечания:

1. «Северное лето» – поэтическая композиция Л. Фелдека из сборника «Единственный соленый отчий дом» (1961) и далее – аллюзии на произведения Я. Йоганидеса «Непризнанные вороны» (1978) и Р. Слободы «Вечерний вопрос к птице» (1977)

Штакельберг Н.В. (Санкт-Петербург). ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РОМАНЕ Я. ТОПОЛА «СЕСТРА»

Пространство и время являются важнейшими категориями любого литературного произведения. Роман чешского писателя Яхима Топола – не исключение.

География художественного мира романа охватывает, прежде всего, Прагу – топоним, играющий важнейшую роль в развитии сюжета (Прага – точка из которой начинают свое движение герои романа и в которой они его заканчивают). Кроме того, география романа простирается практически на всю территорию Чехии. При этом автор не использует других топонимов и не приводит практически никакого конкретного описания местности, по которой странствуют герои. Помимо Праги обращают на себя внимание

два безымянных поселения: первое, в котором живет семья Давида, и второе, в котором расходятся пути главного героя Потока и его возлюбленной.

Помимо Праги в романе присутствует образ Берлина. Однако Берлин фигурирует лишь в воспоминаниях второстепенных героев и не входит в основную географию романа.

Основная география романа связана непосредственно с перемещениями главного героя Потока. Ее можно условно разделить на две части: часть, связанная с пребыванием Потока в Праге, которое дается в рамках первой сюжетной линии, и вторая часть, представленная в рамках пространственно-временного комплекса дороги, составляющая также вторую сюжетную линию. Сюда относятся странствия Потока и Черны по лесам и мелким поселениям, затем индивидуальные странствия героя и его возвращение в Прагу.

Пространство в романе крайне локализовано – точкой отсчета является главный герой. В связи с этим время в художественном мире «Сестры» также является крайне субъективной категорией. Течение времени воссоздано в романе с точки зрения главного героя, само повествование ведется в *ich*-форме. Время является важнейшим фактором при описании пространства. Это, прежде всего, связано с постоянным противопоставлением Потоком времени повествования на до и после «взрыва времени», при этом «взрыв времени и языка» приходится на 1989 год, в самом деле, явившийся переломным для чешской истории и культуры.

После так называемого «взрыва времени» герой ощущает время как нечто «осколочное», тогда, как целое время в восприятии героя обладает материальными характеристиками, как то: цветом, вкусом формой. Одной из своих важнейших жизненных целей герой видит сохранение «осколков времени», что служит основой ретроспективной композиции романа. Герой собирает воспоминания и выстраивает их в субъективном хронологическом порядке. В связи с этим временная ось романа не содержит плана настоящего, а только план прошлого, к которому относится история жизни Потока, рассказанная им самим, а также биографические ретроспекции, к которым относятся повествовательные фрагменты, связанные с прошлым главных героев, а также первая группа снов, посвященная прошлому второстепенных героев. Крайней субъективностью времени и пространства в романе также объясняется постоянное проникновение Потока в пространства других героев или тот факт, что многие сны героев являются смежными. Единственный герой, о прошлом которого существуют хоть какие-то сведения, – это Поток. Все прочие персонажи начинают свое движение в романе с момента встречи с главным героем и пропадают из действия романа синхронно с тем, как скрываются из поля зрения Потока. В связи с этим никакого различия в течении времени для героев романа не существует, тем более что роман является рассказом Потока о событиях, очевидцем которых он является и, следовательно, единственным временем в романе является время главного героя и рассказчика.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ананьева Н.Е. (Москва). Оппозиция «ДУША–ТЕЛО» В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....</i>	3
<i>Ацаркина Т.А. (Москва). ТЕКСТ – ПЕРЕВОДЧИК – ЧИТАТЕЛЬ.....</i>	6
<i>Белуsoва В.В. (Москва). «ПОИСКОВЫЕ СЛОВА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....</i>	8
<i>Васильева В.Ф. (Москва). ЧАСТЕРЕЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ.....</i>	10
<i>Изотов А.И. (Москва). ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК: НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РАБОТА А.Г. ШИРОКОВОЙ.....</i>	13
<i>Каменькова Ю.А. (Москва). ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА).....</i>	14
<i>Кулиметьева О. (Москва). К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....</i>	17
<i>Кульпина В.Г. (Москва). К ВОПРОСУ О МЕСТОИМЕНИЯХ КАК СРЕДСТВЕ СУБСТИТУЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ.....</i>	21
<i>Лилич Г.А. (Санкт-Петербург). НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕДУЩЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ БОГЕМИСТЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ.....</i>	23
<i>Лифанов К.В. (Москва). ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....</i>	25
<i>Маслова А.Ю. (Саранск). ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ / ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ И СЕРЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....</i>	28
<i>Мельниченко М.О. (Санкт-Петербург). У ИСТОКОВ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ФОНЕТИКИ.....</i>	30
<i>Нещименко Г.П. (Москва). ОБ АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ШИРОКОВОЙ.....</i>	33
<i>Петрухина Е.В. (Москва). СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ НА СЕМАНТИКО-ДИСКУРСИВНОЙ ОСНОВЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ СОБЫТИЙ, ПРОЦЕССОВ И СОСТОЯНИЙ.....</i>	38
<i>Лариса Писарек (Вроцлав). СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ВРОЦЛАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....</i>	41
<i>Савченко А.В. (Санкт-Петербург). К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ СИНСЕМАНТИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....</i>	44

<i>Семенова А.В. (Москва). СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КОЧЕВСКОГО ДИАЛЕКТА ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)</i>	46
<i>Скорвид С.С. (Москва). О ПРОЕКТЕ ХРЕСТОМАТИИ ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА</i>	48
<i>Татьяна Стоянович (Белград). ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ В СЕРБСКИХ БЫЛИЧКАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ)</i>	55
<i>Усикова Р.П. (Москва). СВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПОЛОГИЕЙ МАКЕДОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО ИНТЕНСИВНЫМ РАЗВИТИЕМ (1945-2004 ГГ.)</i>	55
<i>Хмелевский М.С. (Санкт-Петербург). ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ А.Г. ШИРОКОВОЙ</i>	58

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Будагова Л.Н. (Москва). ЕЩЕ РАЗ О МАРИИ МАЙЕРОВОЙ И ЕЕ ЕДИНОВЕРЦАХ</i>	61
<i>Герчикова И.А. (Москва). ЙОЗЕФ НЕСВАДБА В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ФАНТАСТИКЕ</i>	63
<i>Гиярова Е.Е. (Москва). ТВОРЧЕСТВО ИВАЙЛО ПЕТРОВА 1960-1980-х ГОДОВ</i>	67
<i>Карцева З.И. (Москва). «ЖЕНСКИЙ ШТУРМ» В БОЛГАРСКОМ РОМАНЕ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ</i>	70
<i>Ковтун Е.Н. (Москва). ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ХХ В.</i>	73
<i>Копытянская Н.Ф. (Львов). РАИСА РОМАНОВНА КУЗНЕЦОВА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ</i>	75
<i>Кузьмук Е.В. (Москва). «ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ» В РОМАНАХ «ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ» В. ВИННИЧЕНКО И «ВАЛЬДШНЕПЫ» М. ХВЫЛЕВОГО</i>	78
<i>Машкова А.Г. (Москва). РАИСА РОМАНОВНА КУЗНЕЦОВА – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ</i>	80
<i>Пескова А.Ю. (Москва). ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ ЯНА ГРУШОВСКОГО «ЧЕЛОВЕК С ПРОТЕЗОМ»</i>	83
<i>Петрухина А.Ф. (Москва). ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ НАРРАТИВНАЯ ТЕХНИКА ПИСЬМА В КНИГАХ П. ГРУЗА «ДОКУМЕНТЫ О ВИДАХ», «ОККУЛЬТИЗМ», «ХЛЕВ И ИГРЫ»</i>	86
<i>Рожкова Е.Ю. (Москва). «КОЦУРКОВО, ИЛИ КАК БЫ НАМ В ДУРАКАХ НЕ ОСТАТЬСЯ» ЯНА ХАЛУПКИ И «ЖЕНИХИ» КАРОЯ КИШФАЛУДИ (ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)</i>	88
<i>Скрипаль Е.А. (Москва). ТВОРЧЕСТВО МИХАЛА ВИВЕГА</i>	91
<i>Старикова Н.Н. (Москва). Ф. ПРЕШЕРН И С.Л. ЧЕЛАКОВСКИЙ (К ПРОБЛЕМЕ СЛОВЕНСКО-ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)</i>	94
<i>Тюрина А.А. (Москва). ИЗ ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ СТРУКТУРАЛИЗМА</i>	95

<i>Фолина М. (Москва)</i> . ТИПЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИЛАНА КУНДЕРЫ «КНИГА СМЕХА И ЗАБВЕНИЯ», «НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ» И ЙОЗЕФА ШКВОРЕЦКОГО «ЧУДО», «ИСТОРИЯ ИНЖЕНЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»	98
<i>Шведова Н.В. (Москва)</i> . «КОРНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ПОГРУЖЕННЫЕ ГЛУБОКО В ПРОПАСТЬ СНА» (НАДРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВЛАДИМИРА РАЙСЕЛА).....	100
<i>Шерлаимова С.А. (Москва)</i> . ЧЕХИ – «НАЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ»	102
<i>Шешкен А.Г. (Москва)</i> . ПРОБЛЕМА «УСКОРЕННОСТИ» ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУР)	106
<i>Широкова Л. (Москва)</i> . СЛОВАЦКАЯ «МОЛОДАЯ ПРОЗА» 1960-Х ГГ. ТЕНДЕНЦИИ И ЛИЦА	108
<i>Штакельберг Н.В. (Санкт-Петербург)</i> . ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РОМАНЕ Я. ТОПОЛА «СЕСТРА»	110

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
памяти заслуженных профессоров
МГУ им. М. В. Ломоносова
Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой

Под ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машиковой

Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru